DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

ПИСЕМСКІЙ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Pisemskiĭ, Alekseĭ Feofilaktovich,
1820–1881

СОБРАНІЕ ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

подъ редакціей

Н. ЛЕРНЕРА

Съ иллюстраціями Е. Лебедевой и Э. Соколовскаго, очеркомъ жизни и дѣятельности Писемскаго и его портретомъ

Bibliothek
1155
„ELITA"
П52

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
Петроградъ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузнец. М., 12 и Тверская, 22

Печать Типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
Петроградъ, Вас. Остр. 16 линія, соб. домъ.

891.73
P677PI

Очеркъ жизни и дѣятельности А. Ѳ. Писемскаго.

«Единственною путеводною звѣздою во всѣхъ трудахъ моихъ было желаніе сказать моей странѣ, по крайнему разумѣнію, хоть, можетъ быть, и нѣсколько суровую, но правду про нее самое». Писемскій, который своею литературной дѣятельностью это желаніе осуществилъ, имѣетъ неизмѣнныя права на вниманіе русскаго читателя.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій родился въ обѣднѣвшей старой дворянской семьѣ 10 марта 1820 г. въ сельцѣ Раменьѣ, Чухломскаго уѣзда, Костромской губерніи. Дѣдъ его былъ безграмотенъ, ходилъ въ лаптяхъ и самъ пахалъ землю. Отецъ прошелъ тяжелую жизненную школу, долго тер солдатскую лямку, былъ офицеромъ, послѣ тридцатилѣтней службы дослужился лишь до маіорскаго чина и получилъ суровый, нравственный закалъ; сынъ унаслѣдовалъ эту суровость. Учили маленькаго Алексѣя кое-какъ; людямъ съ небольшими средствами въ провинціальной глуши негдѣ было достать хорошихъ учителей. Зато къ чтенію мальчикъ пристра-

стился жадно. Въ 1834 г. его отдали въ костромскую гимназію. «Учиться тамъ, — передавалъ Писемскій впослѣдствіи,—я началъ понятливо и довольно прилежно, но гораздо бо́льшую стяжалъ себѣ славу на актерскомъ поприщѣ» (Разсказъ о его первыхъ актерскихъ успѣхахъ можно прочесть въ исторіи Паши Вихрова, подъ именемъ котораго онъ вывелъ самого себя: полковникъ Вихровъ—отецъ писателя, а Есперъ Ивановичъ — двоюродный дядя по матери, Всеволодъ Никитичъ Бартеневъ). Еще въ гимназіи Писемскій проявилъ писательскія способности. Въ пятомъ классѣ учитель словесности обратилъ на нихъ свое вниманіе. Ученикомъ шестого и седьмого класса Писемскій написалъ двѣ повѣсти, но обѣ неудачныя, такъ какъ въ нихъ онъ пробовалъ описывать такую жизнь, какая не могла быть ему знакома.

Университетскій курсъ, который Писемскій прошелъ въ 1840—1844 годахъ, научныхъ свѣдѣній далъ ему мало, но пріучилъ его къ умственной дисциплинѣ, и, главное, въ студенческіе годы онъ познакомился съ великими міровыми классиками слова и оцѣнилъ, и полюбилъ родную русскую литературу. Когда онъ окончилъ курсъ, отца уже не было въ живыхъ, мать была разбита параличомъ, денежныя дѣла были плохи. Пришлось поступить на казенную службу, на которой Писемскому не особенно везло. Послѣ долгой службы, на нѣсколько лѣтъ впрочемъ однажды прерванной, Писемскій имѣлъ и чинъ небольшой, и должность не изъ видныхъ; оставилъ онъ службу лишь въ 1872 году; всегда велъ трудовую жизнь, былъ строгъ и требователенъ къ себѣ. Умеръ онъ 21 января 1881 г.

Живя въ Костромѣ, потомъ въ Петербургѣ и наконецъ въ Москвѣ, занимаясь и службой, и литературой, и сельскимъ хозяйствомъ, Писемскій, отъ природы наблюдательный, старательно изучалъ русскую

жизнь. Ее онъ воспроизводилъ съ строгимъ безпристрастіемъ въ своихъ сочиненіяхъ, которыхъ написалъ съ 1846 г., когда романомъ «Боярщина» началась его литературная дѣятельность, много.

Какъ бытописатель русскаго народа, какъ обличитель общественныхъ недуговъ, Писемскій шелъ по слѣдамъ Гоголя, хотя безъ его пророческой скорби, безъ его «незримыхъ» слезъ, но съ истинно-гоголевской ненавистью ко злу.

Изъ написаннаго имъ лучшія вещи — романы: «Тюфякъ», «Люди сороковыхъ годовъ», «Тысяча душъ», «Мѣщане», «Масоны»; драмы: «Горькая судьбина», «Былые соколы», «Птенцы послѣдняго слета», «Хищники». Этимъ крупнымъ произведеніямъ не уступаютъ его небольшія повѣсти и разсказы, особенно тѣ, въ которыхъ онъ изображалъ жизнь простого народа (какъ, напримѣръ, «Питерщикъ» и «Плотничья артель»). Въ нихъ онъ выказалъ себя большимъ знатокомъ народнаго языка, народныхъ нравовъ и обычаевъ. «Это своего рода гласный изъ народа, схожій съ своими избирателями какъ по уму, таланту, такъ и по нравственному содержанію, и,—мѣтко сказалъ о Писемскомъ одинъ критикъ,—не узнать въ немъ выраженія народнаго способа понимать лица и предметы, кажется, нѣтъ возможности... Особенность его большого таланта заключалась въ томъ, что онъ ясно носилъ на себѣ печать непосредственности и вдохновенія, отличающихъ народное мышленіе... Писемскій порождалъ любопытные, забавные и всегда выразительные типы, которые теперь и гуляютъ по лицу нашей земли, открывая ей собственную ея физіономію. Такими типами изобилуютъ всѣ его сочиненія безъ исключенія».

Цѣлый рядъ такихъ фигуръ читатель найдетъ въ предлагаемыхъ здѣсь разсказахъ Писемскаго и связныхъ выдержкахъ изъ его романовъ. Умный и энер-

гичный Питерщикъ, кулакъ Пузичъ, даровитый, но доведенный рядомъ несчастій до величайшаго изъ нихъ—до убійства, плотникъ Петръ, забитый Матюшка, крутая и надменная, старая барыня, не уступающіе Хлестакову или Ноздреву лгуны, смѣтливый и бойкій солдатъ Симоновъ, рано выковавшій свой твердый характеръ гимназистъ Іосафъ, правдивая и рѣзкая болтунья Грачиха, забубенная голова-охотникъ, продавшійся за другого въ солдаты, умный, честный и суровый полковникъ Вихровъ, похожій на него старый ветеранъ Лихаревъ — все это цѣльные психологическіе и историческіе типы русскихъ людей, нарисованные просто и правдиво. Въ нихъ одинаково выявлены и добрыя, и худыя качества русской натуры. Кто задумывается надъ тѣмъ, какъ развивать первыя и подавлять послѣднія, кто хочетъ вникнуть въ душу народа, того многому научитъ такой художникъ-наблюдатель, какъ Писемскій.

Bibliothek „ELITA“

ПИТЕРЩИКЪ.

I.

ЧУХЛОМСКІЙ уѣздъ рѣзко отличается, напримѣръ, отъ Нерехтскаго, Кинешмскаго, Юрьевецкаго и другихъ *), это вы замѣтите, въѣхавши въ первую его деревню. Положительно можно сказать, что въ каждой изъ нихъ вамъ кинется въ глаза большой домъ, изукрашенный разными разностями: узорными, размалеванными карнизами, узорными подоконниками, какими-то маленькими балкончиками, Богъ вѣсть, для чего устроенными, потому что на нихъ ни откуда нѣтъ выхода, разрисованными ставнями и воротами, на которыхъ иногда попадаются до-

*) Костромской губерніи.

вольно странные предметы, именно: летящая слава съ трубой, счастье, вертящееся на колесѣ, съ завязанными глазами, амуръ какого-то особеннаго, темнаго цвѣта и проч. Если такихъ домовъ два или три, то прихоти въ украшеніяхъ еще болѣе усиливаются, какъ будто домохозяева стараются перещеголять въ этомъ случаѣ одинъ другого, и, когда вы, проѣзжая лѣтомъ деревню, спросите попавшуюся вамъ навстрѣчу бабу: «чей это, голубушка, домъ?» она вамъ сначала учтиво поклонится и навѣрно скажетъ: «богачей, сударь». А этотъ другой чей? «А это другихъ богачей». Произношеніе женщины, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя ваше вниманіе: представьте себѣ московское нарѣчіе нѣсколько на *а* и усильте его до невѣроятной степени, такъ что, говоря на немъ, надобно, какъ и для англійскаго языка, дѣлать гримасу. Я сказалъ, что вы встрѣтите женщину, на томъ основаніи, что лѣтомъ вы ужъ, конечно, не увидите ни одного мужика, а если и протащится по перегородкѣ какой-нибудь въ нитяной понёвѣ, нечесаный и въ разбитыхъ лаптяхъ, то вы, вѣроятно, догадаетесь, что это работникъ, и это дѣйствительно работникъ и непремѣнно *Леменецъ* *).

Зима — другое дѣло; зимой мужиковъ много появляется. У Богоявленія, что́ на горѣ, съ ко-

*) Вологодской губерніи волость.

торой видно на тридцать верстъ кругомъ, въ Крещенье храмовой праздникъ: съ ранняго еще утра стоятъ кругомъ всей ограды лошади въ пошевняхъ. Такой нарядной сбруи я въ другихъ мѣстахъ нигдѣ и не видывалъ. На уздѣ, напримѣръ, навязано, по крайней мѣрѣ, съ десятокъ бубенцовъ, на шлеѣ мѣдный наборъ сплошь, ьѣсомъ въ полпуда, а дуга по золотому фону расписана розанами. Войдите въ церковь; народъ стоитъ удивительно чистый; лица умныя, благообразныя, на всѣхъ почти синіе кафтаны, а вонъ напереди стоятъ одна лисья и двѣ енотовыя шубы—это-то и есть самые богачи: они изъ Терентьева, да ихъ и много; вонъ въ синемъ кафтанѣ, рублей по восемнадцати сукно, это изъ Овсянова. Заѣзжайте къ нему въ гости; увѣряю, что безъ цымлянскаго не уѣдете! Въ сѣрой поддевкѣ, рыжая борода, тоже богачъ изъ Маслова; однимъ словомъ, очень много, всѣхъ не перечтешь!

Дѣло въ томъ, что весь тамошній народъ ходитъ на чужую сторону, то есть въ Москву или въ Петербургъ; а есть и такіе, которые забираются и въ Гельсингфорсъ, и даже въ Одессу, и промышляютъ тамъ по столярному, стекольному, слесарному мастерствамъ. Очень трудной работы—каменной, плотничной, кузнечной,—чухломецъ не любитъ.

Жизнь почти каждаго изъ нихъ проходитъ

однимъ обычнымъ порядкомъ: приходитъ къ барину крестьянка-полустаруха: «что скажешь, Михайловна?»—спрашиваетъ тотъ.

— Къ вамъ, сударь, парнишку съ Аноѳревскимъ, Веденеемъ Иванычемъ сговорила.

— А по какой это части?

— По стекольной, батюшка, части.

— Что это у васъ все стекольщики?.. Хоть бы кто-нибудь изъ васъ въ колесники въ Макарово отдалъ? А то по деревнѣ колеса некому сдѣлать.

— Гдѣ ужъ, батюшка, мнѣ это затѣвать; дѣло вдовье, непривычное, а тутъ все на знакомствѣ-съ.

— На сколько же лѣтъ?

— На пять-съ лѣтъ, а по выходѣ отъ хозяина сто рублей да синій кафтанъ, съ обувкой.

— Ну, что же? Хорошо, съ Богомъ!

И отправляютъ парнишку съ Веденеемъ Иванычемъ, и бѣгаетъ онъ по Петербургу, или Москвѣ, съ ногъ до головы перепачканный: щелчками да тасканьемъ не обходятъ, нечего сказать, умуразуму учатъ. Но вотъ прошло пять лѣтъ: парень изъ ученья вышелъ, подросъ совсѣмъ, получилъ отъ хозяина синій кафтанъ съ обувкой и сто рублей денегъ и сходитъ въ деревню. Матка первое время какъ посмотритъ на него, такъ и зареветъ отъ радости на всю избу, а потомъ идутъ къ барину.

— Кто тамъ?—кричитъ тотъ изъ кабинета.

— Афимья съ своимъ питерцемъ пришла, — отвѣчаютъ ему изъ дѣвичьей, съ любопытствомъ оглядывая новичка.

— А, хорошо! Войдите.

Входитъ питерецъ: волосы приглажены, кафтанъ подпоясанъ съ форсомъ, сапоги свѣтятся и скрипятъ, кланяется барину и кладетъ ему на столъ рыбу, или яблокъ, или просто полтинникъ.

— Полно, братецъ, не надобно, — замѣчаетъ баринъ.

— Пожалуйте *), — отвѣчаетъ питерецъ, встряхнувъ головой.

— Молодецъ выросъ, а мастерству выучился ли?

— Про себя, сударь, говорить нельзя, а все могимъ сдѣлать, что отъ хозяина было показано.

— Это хорошо; жениться теперь пора, да и въ тягло.

Парень, слегка покраснѣвъ, улыбается.

— Не оставьте ужъ, батюшка, — отвѣчаетъ за него мать и при этомъ случаѣ опять прослезится.

— А у кого-же думаете взять?—спрашиваетъ помѣщикъ.

— У кого ваше приказанье будетъ, а мы, по нашему сирочеству, никого не обѣгаемъ,—отвѣчаетъ мать.

*) Это значитъ—примите.

— Какое же мое приказаніе... Вы знаете, я въ этомъ случаѣ не приказываю... сходитесь по себѣ, полюбовно.

— На томъ благодаримъ, батюшка, покорно,— отвѣчаетъ все мать.—Коли милость ваша будетъ, такъ у Ефья Петровича дѣвушку желаемъ взять.

— У Ефья, такъ у Ефья, ваше дѣло. Только чтобы съ той стороны не было сопротивленья.

— Сопротивленья не полагаемъ, разговоръ ужъ объ этомъ былъ.

— А тебѣ она нравится ли?—относится баринъ къ парню.

— Нравится, сударь; дѣвушку похулить нечѣмъ, какъ быть слѣдуетъ.

И женятъ такимъ образомъ парня въ мясоѣдъ, между Рождествомъ и масленицей. Но какъ пришелъ Великій постъ, такъ и начали молодого въ Питеръ сбирать: прибрали попутчиковъ, привязалъ онъ къ спинѣ котомку и пошелъ, а тамъ, мѣсяца черезъ два, и поотпишетъ что-нибудь, въ родѣ того:

«Милостивѣющая государыня матушка Аѳимья Михайловна и дражайшая сожительница Катерина Ефьевна, просимъ вашего родительскаго благословенія и навѣки нерушимо; о себѣ увѣдомляю, что проживаю по-тепериче у Веденея Иваныча за триста рублевъ въ лѣто, и при семъ прилагаю де-

сять цѣлковыхъ на подушную, чего и вамъ желаю.

» Крестьянинъ, вашъ сынъ такой-то».

На Петровъ день и барину оброкъ выслалъ, а къ Новому году и остальную половину, и самъ сошелъ въ деревню. Такъ онъ ходитъ каждый годъ, а тамъ, какъ Богъ посчастливитъ, такъ и хозяйство заведетъ: смотришь, и домъ съ белендрясами вытянулъ... Все это хорошо, когда хорошо идетъ, а бываетъ и другое.

Лѣтомъ въ 184... пріѣхалъ я въ чухломскую деревню Наволоки и, зная хорошо мѣстность, вовсе не удивился, когда на крикъ моего ямщика: «эй, десятской, подь сюда!»—вышла молоденькая и прехорошенькая собой баба.

— Ты, голубушка, десятской?—спросилъ я ее.

Она улыбнулась...

— Я, сударь.

— А какъ тебя зовутъ?

— Марьей.

— А строга ли ты?

— Да съ чего мнѣ строгой-то быть? Что за строгость такая, я и не знаю.

— Можно ли мнѣ остановиться въ этомъ большомъ домѣ?

— Для чего не остановиться... Погодите, я поспрашаю, отвѣтила десятской Марья и начала стучать въ окошко большого дома.

— Клементій Матвѣичъ, а, Клементій Матвѣичъ, вона баринъ пріѣхалъ; на фатеру къ тебѣ позывается!

Въ окно выставилось мужское лицо.

— Позволь мнѣ, мужичокъ, остановиться въ твоемъ домѣ, я пріѣхалъ по службѣ,—сказалъ я.

— Сдѣлайте милость, батюшка,—отвѣчалъ тотъ проворно...—Не больно приглядно у насъ...

— Дарья Михайловна, уберите тамъ въ горницѣ, что не надо,—услышалъ я его голосъ въ избѣ, а черезъ нѣсколько минутъ онъ и самъ показался на улицѣ. Это былъ лѣтъ тридцати пяти, видный собой мужикъ: волосы русые, борода клиномъ, на лбу нѣсколько морщинъ, взглядъ умный, лицо истощенное.

— Пожалуйте сюда на лѣсенку,—отнесся онъ ко мнѣ.—Ужъ извините на этотъ случай, что въ такомъ нарядѣ васъ принимаемъ, дѣло деревенское...—На немъ была, наскоро накинутая, значительно поношенная купеческая сибирка. — Ты, любезный, возьми кругомъ; тамъ подъ навѣсомъ и поставишь,—прибавилъ онъ извозчику.— А то тутъ въ ворота не пройдешь; нашъ экипажъ — телѣга негромоздка, въ калитку продернуть можно.

Въ сѣняхъ у окошка сидѣла худая сгорбленная старуха и что-то ворчала, замахиваясь клюкой на пятилѣтняго мальчишку, который къ ней то подскакивалъ, то отскакивалъ.

— Ѳедька, перестань баушку дразнить! Что ты?—крикнулъ на него Клементій.

— Она сама начинаетъ.

— Я тебѣ дамъ: сама начинаетъ!.. Вотъ ужъ пословица справедлива: старый, что малый... цѣлый день у нихъ этакія баталіи идутъ... Въ горенку пожалуйте; сюда налѣво,—говорилъ хозяинъ, провожая меня. Я вошелъ и, осмотрѣвшись, тотчасъ же догадался, что я у питерщика. Комната вся была оклеена сборными обоями: нѣсколько полосокъ французскихъ атласныхъ, нѣсколько хорошихъ русскихъ и, наконецъ, нѣсколько дешевенькихъ; штукатурный потолокъ былъ весь расписанъ букетами, такъ что глазамъ было больно смотрѣть на него; въ переднемъ углу стояли краснаго дерева кіота съ образами и столъ, на которомъ были нарисованы тарелки, а на нихъ—разрѣзанные фрукты, а около—серебряные ножи и вилки; лавокъ не было; ихъ замѣняли деревянные стулья, выкрашенные какъ будто бы подъ орѣхъ. Въ заднемъ углу стояла кровать съ ситцевыми занавѣсками, къ которой Клементій бросился тотчасъ, какъ мы вошли, и началъ выкидывать оттуда различную дрянь, говоря: «экъ у нихъ тутъ навалено! Что это за баба необрядная, все ей не въ замѣтку!..—Извините ужъ, батюшка,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ;—въ чемъ застали, въ томъ и судите, не чаяли вашей милости.

Я просилъ его не хлопотать, а велѣть, если у него есть, согрѣть мнѣ самоваръ.

— Какъ, сударь, не быть этого заведенья; не тѣ нынче времена и не такія здѣсь мѣста, чтобы не быть... Дарья Михайловна!—крикнулъ онъ въ дверь,—поживѣе самоваръ, да приготовьте тамъ чайникъ и чашки—все, какъ слѣдствуетъ, главная причина, перемойте почище.

— Славный у тебя домъ,—сказалъ я.

— Живетъ, батюшка, по деревнѣ.

— Самъ строилъ, или еще старикъ?

— Нѣтъ, ужъ самъ выводилъ; лѣсъ какъ-то нынче не противъ старины; крѣпости и ядренности никакой не имѣетъ.

— А эти цвѣты на потолкѣ не самъ ли рисовалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ; чужіе по найму мазали.

— Да ты питерщикъ?

— Питерщикъ былъ-съ.

— А по какому мастерству?

— Да тоже вотъ по этой, по малярной части.

— Въ домахъ, что ли, расписывалъ?

— Всяко-съ! И по наружности занимались, и внутри отдѣлку брали.

— То есть, какъ же?

— Да, то есть стѣны и потолки по трафарету расписывали, и асторическую живопись тоже немного маракуемъ.

— Все тоже по трафарету?

— Все по трафарету, нечего хвастать: отъ руки все какъ-то не доходимъ. Хватались было нѣкоторые изъ нашихъ, да не выходитъ, по тому случаю, что мужику противъ академика не быть, ученья такого мы не имѣемъ. Наше, сударь, доложу вамъ, мастерство такое, что и конца ему нѣтъ: крыши, да заборы, да стѣны красить— особъ статья; а, напримѣръ, полы подъ паркетъ выводить, или тамъ дверь и косяки подъ слоновую кость отдѣлать, это выходитъ вторая статья; экипажная часть тоже по себѣ, мебельное дѣло другого требуетъ, а комнатная живопись настоящая опять другое, а названье у всѣхъ одно: маляръ, да и баста; а кто дѣло разберетъ, такъ маляръ маляру рознь—кто до чего дошелъ.

Понятно, что Клементій былъ мужикъ оборотливый и немного резонеръ, потому что, какъ видно, любилъ обо всемъ поразсудить и потолковать.

— Какое ремесло самое выгодное?—спросилъ я, желая снова вызвать его на разговоръ.

— Какъ вамъ, сударь, сказать, это все въ зависимости отъ самого человѣка. Конечно, по хозяйской части, какъ и въ купеческомъ дѣлѣ, много и глупаго счастья бываетъ, а если насчетъ работниковъ взять, такъ все едино-единственно, зависитъ отъ того, кто какъ ремесло въ толкъ

взялъ, а другая, главная причина состоитъ и въ томъ: каковъ ты и въ поведеніи, особенно нонече, потому что народъ годъ отъ году сталъ баловатѣе; иной парень бываетъ по мастерству и не такъ расторопенъ, да поведенія смирнаго, онъ для хозяина нужнѣй первѣйшаго работника. Матеріалу, напримѣръ, временемъ нужно закупить, за рабочими присмотрѣть, артель такъ гдѣ-нибудь за глаза раздѣлать, онъ его сейчасъ въ эвто дѣло и употребитъ, и у насъ этакіе люди рублей по семисотъ въ лѣто получаютъ.

— Не по всѣмъ же мастерствамъ дается жалованье равное?

— Жалованье идетъ разное, про это кто говоритъ, только въ карманѣ выходитъ одно и то же. На что ужъ, кажись, по жалованью, лучше кузнечнаго дѣла! Послѣдній работникъ получаетъ четыреста, а который поискуснѣе и холодную тамъ подковку знаетъ, такъ и четыреста на серебро хватитъ, а много ли богачей? Ни одного! Отъ малаго до большого, что въ недѣлю заработалъ, то на праздникъ въ харчевнѣ и спустилъ; а тепереча, если взять и другую линію: портной, сапожникъ и гравировщикъ у насъ считается на что есть хуже изъ всѣхъ: у нихъ, съ позволенья сказать, зимой въ субботу въ баню надобно сходить, такъ старшій подмастерье выпроситъ у дворника рукавицы, надѣнетъ ихъ, вмѣ-

сто сапогъ, на ноги, да такъ и отвалятъ, а и по этому дѣлу выходятъ въ люди... Недалеко взять: у нашего барина дворовой человѣкъ сначала тоже въ Москвѣ поучился портняжничать, тутъ вернулся въ губернію и теперь первый сталъ во всемъ городѣ портной, и значитъ, что все человѣкомъ выходитъ.

— Неужели же портные менѣе прочихъ получаютъ жалованья?

— Жалованье жалованьемъ... имъ точно и жалованья меньше идетъ противъ прочихъ, но главная вещь: присмотру за нимъ никакого нѣтъ. Проживаютъ они больше по нѣмцамъ, а нѣмцу что?.. Платитъ онъ ему поштучно, спрашиваетъ въ работѣ чистоты и только; разсчитаютъ, что слѣдуетъ, а тамъ и распоряжайся жалованьемъ своимъ, какъ знаешь; хочешь, оброкъ высылай, а нѣтъ, такъ и пропей, пожалуй; у нихъ хозяину еще барышъ, какъ работникъ загуляетъ: онъ ему въ глухую пору каждый день въ рубль серебра поставитъ. А намъ, хозяевамъ, этого сдѣлать нельзя; у насъ, если парень загулялъ, такъ его надобно остановить, чтобы было чѣмъ барина въ оброкѣ удовлетворить, да въ домъ тоже выслать, потому что здѣсь все дѣло сосѣдское, все назнати, а нѣмецъ ничего этого во вниманіе не беретъ...

Вошла хозяйка съ самоваромъ, женщина еще

молодая, но очень непріятной наружности, рыжеватая, въ веснушкахъ, съ приплюснутымъ носомъ, узенькими глазами и вообще съ выраженіемъ лица, ничего не выражающимъ. Сарафанъ на ней былъ хоть и ситцевый, но полинялый, рубашка грязная. Недаромъ Клементій говоритъ: «эка баба необрядная...» «Это, должно быть, не чухломка», — подумалъ я. «Чухломка къ постороннему человѣку, а тѣмъ болѣе къ барину, никогда бы въ такомъ нарядѣ не пришла...» Хозяйка между тѣмъ, поставивъ самоваръ, сходила за чашками. Клементій смотрѣлъ на нее, какъ мнѣ показалось, съ какимъ-то затаеннымъ чувствомъ досады...

— Хоть бы ты, Дарья Михайловна, для гостей-то умылась,—произнесъ онъ и покачалъ головой.

— Ну, батюшка, — проговорила баба, поклонилась и ушла.

Я пригласилъ Клементія напиться съ собой чаю и сѣсть; то и другое онъ принялъ съ большимъ удовольствіемъ. Разговоръ между нами опять завязался, именно; о табакѣ, потому что я закурилъ въ это время трубку.

— Вы трубку изволите курить? — спросилъ меня Клементій.

— Да, трубку, а что же?

— Такъ, сударь; нынче господа къ сигарамъ

большое пристрастіе имѣютъ, и какъ еще эти, проклятыя, вотъ и названье-то забылъ, тоненькія такія.

— Папиросы?

— Именно папиросы; на удивленье вѣдь по первоначалу было: бумагу вздумали курить, бѣдность такая пришла, точно вотъ, какъ нынче мужики у насъ по деревнѣ: курить-то охотникъ, а табаку нѣтъ, денегъ тоже не бывало, такъ онъ моху этого лѣсного насушитъ, накладетъ въ трубку и запалитъ, точно настоящій табакъ, и поодурманитъ себя немножко, будто какъ и курилъ.

— А самъ ты куришь, или нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, сударь, по здѣшнимъ мѣстамъ отсталъ, а въ Питерѣ всего было: пуда съ три пережегъ этого добра... и здѣсь было, правду сказать, начиналъ, да старуха бранится, такъ и бросилъ... Не стаканъ-ли для чаю-то прикажете подать?

— Нѣтъ; а что же?

— Да мы вотъ тоже по чужой сторонѣ видали, что господа нынче больше въ стаканахъ употребляютъ.

— Мнѣ все равно... У васъ здѣсь по чужой сторонѣ промышляютъ?

— Всѣ-съ. По нашимъ мѣстамъ мужику проживать въ деревнѣ все равно, что чорту ладанъ.

— Отчего же это?

— Выгодъ, сударь, нѣтъ никакихъ; мужику копѣйки здѣсь не на чемъ заработать: земля вся плякъ, слѣдственно, хлѣбопашество самое скудное; сплавокъ лѣсныхъ, какъ, примѣрно, по Макарьеву, Ветлугѣ и другимъ прочимъ мѣстамъ, не бывало; фабрикъ поблизости тоже нѣтъ— чѣмъ мужику промышлять?.. За неволю пойдетъ на чужую сторону.

— И давно это промежъ васъ завелось?

— Давно или нѣтъ, я ужъ не знаю-съ; а только былъ, сударь, у меня дѣдъ, померъ онъ на сто седьмомъ году, я еще тогда былъ почти ребенокъ; однако же, помню, какъ онъ разсказывалъ, что еще при Петрѣ-Государѣ первые ходаки отсюдова пошли; вотъ когда еще это началось! А теперь ужъ насъ, прямо сказать, отъ этого промысла не отучишь. Съ малаго будемъ говорить: тамъ мы всѣ, не то, что хозяева или приказчики, а даже артельные, всѣ содержаніе имѣемъ отличное, по тому самому, что хоть бы взять въ нашемъ ремеслѣ: отпусти-ка въ артельную кашу мало масла, такъ онъ тебѣ красимши на одну половину масла за цѣлый годъ выдетъ, и мы въ этомъ, хозяева, никогда не стоимъ, кормимъ на убой, только чтобы въ работѣ не зѣвали да проворили; а здѣсь не очень раскуражишься; швыряй, пожалуй, молоко, а мы, признаться ска-

зать, не очень къ нему привычны. Мнѣ такъ вотъ даромъ его не надобно! Когда даже бабы ѣдятъ, такъ просто моритъ *), а насчетъ того же чаю, мы, питерцы, къ нему большое пристрастіе имѣемъ. Тамъ какой-нибудь лядащій мальчишка, завелся у него гривенникъ и бѣжитъ въ трактиръ, и сидитъ баріномъ, и туда же еще командуетъ, а въ деревнѣ самоваровъ не наставишься, прокладки ужъ этой и нѣтъ.

— А, главное, я думаю, вамъ не нравится полевая работа.

— Есть и это... отвыкаемъ очень... не велика, кажется, хитрость орать, а меня хоть зарѣжь, такъ косули по-настоящему не уставить... косить тоже неловокъ: машу, машу, а дѣла не прибываетъ... руки выломаешь, голову тебѣ распечетъ на солнцѣ, словно дуракъ какой-нибудь... и все бы это ничего, и къ этому мы бы дѣлу попривыкли, потому что здѣсь народъ все расторопный, старательный, да тутъ есть, пожалуй, другая штука...

— Какая же это?

— А вотъ какая-съ: здѣсь, я вамъ доложу, мы всѣ бахвалы, именно, такъ сказать, бахвалы наголо. Сойдетъ мужикъ изъ Питера или изъ Москвы и начнетъ гнуть штуки:—я да я, мы да мы, и бабы да дѣвки сидятъ да слушаютъ, ра-

*) Тошнитъ.

зиня ротъ, а намъ это и повадно, и куражимся... А какъ по деревнѣ-то живешь, такъ нечего прибавить: все на виду... Не дальше, какъ въ этой комнатѣ, было у меня этакое дѣло, на Пикольщинѣ. Есть здѣсь мужичекъ, верстахъ въ трехъ отсюда живетъ, старикъ простой, смирный, а денежный; на чужую сторону онъ не ходитъ, а занимается около дома торговлей: саломъ, солью, мясомъ, и прочимъ этакимъ товаромъ перебиваетъ. Сидитъ онъ у меня въ гостяхъ, и другіе тоже кое-кто былъ, народъ все хорошій; вдругъ приходитъ нашей деревни мужиченка Гришка, питерецъ коренной, но человѣкъ, то есть, никуда негодный. Не взираючи ни на кого и ни на что, *шасть* прямо въ передній уголъ, сѣлъ и почалъ хвастать: и денегъ, говоритъ, у него много, и анараловъ тамъ всѣхъ знаетъ, и во дворцѣ бывалъ; то есть, я вамъ скажу, такую понесъ околесную, хоть святыхъ выноси вонъ. Деревенскій этотъ мужичекъ слушалъ, слушалъ, да и говоритъ: «Гришка, не высоко ли берешь?...» Что-же, сударь, какъ вы думаете?... Этотъ шельма, Гришка, оборвалъ старика, на чемъ свѣтъ стоитъ! «И толоконное», говоритъ, «ты брюхо! и лѣсная кочерга!..» Просто сказать, раскостилъ, а тотъ только смолчалъ: дѣлать нечего, на чужой сторонѣ не бывалъ, разсуждать объ этомъ много не можетъ... Вонъ вѣдь у насъ какая

здѣсь практика заведена, такъ и не больно манитъ проживать около дома! А все лестно, нельзя ли какъ-нибудь въ Петеръ или Москву... Это, батюшка, полагаю, и въ вашемъ званіи бываетъ: вонъ молодые господа изъ Питера съѣзжаютъ, такъ большой тоже форсъ держатъ. Къ нашему барину пріѣзжалъ оттедова двоюродный братъ. Мы, какъ его по Питеру знаемъ, такъ господинъ очень непыратый: на службѣ нигдѣ не состоитъ, капиталовъ за собой никакихъ не имѣетъ, а только что, примѣрно, по-питерски сказать, тортуары тамъ гранитъ. А подите-ка, какъ пріѣхалъ сюда, какой тонъ повелъ! У нашего помѣщика въ усадьбѣ все расхаялъ: и домъ безъ скусу, и скотные дворы выстроены не по плану... Я тутъ невдалекѣ слушалъ, какъ они объ этомъ разговаривали, и только самъ съ собою подумалъ: «у тебя-то, думаю, выжига питерская, какія тамъ палаты разстроены!»

Клементій остановился.

— Отчего же ты самъ нынче не въ Питерѣ?—спросилъ я его вдругъ.

Клементій весь вспыхнулъ.

— Какъ вамъ сказать, сударь, — началъ онъ послѣ минутнаго молчанія, почесавъ въ головѣ и вздохнувъ слегка,—линія ужъ такая вышла, что пенья копать дома пришлось.

— Покутилъ, видно?

— То-то и есть, прогорѣлъ маленько. Пожару не было, а дымомъ вышло... мужикъ глупъ: какъ бы намъ не деревня, такъ бы мы и Бога забыли.

— Баринъ, что-ли, тебя не пускаетъ?

— Да оно и баринъ, видно, повыдержать немного хочетъ .. а другой случай: что на чужой сторонѣ мнѣ почесть, такъ сказать, и быть не у чего... въ работники идти какъ-то зазорно, а хозяйствомъ обзавестись моготы не хватаетъ...

— А ты самъ хозяйствовалъ?

— Тридцать человѣкъ одной артелидержалъ-съ, дѣла большія имѣлъ; кабы не своя глупость, такъ деньги бы теперь лопатой загребалъ...

— Отчего же? Попивать, видно, началъ?

— Не безъ того... у насъ безъ этого не бываетъ; хотя и то сказать: выпивка рабочему человѣку ничего, она ему по времени еще въ пользу идетъ... а то худо, когда мужикъ съ горя начинаетъ опрокидывать, когда на сердцѣ болитъ.

— А у тебя болѣло тоже сердце?

— А такъ, сударь, болѣло, что вотъ я теперича не жиренъ, а напредь сего былъ кожа да кости!... Исторія моя длинная, опечатать ее стоитъ... вотъ какая моя исторія!

Въ это время дверь пріотворилась.

— Клементій Матвѣичъ...—произнесъ женскій голосъ. Это была хозяйка.

Въ это время дверь пріотворилась...

— Что тебѣ? — отвѣчалъ съ досадою питерщикъ.

— Подь сюда: работникъ вопитъ, запахивать неча... Подь, батько, засѣй загончиковъ хоть пятокъ!

— Ну, ладно: изготовь тамъ жито-то... Извините, сударь, въ поле требуютъ... На угощеньѣ благодаримъ покорно.

— Ты зайди ко мнѣ послѣ.

— Съ большимъ нашимъ удовольствіемъ, если вамъ будетъ не въ тягость... Затѣмъ, наше почтеніе-съ,—проговорилъ Клементій и ушелъ.

II.

Оставшись одинъ, отъ нечего дѣлать, я пошелъ въ избу. Хозяйка парила крынки, Ѳедька сидѣлъ на лавкѣ и, что есть силы, колотилъ по столу косаремъ; бабушка-старуха переправилась изъ сѣней на голбецъ... На меня изъ нихъ никто не обратилъ вниманія.

— Вона, худы валенки-то, во что обуешься теперь,—ворчала старуха, простанывая по временамъ...—Не мало толстолобому говорила: купи, да купи, такъ на базарѣ нѣтъ... эка, братъ, и валенокъ про насъ на базарѣ не стало... а сивку... да... продали... не самъ еще заводилъ... ловокъ больно... да... а не говори — и не говорю... Успенье... на дворѣ, а еще и паръ не запарили... жди, паря, хлѣба... то-то... порядки

какіе... ой, батюшки, тошнехонько! Ой, ой, тошнехонько!...

— Чѣмъ мать больна?—спросилъ я невѣстку.

— Не знаю; давно ужъ она мозгнетъ, — отвѣчала та нехотя.

— Что у тебя, старушка, болитъ?—отнесся я къ больной.

— Что болитъ?... все болитъ, во всей болѣзь ходитъ... рученьки, ноженьки ломитъ, у сердца тошно; съ печи падала не одинъ разъ, пора бока отбить... Не такъ было прежде, жили... да... что станешь дѣлать... не больно нынче матокъ слушаютъ: хоть говори, хоть нѣтъ... третій годъ въ Питерѣ не бывалъ, какое ужъ это дѣло!... О-о-ой, тошнехонько!...

И мнѣ сдѣлалось тошно отъ болѣзненныхъ стоновъ старухи, а сверхъ того, Дарья ввалила въ крынку огромный, раскаленный камень, и всю избу наполнила паромъ.

— Плохо-жѐ житье питерцу,—подумалъ я.— Понятно, что въ семьѣ у него было не очень ладно: жена какая-то рабочая полуидіотка, мать больная и должно быть старуха блажная. Отчего это онъ, по его выраженію, прогорѣлъ, и почему нѐ въ Питерѣ?..

Съ такого рода размышленіями пошелъ по деревнѣ. Картины увидѣлъ обыкновенныя. На самой серединѣ улицы стояло цѣлое стадо овецъ,

изъ которыхъ одна при моемъ приближеніи фыркнула и понеслась марш-маршемъ въ поле, а за ней—и всѣ прочія; съ одного двора съѣхала верхомъ на лошади лѣтъ четырнадцати дѣвочка, на ободворкѣ пахала баба, по крѣпкому сложенію которой, и по тому, съ какой ловкостью управлялась она съ сохой и заворачивала лошадь, можно было заключить объ ея не совсѣмъ женской силѣ; нѣсколько подальше, у воротъ, стояла другая женщина и во все горло кричала: тёлъ, тёлъ, тёлъ!.. тёлонька, тёлонька, тёлъ!.. По дорогѣ, навстрѣчу мнѣ, шла десятской Марья съ ималомъ *) и уздой въ рукахъ.

— Что это баба кричитъ?—спросилъ я ее.

— Корову, сударь, выкликаетъ: коровка, должно быть, отстала,—отвѣчала она.

— Развѣ у васъ не за пастухами?..

— Нѣтъ, не за пастухами: у насъ пастуху нечего дѣлать. Скотина гуляетъ не по чисто-полью, а по лѣсамъ. Что тутъ пастухъ сдѣлаетъ? Разбредется по кустамъ, такъ и онъ ничего не увидитъ...

— А если украдутъ?

— Николи у насъ не крадутъ, звѣрь такъ обижаетъ, а воровства здѣсь не чуть.

— Волкъ, что-ли?

---

*) *Имало*—овесъ въ какой-нибудь чашкѣ или плетушкѣ, которымъ, поднося къ мордѣ лошади, приманиваютъ ее и такимъ образомъ ловятъ.

— Нѣтъ, не волкъ,—медвѣдь: нынѣшнее лѣто изъ нашей деревни, проклятый, двухъ коровъ изломалъ.

— Вы бы стрѣляли его.

— Кому у насъ стрѣлять? Былъ въ Терентьевѣ одинъ стрѣлокъ, да и тотъ передъ заговѣньемъ померъ... Тоже, вотъ этакъ, по веснѣ сѣлъ на лабазъ; медвѣдь-то пришелъ, падалину только обнюхалъ, а его стрясъ съ елки и почалъ ломать, всю шабалку своротилъ; тѣмъ и померъ, никакъ залечить не могли.

— Ты сама куда ходила?

— Лошадь ловить ходила, да не дается, песъ ее далъ.

— А развѣ въ домѣ у васъ нѣтъ мужика?

— Нѣтъ, сударь, ни одного нѣтъ-съ: батюшка-тесть и мой-то мужъ—оба въ Питерѣ.

— Отчего же мой хозяинъ дома проживаетъ?

— Клементій Матвѣичъ?

— Ну, да.

— Видно, не больно умно жилъ на чужой сторонѣ, такъ теперь задѣлье и правитъ.

— Загулялъ, что ли, онъ?

— Не безъ того, чай.

Разговаривая такимъ образомъ, мы подходили къ моей квартирѣ. Насъ нагналъ Клементій, который уже возвращался съ поля.

— Хоть бы вы, сударь, нашего хожалаго

пострашали, а то онъ ничего своей должности не исполняетъ,—сказалъ Клементій, указавъ головою на Марью.

— Что меня стращать: не мнѣ бы, а тебѣ, длинноносому, надобно эту должность исправлять,—отвѣчала та съ улыбкой.

— Нѣтъ, ужъ я, тетка, въ сотскіе буду проситься, чтобы ты у меня подъ началомъ была.

Я вошелъ въ свою комнату; питерщикъ не замедлилъ явиться. Мы усѣлись на прежнихъ мѣстахъ, и разговоръ между нами тотчасъ же начался.

— Ты говорилъ, что съ тобой была исторія, разскажи ее, пожалуйста,—сказалъ я.

Клементій сначала призадумался немного, потомъ усмѣхнулся.

— Разсказать, сударь, пожалуй, наше дѣло: слабы на языкъ-то; только, чтобы не наскучить вамъ: похожденія мои длинныя.

—Вовсе нѣтъ, я тебя прошу объ этомъ.

Клементій поправилъ бороду.

— Похожденія мои,—началъ онъ,—хоть бы взять съ того, что я вдовецъ и теперича женатъ на другой; первая моя хозяйка, всякій вамъ скажетъ, была этакая красавица, что другой, ей подобной,—можетъ быть, по всей имперіи изъ простого званья не найти. Восемь лѣтъ мы съ ней прожили, наперекоръ слова не бывало, а не токмо

что брани или тамъ драки этакія, какъ промежъ другими бываетъ. И я, сударь, не хвастаясь сказать, въ полтора года, изъ простыхъ мальчиковъ въ приказчики попалъ, а черезъ два года и самъ хозяйствомъ обзавелся, и такое у меня объ домѣ стараніе было: спать лежучи, объ домѣ думаешь; поутру встанешь, лба еще не перекрестишь, а все на умѣ, какъ бы денегъ спроворить да въ домъ послать... а въ пятый годъ такъ раздышался, что и бабу въ Питеръ выписалъ, еще у меня спорѣй пошло: она была, надо сказать, окромя красоты изъ лица, женщина умная, расторопная, чистоту любила на всякомъ мѣстѣ. Пойдешь, бывало, раннимъ утромъ по дѣламъ, воротишься домой: въ фатерѣ любо поглядѣть: прибрано, примыто, сама сидитъ лучше другой барыни, и такъ мнѣ все это было по нраву, что иной разъ всплачешь потихоньку... Господи, Боже мой, думаешь, за чьи Ты молитвы меня этакимъ счастьемъ поискалъ?..

Проговоря это, Клементій пріостановился.

— Далѣе!—сказалъ я.

— А дальше, сударь, только два годочка я искрасовался съ ней въ Питерѣ, и самъ не понимаю, что такое приключилось: врядъ ли ужъ тутъ не было чьего-нибудь дурного глаза. Больно мнѣ многіе изъ своей братьи въ зависть брать начали, а, можетъ быть, и напрасно клеплю, мо-

жетъ быть, и отъ простуды!... Пришла она у меня— дѣло это было по осени,—отъ всенощной и прямо на постель. «Что это, говорю я, Машенька, ты спозаранку спать забираешься?»— «Такъ, говоритъ, мнѣ все что-то не по себѣ».— «Такъ полно, говорю, дурочка, валяться-то, напейся чайку съ мадеркой, лучше испарина прошибетъ».—«Хорошо,» говоритъ, и встала, и надо полагать, что, черезъ принужденье, выпила одну чашку, а больше ужъ не могла, и опять легла.— Поутру еще хуже: я къ доктору, тотъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ ее: «горячка, говоритъ, у нея начинается». А за тѣмъ самымъ горячка да горячка. Лечили, кажись, всякимъ, —легче нѣтъ. Недѣлю помаялась, а въ восьмой день Богу душу отдала...

Клементій опять остановился: на глазахъ его навернулись слезы.

— Позвольте, сударь, трубочки покурить,— сказалъ онъ, смигивая слезы.

Я подалъ ему свою трубку.

— Вотъ этакъ-то лучше, пораскуражитъ маленько,—сказалъ онъ, вытянувъ сразу всю трубку, и продолжалъ:—Какъ случилось со мной этакое несчастіе, я впалъ поперваначалу въ какое то безчувствіе: какъ тамъ эти похороны и все этакое срядили да обрядили, ничего не помню... Все, говорятъ, смѣялся этакимъ смѣхомъ нехорошимъ... Такъ полагали, что совсѣмъ съ ума

спятилъ,—однако же, поопомнился. Самъ чувствую, что въ разумъ вхожу, а на сердцѣ часъ-отъ-часу становится тяжелѣе,—только и говорю работникамъ: не оставляйте, говорю, братцы, меня одного, я грѣхъ сдѣлаю, руки на себя наложу. Недѣли въ двѣ меня сломило совсѣмъ: ни аппетиту, ни силы, ничего не стало!... Провалялся я такъ до Новаго года, почесть... Надобно было расчеты сдѣлать, долги тоже кой-какіе получить, ничто не мило, все бросилъ и въ деревню съѣхалъ;—думалъ хоть этимъ облегченье получить,—не тутъ-то было... Видючи, какъ я убиваюсь, стали мнѣ хорошіе люди совѣтовать въ Тотьму, къ чудотворцу сходить. Мнѣ это очень пришлось по душѣ, и, какъ только я это, батюшка, задумалъ,—сразу легче стало. Никогда прежде живучи больше пятнадцати верстъ не хаживалъ, а тутъ прибѣгло такое желаніе, чтобы пѣшкомъ идти. Согласился я съ однимъ старичкомъ,—тронулись. На первыхъ порахъ отошелъ я двадцать пять верстъ и такую усталость почувствовалъ, что хоть подводчиковъ нанимать. Однако же, пересилилъ себя, дошелъ на другой день до Солигалича,—верстъ тридцать, примѣрно, сдѣлалъ, не отдыхаючи,—усталости ужъ такой не было. Въ самомъ Солигаличѣ зашелъ я съ моимъ товарищемъ къ одному юродивому — Андрюшкѣ: какъ я къ нему пришелъ,—подалъ

калачикъ,—онъ вдругъ запѣлъ: «со святыми упокой».—Пропѣвши нѣсколько разъ, водочки попросилъ. Я по глупости подумалъ, что онъ, и въ самомъ дѣлѣ, водки желаетъ: сходилъ сейчасъ въ питейный и принесъ ему. Взялъ онъ у меня полштофъ, да какъ швырнетъ въ уголъ, и запѣлъ: «Исаія ликуй». Какъ его потомъ ни спрашивалъ, ничего больше не сказалъ... И такимъ манеромъ я въ Тотьму сходилъ благополучно. Воротился домой. Баринъ у насъ тогда домъ отстраивалъ. «Возьми,—говоритъ,—Клементій, внутреннюю отдѣлку на себя». Я не поперечилъ, взялъ: такъ все лѣто и почти что всю осень и проработалъ у него; и это меня заняло оченно много. Отдѣлать тоже хотѣлось для барина получше. Въ первую пору, думалъ, и не перенесть горя; а тутъ пришло, что и о другой свадьбѣ задумалъ.

— О другой?

— Да-съ, и самъ ужъ не знаю, какъ это и вышло! Вамъ, сударь, можетъ быть, не безъизвѣстно наше обноковенье, что молодому мужику вдовымъ жить не приходится. У меня есть тоже старуха мать,—кажись, видѣли ее: начала она мнѣ говорить разные тамъ, то-есть, этакіе наши крестьянскіе резоны представлять, а тутъ и браниться, пожалуй. За глаза меня, сударь, сговорили, да помолвили на дѣвушкѣ изъ макарьевскаго имѣнья: я и не разсмотрѣлъ хорошенько,

наканунѣ только свадьбы и въ рожу-то увидалъ невѣсту. По чужимъ рѣчамъ все дѣло-то произошло, наговорили да натолковали: дѣвушка-де смирная, изъ дому идетъ хорошаго. Ну, думаю, что будетъ, то будетъ, не проживешь цѣлый вѣкъ безъ бабы.

— А съ той стороны, видно, было большое желаніе?

— Еще бы имъ не желать: дѣло ихъ было небогатое, а я, не хвастаясь, по тогдашнему времени былъ первый крестьянинъ изъ всего имѣнья. Во всю свадьбу поили меня на убой, чтобъ многаго не разсмотрѣлъ. Опомнился отъ ихняго угощенья, какъ домой пріѣхалъ, и только всплеснулъ руками! Женщина дѣйствительно вышла тихая, да для насъ—питерцевъ—не годится! Теперь-то плоха, а первое время и говорить по нашему не умѣла: ты ей толкуешь одно, а она понимаетъ другое. Затаилъ я, сударь, все на сердцѣ и, черезъ недѣлю же послѣ свадьбы, въ Питеръ махнулъ. Прежде, бывало, изъ дома ѣдешь, станціи двѣ слезами обливаешься, а въ тотъ разъ словно вольнымъ воздухомъ вздохнулъ, какъ изъ деревни вывалился. Пріѣхамши, прямо на дѣла кинулся. Въ годъ съ небольшимъ нажилъ деньги большія, а о деревнѣ и думушку думать забылъ. Выплатишь оброкъ, вышлешь малую толику на подушную, разсчитаешь работника,—и

только. А чтобы, тамъ этакъ, въ домъ къ украшенью что-нибудь, или подарки какіе-нибудь—и на разумъ не приходило. Матушкѣ такъ еще угождалъ кое-чѣмъ по времени, а благовѣрной двадцати-копѣечнаго платка не присылывалъ. словно какъ ее на свѣтѣ не бывало. Этого мало, сударь: отписываютъ, что парнишко родился,—никакого чувствія не было, словно какъ у чужихъ сдѣлалось. А кабы, кажись, первая Машенька родила, такъ сблаговалъ бы отъ радости!..

Воспоминанія эти привели Клементія въ какое-то возбужденное состояніе. Глаза у него разгорѣлись, на лбу выступилъ градомъ потъ, по блѣдному лицу появились красныя пятна.

— Прожилъ я, сударь, такимъ дѣломъ,—началъ онъ снова:—не сходя, въ Питерѣ три года, и, всю правду вамъ скажу, прожилъ смирно и началъ-было уже въ деревню собираться.

Но въ Питерѣ Клементій Матвѣичъ сталъ кутить и разорился. Наконецъ, попалъ въ больницу.

— Провалялся я тамъ два мѣсяца, и когда на третій выписался: ни крова, ни пищи, ни денегъ, ничего нѣтъ. Иду я къ дядѣ. Принялъ онъ меня, дай ему Богъ здоровья, не взираючи на все мое убожество, ласково. Разсказалъ я ему всѣ мои похожденія.—«Ничего, говоритъ, Клементій: со мной въ молодыхъ годахъ было то же самое, два

раза изъ Питера въ одной рубахѣ сходилъ. Совѣтъ мой тебѣ такой: иди ты теперь въ деревню, тамъ ты почувствуешься».—«Нѣтъ, говорю, дядя, ни за какія тысячи не пойду въ деревню въ этакомъ безобразіи; помоги ты мнѣ здѣсь, дай ты мнѣ здѣсь поопрaвиться».—Какъ меня старикъ ни отклонялъ, я стою въ одномъ; онъ видитъ—дѣлать нечего: принялъ меня къ себѣ, жалованья положилъ пятнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, только никуда не отпускалъ и съ артелью работать заставилъ. Проку выходитъ мало: руки на дѣло не поднимаются, почесть, половина работниковъ къ нему отъ меня отошло, прежде подъ началомъ были, а тутъ стали подтрунивать; я же былъ всегда большой гордецъ. Для меня это показалось пуще востраго ножа. Сказамши, что будто бы думаю въ деревню сойти, отошелъ; жалованье, какое пришлось, пропилъ и поступилъ къ мяснику, говядину таскать на лодкѣ; дѣло непривычное: первый день проторговалъ цѣлый рубль, на другой день поостерегся, такъ ничего не продалъ,—и затѣмъ, сударь, начались мои разныя похожденья: былъ я дворникомъ, былъ водовозомъ. Отрада была только въ томъ, что, какъ появится въ карманѣ хоть гривенникъ, сейчасъ его въ кабакъ. Дня по два совсѣмъ не ѣмши былъ, одежа—словно рубище, сапоги—только одно званіе... Стыдно признаться, а грѣхъ

потанть: бывали такіе случаи, что Христа ради проспль.

— Какъ же въ деревню попалъ?

— Почти что насильно. Пачпортъ у меня вышелъ, изъ деревни не шлютъ; я было къ одному господину, которому отъ нашего помѣщика приказанье было,—такъ и такъ говорю, нельзя ли мнѣ выдать билетъ.—А вотъ, говоритъ, погоди, я тебѣ выдамъ,—я ужъ давно до тебя, голубчика, добираюсь.—Задержалъ онъ меня у себя на фатерѣ, пріискалъ попутчика изъ здѣшнихъ мѣстъ, человѣка этакаго аккуратнаго, крутого, сдалъ ему меня подъ росписку,—тотъ и свезъ, только что не на привязи. До сихъ поръ, батюшка, я этого господина поминаю добромъ. Не распорядись онъ со мной такимъ дѣломъ, можетъ быть, погибъ бы совсѣмъ. Предоставилъ меня мой извозчикъ прямо въ нашу усадьбу.—И стыдно-то и страшно. Чуть не умеръ въ это утро, ожидаючи, когда въ горницу позовутъ;—наконецъ, требуютъ: посмотрѣлъ на меня баринъ. Я весь дрожу, слезы у меня въ три ручья такъ и текутъ по щекамъ. «Ну, братецъ,—говоритъ онъ мнѣ,—много мнѣ объ тебѣ дурного говорили, но я не вѣрилъ, а теперь вижу, что правда. Наказывать мнѣ тебя стыдно, хотя ты и стоишь того, а скажу тебѣ только одно, что чужой стороны тебѣ въ глаза не видать. Коли не умѣлъ тамъ обстоятельно жить,

такъ ходи за косулей и справляй задѣлье». Такъ-то теперь я здѣсь и живу. Въ Питеръ хочется, а попроситься не смѣю, а если бы, кажись, попалъ туда, и хоть бы какая маленькая линія вышла, такъ бы въ полгода раздышался лучше прежняго.

Клементій утомился и замолчалъ. Я нѣсколько времени смотрѣлъ внимательно на его выразительное лицо. Это былъ не кулакъ-мужикъ, который всѣ свои стремленія ограничиваетъ тѣмъ, чтобы всевозможными чистыми и нечистыми средствами набивать себѣ копѣйку. Его душѣ, какъ мы видѣли, были доступны нѣжныя и почти тонкія ощущенія. Даже въ самомъ разумѣ его было что-то широкое, размашистое, а въ этомъ мудромъ опознаніи своихъ проступковъ сколько высказалось у него здраваго смысла, который не далъ ему пасть окончательно и который, вѣроятно, поддержитъ его и на дальнѣйшее время.

III.

Какъ Клементій говорилъ, такъ и случилось. Не болѣе, какъ черезъ три года, я встрѣтилъ его въ одномъ трактирѣ. Онъ сидѣлъ въ волчьей шубѣ, съ золотымъ перстнемъ на пальцѣ, въ ботфорто-подобныхъ сапогахъ, съ двумя другими, тоже, надо полагать, подрядчиками, и что-то имъ

толковалъ; они его слушали съ большимъ вниманіемъ, хотя и были гораздо старше его.—Я подошелъ къ нимъ. Клементій меня узналъ и просилъ напиться съ нимъ чаю. Я сѣлъ. Онъ держалъ себя далеко гордѣе прежняго, говорилъ меньше, какъ-то истово и совершенно ужъ купеческимъ тономъ. Потомъ, онъ звалъ меня убѣдительно зайти къ нему на квартиру,—и я былъ. Жилъ онъ со всѣми признаками довольства, хотя и не совсѣмъ опрятно. Для меня онъ приготовилъ ту, невѣдомо по чьему вкусу составленную, закуску, на которую, вѣроятно, попадалъ и читатель въ купеческихъ домахъ, то-есть, въ одно время было поставлено на столъ: водка, вино, икра, пряники, какія-то маленькія конфетки, огурцы, жареный въ постномъ маслѣ лещъ, колбаса, орѣхи,—и всего этого я, по неотступной просьбѣ хозяина, долженъ былъ отвѣдать. О себѣ Клементій мнѣ разсказалъ, что года два тому назадъ баринъ отпустилъ его въ Питеръ опять, и что, мало того, взялъ подъ свой залогъ его подрядъ и сдалъ ему, и что онъ съ этого времени, по милости Божіей, и пошелъ опять въ гору, и теперь имѣетъ тысячъ до десяти чистаго капитала; что блажи теперь у него никакой нѣтъ; въ деревню съѣздитъ каждую зиму, хмѣльного ничего въ ротъ не беретъ, потому что отъ хмѣльного мужику все нехорошее и въ голову приходитъ.

Парнишку отдалъ въ ученье къ одному пріятелю, по тому же малярному мастерству, по тѣмъ причинамъ, что, если учить его при своей артели и на своихъ глазахъ, такъ либо перебалуешь, либо заколотишь... и тому подобное.

Порадовавшись успѣху питерщика, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лицѣ его порадовался и вообще за русскаго человѣка.

ПЛОТНИЧЬЯ АРТЕЛЬ.

I.

ЗИМУ прошлаго года я прожилъ въ деревнѣ, какъ говорится, въ четырехъ стѣнахъ, въ старомъ, мрачномъ домѣ, никого почти не видя, ничего не слыша, посреди усиленныхъ кабинетныхъ трудовъ, имѣя для своего развлеченія однѣ только трехверстныя поѣздки по непромятой дорогѣ, и потому читатель можетъ судить, съ какимъ нетерпѣніемъ встрѣтилъ я весну. И—Боже мой! какъ хороша показалась мнѣ оживающая природа, и какую тонкую способность получилъ я наслаждаться ею, способность, которая—не могу скрыть—была мною утрачена въ городской жизни, посреди чиновничьихъ и другого рода

мірскихъ треволненій. Настоящимъ образомъ таять начало-съ апрѣля, и я ужъ цѣлый день оставался на воздухѣ, походя на больного, которому, послѣ полугодичнаго заключенія, разрѣшены прогулки, съ тою только разницею, что я не боялся ни катарра, не ревматизма, ходилъ въ легкомъ платьѣ, смѣло промачивалъ ноги и свободно вдыхалъ свѣжій и сыроватый воздухъ. Протаявшій на пригоркѣ лугъ сдѣлался для меня предметомъ неистощимаго вниманія; по нѣсколько разъ въ день я наблюдалъ, какъ онъ больше и больше расширяется, свѣжѣй и свѣжѣй зеленѣетъ; появившіяся на садовыхъ вербахъ почки я почти пересчитывалъ, какъ будто бы въ нихъ было все мое богатство. Съ какимъ живымъ чувствомъ удовольствія поѣхалъ я, едва пробираясь верхомъ, по проваливающейся на каждомъ шагу дорогѣ, посмотрѣть на свою родовую рѣчку, которую лѣтомъ курица перейдетъ, но которая теперь, несясь широкимъ разливомъ, уносила льдины, руша и ломая все попадающееся ей навстрѣчу: и сухое дерево, поваленное въ ея русло осеннимъ вѣтромъ, и накатъ съ моста, и даже вершу, очень бы, кажется, старательно прикрѣпленную старымъ поваромъ, ради заманки въ нее неопытныхъ щурятъ. Цѣлую недѣлю на небѣ хоть бы облачко; солнце съ каждымъ днемъ обнаруживаетъ больше и больше свою теплотворную силу и припекаетъ

гдѣ-нибудь у стѣны точно лѣтомъ. И сколько птицъ появилось, и какъ онѣ ожили, откуда прилетѣли и всѣ поютъ: токуютъ на своихъ сладострастныхъ ассамблеяхъ тетерева, свищетъ по-временамъ соловей, кукуетъ однообразно и печально кукушка, чирикаютъ воробьи; тамъ откликнется иволга, тамъ прокричитъ коростель... Господи! сколько силы, сколько страстности, и въ то же время сколько гармоніи въ этихъ звукахъ оживающаго міра! Но вотъ снѣгу больше нѣтъ: лошадей, коровъ и овецъ, къ большому ихъ, сколько можно судить по наружности, удовольствію, сгоняютъ въ поля—наступаетъ рабочая пора; впрочемъ, весной работы еще ничего—не такъ торопятъ: съ Христова дня по Петровъ постъ, воскресенья называются *гуляющими*; въ поляхъ возятся только мужики; а бабы и дѣвки еще ткутъ кросна и, которыя изъ нихъ помоложе и повеселѣй да посвободнѣй въ жизни, такъ ходятъ въ сосѣднія деревни или въ усадьбы на гульбища; ихъ обыкновенно сопровождаютъ мальчишки въ ситцевыхъ рубахахъ и непремѣнно съ крашенымъ яйцомъ въ рукѣ. Гульбища эти по нашимъ мѣстамъ нельзя сказать, чтобъ были одушевленны: бабы и дѣвки больше стоятъ, переглядываются другъ съ другомъ и, долго-долго сбираясь и передумывая, станутъ, наконецъ, въ хороводъ и запоютъ безсмертную. «Какъ по морю, какъ по

морю»; при чемъ одна изъ дѣвокъ, надѣвъ на голову фуражку, представитъ парня, убившаго лебедя, а другая красну-дѣвицу, которая подбираетъ перья убитаго лебедя дружку на подушечку; или, раздѣлясь на два города, ходятъ другъ къ другу навстрѣчу и поютъ—однѣ: «А мы просо сѣяли, сѣяли», а другія: «А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ». Самой живой сценой бываетъ, когда какой-нибудь мальчишка покатится вдругъ колесомъ и врѣжется въ самый хороводъ, при чемъ какая-нибудь баба, посердитѣе на лицо, не упуститъ случая, проговоря: «я тѣ, песъ-баловникъ этакой!»—толкнуть его ногой въ бокъ, а тотъ повалится на землю и начнетъ дрыгать ногами: дѣвки смѣются... Иногда привяжется къ хороводу только что воротившійся съ базара пьяный мужиченко и начнетъ выкидывать другія штуки: возьметъ, напримѣръ, двѣ палки, изъ которыхъ одну представитъ будто смычокъ, а изъ другой скрипку, и начнетъ наигрывать языкомъ «*Барыню*», или нагонитъ какого-нибудь мальчишку, стащитъ съ него сапогъ силой, возьметъ этотъ сапогъ какъ балалайку и, тоже наигрывая языкомъ, пустится плясать и, поднявъ на улицѣ своими лаптями страшную пыль, провалится, наконецъ, куда-нибудь; хороводницы послѣ этого еще постоятъ, помолчатъ, пропоютъ иногда «Калинушка съ малинушкой лазоревой цвѣтъ», маль-

чинки еще подерутся между собой, и затѣмъ начнутъ расходиться по домамъ... Вотъ вамъ и игрище все!

Между тѣмъ, время идетъ: яровое допахиваютъ. Вечеръ ясный, теплый. Я сижу на задней галлереѣ дома, обращенной во дворъ. Въ залѣ шумятъ двое маленькихъ сыновей: старшему, Павлу, четвертый, а младшему, Николаю, второй годъ. Они всѣми силами стараются перекричать другъ друга, вскрикивая «пли, пли, пли!» Это они играютъ въ солдаты и воюютъ съ турками; вдругъ одинъ заревѣлъ. «Поля! Ты опять брата дразнишь?»—кричу я, напередъ зная, что старшій, буянъ, обидѣлъ младшаго, и хочу идти, но слышу, пришла мать: она лучше возстановитъ миръ. Поля пренаивно объявилъ, что онъ братца пикой закололъ; ему объясняютъ, что братца стыдно колоть пикой, потому что братецъ маленькій, и, въ наказанье, уводятъ въ гостиную, говоря, что его не пустятъ гулять больше на улицу и что онъ долженъ сидѣть и смотрѣть книжку съ картинками; а Колю между тѣмъ, успокоивъ леденцомъ, выносятъ ко мнѣ на галлерею. Онъ такъ огорченъ, что все еще продолжаетъ всхлипывать; большіе голубые глазенки полны слезъ.

— Что, Коля, тебя обидѣли?—говорю я, беря его за подбородокъ.

Онъ нѣсколько времени смотритъ на меня, потомъ прижимаетъ головку къ плечу няньки и, какъ бы вспомнивъ тяжко-нанесенную ему обиду, горько, горько опять заплачетъ.

— Полно, батюшка, полно! Вонъ, посмотри, какая идетъ кошка, а-а-а, кошка!... кисъ, кисъ, кисъ!...—говоритъ ему въ утѣшеніе нянька, показывая на перебирающуюся по забору кошку.

Ребенокъ занялся.

— Кисъ, кисъ, кисъ!—шепчетъ онъ тихонько.

— Да, батюшка, кисъ, кисъ, кисъ,—повторяетъ за нимъ нянька, и оба, очень довольные другъ другомъ, отправляются въ залу баюкаться.— «Бай, бай, бай!»—начинаетъ напѣвать старуха. «О, о, о», окается ребенокъ, а я все еще продолжаю сидѣть: не хочется въ комнаты, отрадно на воздухѣ, хоть и становится свѣжо. Однако дѣдушка Ѳаддей прошелъ ужъ за квасомъ—значитъ, девятый часъ въ исходѣ. Дѣдушка Ѳаддей только три раза въ день (передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ) слѣзаетъ съ печи и ходитъ за квасомъ и— не безпокойтесь, никогда не опоздаетъ, всегда первый нацѣдитъ изъ общественной квасницы въ свой буракъ: не любитъ жидкаго квасу, ну, а дворня не маленькая, какъ разъ сольютъ и набурятъ водой. Чалый меринъ, которому дозволено гулять въ саду по дряхлости лѣтъ и за заслуги, оказанныя еще въ юности,—чалка этотъ вдругъ

заржалъ; это значитъ, слышитъ лошадей—такой ужъ конь табунный, живъ-сгорѣлъ по своемъ братѣ: значитъ, это съ поля ѣдутъ. Сначала показываются боронщики мальчишки, верхами на лошадяхъ; Васька, сынъ кучера, обыкновенно впереди всѣхъ и, что есть духу, мчится, но, завидѣвъ меня, поѣхалъ шагомъ. Этакого сорванца мальчишки и вообразить трудно: его пошлютъ, напримѣръ, за грибами; а онъ поймаетъ въ полѣ чью-нибудь чужую лошадь, взнуздаетъ ее веревкой, да верстъ въ десять конецъ и дастъ взадъ и впередъ.

«Однако, что-жъ это оральщики не шабашатъ?» думаю я самъ съ собою: но и оральщики отшабашили, ѣдутъ. Это можно догадаться по крику задѣльнаго мужика, Петра Завирохи; не зная, можно подумать, что онъ съ кѣмъ-нибудь бранится, а вовсе нѣтъ: онъ только говоритъ, и безпрестанно говоритъ и все крикомъ кричитъ; поэтому его Завирохой и прозвали. Отъ оральщиковъ отдѣлился староста, худощавый и съ озабоченнымъ лицомъ мужикъ, отличающійся отъ прочихъ только тѣмъ, что въ сапогахъ и съ палочкой, но, какъ и всѣ другіе, сильно загорѣлый и перепачканный въ грязи; онъ входитъ на красный дворъ; снимаетъ шапку и подходитъ къ периламъ галлереи.

— Здравствуй, Семенъ, надѣвай шапку. Что скажешь хорошаго?—говорю я.

— Овесъ выкидали,—отвѣчаетъ Семенъ неторопливо.

— Ну, и слава Богу! Во-время, значитъ, управляемся; теперь, стало быть, ячмень и ленъ только остался,—продолжаю я.

— Ленъ и ячмень остался теперь,—подтверждаетъ Семенъ.

Нѣсколько времени мы оба молчимъ.

— Теперь бы дождичка надо,—замѣчаю я.

Семенъ вздыхаетъ.

— Не мѣшало бы и дождичка,—соглашается онъ.

Вообще, онъ говоритъ какъ-то лѣниво: видно, усталъ; да и... Я, впрочемъ, понимаю, что это значитъ.

— Эй! Кто тамъ?—кричу я:—скажите ключницѣ, чтобъ дала старостѣ водки.

Лицо Семена въ минуту освѣщается удовольствіемъ: ключница выноситъ стаканъ водки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полъ-ломтя густо насоленнаго хлѣба. Она, по разнымъ сношеніямъ, большая пріятельница Семену и всѣхъ почти дѣтей у него крестила.

Семенъ беретъ стаканъ, крестится и, проговоря:

— Съ засѣвомъ, батюшка, поздравляю!—выпиваетъ сразу и потомъ морщится.

— Закусите, — говоритъ ключница, подавая ему хлѣба.

Семенъ отламываетъ небольшой кусочекъ, съѣдаетъ и откашливается.

— Озими, сударь, нынче, слава Богу, хорошо подымаются,—заговариваетъ ужъ онъ самъ.

— Хороши, братецъ, хороши, видѣлъ я; и травы, кажется, тоже будутъ порядочныя.

— Травы важныя засѣли-съ,—подтверждаетъ Семенъ:—весна то нынче, сударь, что Богъ дастъ впередъ, вольготна для всего идетъ; оно, выходитъ, тепло, да и дождички перепадаютъ.

— Заморозковъ чтобъ не было — это вотъ скверно для всего,—замѣчаю я.

Семенъ усмѣхается.

— Пожалуй, что того и жди,—подтверждаетъ онъ.—Покойный вашъ папенька тоже говаривалъ, какъ, этакъ, съ весны теплая погода начнетъ: «ну, говоритъ, будетъ вычетъ; какъ подуетъ отъ Николы любезный, такъ и ходи недѣли двѣ въ шубахъ».

(Никола—приходъ, отъ насъ въ сѣверной сторонѣ).

— Неужели каждый годъ это бываетъ?

— Почесть, что каждый годъ, что вотъ я ни живу: Богъ знаетъ, отчего это; кто говоритъ, что пахать начнутъ, пластъ поднимутъ, такъ земля изъ себя холодъ дастъ, а кто и на черемуху приходитъ: что какъ черемуха цвѣтетъ,

такъ отъ нея сиверко дѣлается... Богъ знаетъ, какъ и сказать.

— А куда завтра народъ пошлешь?—спрашиваю я его.

— Завтра на дороги надо выгнать: выбиваютъ. Сотской два раза прибѣгалъ: исправникъ его хлестать хочетъ, что дороги долго не чинятъ.

— Ну, на дороги, такъ на дороги, откладывать нечего въ дальній ящикъ: не отвертишься.

— Извѣстно-съ, — соглашается Семенъ: — за нами хоть бы и безъ васъ,—прибавляетъ онъ:— хошь кого извольте спросить, никогда супротивъ прочихъ ни въ чемъ остановки нѣтъ; какъ другіе вышли, такъ и мы.

— Это хорошо; такъ и надо. Ступай, однако, отдыхай,—заключаю я.

Семенъ сначала пошелъ было, но потомъ пріостановился, подумалъ немного и опять воротился ко мнѣ.

— Насчетъ плотника вы приказывали... —проговорилъ онъ.

— Ну, да; что-жъ?

— Наказывалъ я; на этой недѣлѣ обѣщался побывать.

— И хорошо; только сдѣлаетъ ли онъ ригу-то?

— Какъ бы, кажись, не сдѣлать: по мужикамъ здѣсь на всемъ околоткѣ работаетъ; рига не какая хитрость, не барскія хоромы.

Тѣмъ разговоръ мой съ Семеномъ и кончился.

II.

Дня черезъ три, я сижу въ кабинетѣ, который, какъ водится въ помѣщичьихъ домахъ, прилегаетъ къ лакейской; слышу: кто-то вошелъ. Я окликнулъ; вмѣсто отвѣта, въ сопровожденіи Семена, вошелъ мужикъ небольшого роста, съ татарскимъ отчасти окладомъ лица: глаза угловатые, лицо корявое, на бородѣ нѣсколько волосковъ; но мужикъ хоть и изъ простыхъ, а должно быть франтоватъ: голова расчесанная, намасленная, въ сурмленной поддевкѣ нараспашку, въ пестрядинной рубашкѣ, съ шелковымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мѣдный гребень, въ новыхъ сапогахъ и съ поярковой шляпой въ рукахъ. Какъ вошелъ, такъ и началъ молиться и молился долго, потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ схватилъ и поцѣловалъ у меня руку. Мнѣ это съ перваго раза не понравилось.

— Что это за глупости?—сказалъ я съ сердцемъ, отнимая руку.

Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Это, ваше высокоблагородіе, такъ слѣдствуетъ: когда выходитъ господинъ, значитъ, опосля Бога и царя первый, ваше высокопривосходительство,—проговорилъ онъ съ умилительной физіономіей.

— Да кто ты такой? Что ты за человѣкъ?

— Пузичъ, ваше привосходительство.

— Что такое Пузичъ?

— Фамилья такая у меня, значитъ, ваше привосходительство, и таперича наслышанъ я, что работа у васъ имѣется, ваше привосходительство, что ежель таперича вамъ мастера хорошаго надобно, чтобъ въ настоящемъ видѣ могъ представить, ваше привосходительство...

— Плотникъ это-съ, что этта говорили,—разрѣшилъ наконецъ Семенъ.

— А! плотникъ! Я и не догадался. Красно ужъ очень говоришь ты, братецъ,—сказалъ я.

Похвалу эту Пузичъ принялъ за чистую монету.

— Нельзя, ваше высокопривосходительство, намъ разговору не знать: ежель таперича дѣла имѣемъ мы съ господами хорошими, значитъ, компанію имъ должны сдѣлать завсегда, ваше привосходительство.

— Конечно,—сказалъ я;—только такъ ли ты хорошо строишь, какъ говоришь?

— Работа моя, ваше привосходительство, извольте хоть вашего Семена Яковлича спросить, здѣсь на-знати; я не то, что плутъ какой-нибудь, али мошенникъ, я одного этого безчестья совѣстью не подниму взять на себя, а, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, должонъ сказать:

колесо мое большое, ваше привосходительство; должонъ благодарить Владычицу нашу, Сѣнновскую Божью Матерь, тѣмъ, что могу угодить господамъ. Таперича, хоша бы карандашомъ рисовка на планѣ, или, примѣрно, циркулемъ, али теперь по ватерпасу прикинуть—все въ разумѣ моемъ имѣть могу, ваше привосходительство.

Семенъ усмѣхался и качалъ головой.

— Какъ же, братецъ, ты вотъ все это въ разумѣ имѣешь, а работаешь больше по мужикамъ?—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, ваше привосходительство, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, говорю: за безчестье себѣ считаю у мужика работать. Что мужикъ?—дуракъ, такъ сказать, больше ничего!—возразилъ Пузичъ.

— Да вѣдь и ты не княжескаго рода. Говори дѣло-то, а не то что...—вмѣшался Семенъ.

— Извѣстно, слово твое настоящее, Семенъ Яковличъ, коли говорить, такъ говорить надо дѣло,—отвѣчалъ, не сконфузясь, Пузичъ.

Онъ началъ производить на меня окончательно непріятное впечатлѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нѣсколько лѣнивую и флегматическую фигуру моего Семена, который слушалъ все это съ тѣмъ худо-скрытымъ невниманіемъ и презрѣніемъ, съ какимъ

обыкновенно слушаетъ хорошій мужикъ плутоватую болтовню своего брата.

— Брать ли намъ его?—спросилъ я Семена.

Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Возьмите. Здѣсь ишь какая сторонка—глушь: хоть бы изъ ихъ брата, первой, другой, да, пожалуй, и обчелся.

— Безъ сумленія будьте, ваше привосходительство, сдѣлайте такую милость!—подхватилъ Пузичъ.

— Что жъ ты возьмешь? Какъ твоя цѣна будетъ?—спросилъ я.

— Цѣна моя, ваше привосходительство,—началъ Пузичъ:—будетъ деревенская, не то, что съ запросомъ какимъ-нибудь, али тамъ прочее другое, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, для перваго знакомства удовольствіе, значитъ, хочу сдѣлать: на вашихъ харчахъ, выходитъ двѣсти рублевъ серебромъ.

При этомъ Семенъ мой даже попятился назадъ.

— Что ты, паря, сблаговалъ, что ли?—сказалъ онъ, устремивъ глаза на Пузича.

— Меньше одной копейки, Семенъ Яковличъ, взять не могу,—отвѣчалъ тотъ.

Я, съ своей стороны, понялъ, что имѣю дѣло съ однимъ изъ тѣхъ мелкихъ плутишекъ, которые запрашиваютъ рубль на рубль барыша, и хотѣлъ разомъ съ нимъ раздѣлаться.

— Твоя цѣна двѣсти рублей, а моя—сто,—сказалъ я, думая, что снесъ, сколько возможно, много. По лицу Пузича быстро промелькнулъ какой-то оттѣнокъ удовольствія, а Семена опять подернуло.

— Сто—много, помилуйте! Семидесяти рублевъ съ него за глаза будетъ,—произнесъ онъ съ укоризною.

Пузичъ усмѣхнулся.

— Не то, что объ семидесяти, а объ ста рубляхъ, Семенъ Яковличъ, разговаривать нечего. Этой цѣны малой ребенокъ не возьметъ!—сказалъ онъ съ такой ужъ физіономіей, какъ-будто скорѣй готовъ былъ умереть, чѣмъ работать за сто рублей.

— Полно врать, Пузичъ! Полно! Что языкъ понапрасну треплешь!—возразилъ Семенъ, начинавшій выходить изъ терпѣнья.

— Може вы сами языкъ понапрасну треплете, Семенъ Яковличъ. Здѣсь идетъ разговоръ съ господиномъ, а не съ мужикомъ: значитъ, понимаемъ, съ кѣмъ и предъ кѣмъ говоримъ,—возразилъ Пузичъ.

— Сто рублей, больше не дамъ; согласенъ—хорошо, а нѣтъ—такъ можешь убираться,—сказалъ я и нарочно сталъ заниматься своимъ дѣломъ.

Пузичъ не уходилъ.

— Позвольте, ваше привосходительство,—началъ онъ, прикладывая руку къ сердцу:—такъ какъ таперича я оченно желаю, чтобъ знакомство промежъ насъ было, значитъ полтораста серебромъ вы извольте положить, и то въ убытокъ—вѣрьте Богу.

— Больше ста не дамъ, убирайся!—рѣшилъ я

— Ваше высокородіе, позвольте!—продолжалъ Пузичъ, еще крѣпче прижимая руку къ сердцу:—кому таперича свое тѣло не мило, а лопни, значитъ, мои глаза, ваше привосходительство, ежели кто хоть копейку противъ меня уваженья сдѣлаетъ.

— Ломается еще туда же, дура-голова,—проговорилъ Семенъ.

— Ломаться мы не ломаемся, Семенъ Яковличъ, ужъ это вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, а, значитъ, дѣло выходитъ неподходящее.

— Неподходящее?—повторилъ Семенъ сердито.—Мало тебѣ, жиду, ста рублевъ! Двадцать пять серебромъ и то лишнихъ передано.

Пузичъ какъ будто бы не слыхалъ этого замѣчанія и обратился ко мнѣ:

— Накиньте, ваше высокопривосходительство, хоть четвертную еще; ей-Богу, безобидно будетъ.

Я молчалъ.

— Это что говорить,—продолжалъ Пузичъ:—сработать можно всяко; только я худаго слова,

значитъ, заслужить не хочу, а желаю такъ, чтобъ меня и напередки знали... Може, ваше привосходительство, изволите знать по Буйскому уѣзду генерала Семенова: господинъ, осмѣлюсь такъ, по своей глупости, сказать, строжайшій, въ настоящемъ видѣ, значитъ... когда у него эта стройка дома была, пятеро подрядчиковъ, съ позволенія доложить вашему привосходительству, бѣгомъ-сбѣжали отъ него; и теперича, когда онъ сталъ требовать меня: «что-жъ,—думаю,—буди воля Царя Небеснаго! а я готовъ завсегда служить господамъ», ваше привосходительство. И какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами потаить не могу: первыя двѣ недѣли всѣ мои ребра палкой пересчитаны были; разъ пять, можетъ статься, кровянилъ меня; но я по своему чувствію, ваше привосходительство, не то, что бралъ въ обиду, а еще въ удовольствіе: значитъ, насъ, дураковъ, уму-разуму учатъ; когда таперича мужикъ надъ тобой куражится и ломается, а отъ барина всегда снести могу.

«Экая подлая натуришка!»—подумалъ я и молчалъ.

— Таперича при раздѣлкѣ, когда дѣло это было,—продолжалъ опять Пузичъ:—генералъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ отличнѣйшее угощенье и выкинулъ пятьдесятъ рублевъ серебромъ лишнихъ. «На,—говоритъ,—тебѣ, Пузичъ, за то, что нраву моему,

значитъ, угодилъ». И эти деньги мнѣ, ваше высокопривосходительство, дороже капитала милліоннаго: значитъ, могу служить господамъ.

Я все молчалъ. Выждавъ немного, Пузичъ снова заговорилъ:

— А насчетъ вашей работы, я такъ полагаю, что мое особенное стараніе быть должно. Таперича, когда моя работа у васъ пойдетъ, вы извольте лечь на вашъ диванчикъ и почивать—больше того ничего сказать не могу.

Я взглянулъ на Семена: въ лицѣ его изображались досада и презрѣніе.

— Не дамъ больше ста,—сказалъ я рѣшительно.

Пузичъ перенялъ свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— Этой цѣны, ваше высокородіе, никому взять несообразно,—проговорилъ онъ и потомъ, постоявъ довольно долго, присовокупилъ, вздохнувъ:—прощенья, значитъ, просимъ,—и сталъ молиться, и молился опять долго.—Только то выходитъ, что за пятнадцать верстъ сапоги понапрасну топталъ,—пробурчалъ онъ.

— Эка, паря, что ты сапоги потоптал, такъ и дать тебѣ тысячу!—возразилъ Семенъ.

Пузичъ, ничего на это не возразивъ, повторилъ еще разъ:

— Прощенья просимъ, ваше высокородіе,—и

пошелъ; Семенъ за нимъ; но я видѣлъ, что Пузичъ не уйдетъ и воротится, потому что шелъ онъ очень медленно по красному двору и все что-то толковалъ Семену. Черезъ нѣсколько минутъ они дѣйствительно опять воротились.

— Сто беретъ,—сказалъ Семенъ.

— Хоша три рублика серебромъ, ваше высокородіе, набавьте: по крайности я на артель ведро вина куплю,—присовокупилъ Пузичъ съ подло просительнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— На артель, братецъ, я самъ куплю ведро вина, а тебѣ копейки не прибавлю, — возразилъ я.

Пузичъ грустно покачалъ головой.

— Какъ нынче и на свѣтѣ стало жить—не знаемъ,—началъ онъ:—господа, выходитъ, пошли скупые, работы дешевыя... Задаточку ужъ, ваше высокородіе, извольте мнѣ пожаловать,—прибавилъ онъ еще болѣе просящимъ голосомъ.

— Сколько-жъ тебѣ?

— Двадцать пять рубликовъ серебромъ,—отвѣчалъ Пузичъ совершенно уже неестественнымъ тономъ.

Видимо, что онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые о деньгахъ покойно и безъ нервнаго раздраженія не могутъ даже говорить. Я подалъ ему двадцать пять рублей; Семену это не понравилось.

— Что въ задатокъ-то хватаешь? Не убѣжимъ отъ твоихъ денегъ!—сказалъ онъ Пузичу.

— Ахъ, Семенъ Яковличъ, Богъ съ тобой! Выходитъ, словно ты нашихъ дѣловъ не знаешь,— проговорилъ тотъ, засовывая дрожащею рукою бумажку въ кожаную кису, висѣвшую у него на шеѣ.

— Ты самъ, паря, свои дѣла лучше нашего знаешь,—отвѣчалъ Семенъ.—Теперь вотъ ты у насъ работу берешь, а тебѣ при баринѣ говорю, чтобъ очередь, Семенъ—не на одной нашей работѣ, а и на всякой Петруху: отъ тебя требуютъ— знаемъ тоже.

Пузичъ еще насмѣшливѣе покачалъ головою.

— Ежели теперича, чтобъ барину сдѣлать удовольствіе, Семенъ Яковличъ, мы о Петрухѣ не постоимъ, за Петруху намъ стоять много нечего: артель моя большая.

— Артель твою, Пузичъ, и мы тоже знаемъ; я опять при баринѣ говорю: окромѣ Петрухи, другой прочій може у тебя только съ нынѣшняго Николы топоръ въ руки взялъ, такъ ужъ съ того спросить много нечего.

— А Петруха-то кто-жъ такой?—спросилъ я Семена.

— Уставщикъ; по всей артели парень надежный,—отвѣчалъ онъ.

— Кто про это говоритъ! Мастеръ отличнѣй-

шій, въ лучшемъ видѣ, значитъ. Ежели теперича, ваше привосходительство, съ позволенія такъ сказать, по нашимъ дѣламъ онъ человѣкъ, значитъ, больной, а мы держимъ его безъ пролежекъ, ваше привосходительство, жалованье, значитъ, кладемъ ему сполна,—проговорилъ Пузичъ, по такимъ голосомъ, по тону котораго ясно было видно, что похвала Петрухѣ была ему ножъ острый, и онъ се поддерживалъ только по своимъ торговымъ расчетамъ.

При прощаньѣ Пузичъ сталъ прсситъ у меня полтинничка въ придачу ему на чай. Въ полтинникѣ мнѣ ужъ совѣстно было отказать—я ему далъ, но Семенъ противъ этого протестовалъ:

— Ну, паря, славная ты выжима!—проговорилъ онъ Пузичу, на что тотъ отвѣчалъ только вздохомъ.

III.

Сдѣлать ригу я задумалъ не столько по необходимости, сколько для развлеченія. Помѣщики, обреченные на постоянную жизнь въ деревнѣ, очень хорошо знаютъ, что стройка въ деревнѣ—благодать, самое живое развлеченіе; точно должность получилъ приличную своимъ способностямъ: каждое утро сходишь посмотрѣть, потолкуешь; послѣ обѣда опять идешь посмотрѣть; вечеромъ то же.

Все это дѣлалъ, конечно, и я.

Пузичъ пришелъ ко мнѣ работать самъ-четвертъ: съ молодымъ парнемъ, Матюшкой, толсторожимъ и глупымъ на лицо, съ Сергѣичемъ, старикомъ очень благообразнымъ, который обратилъ особенно мое вниманіе на себя тѣмъ, что рубилъ какими-то маленькими и очень красивыми щепочками и говорилъ самымъ мягкимъ теноромъ, и все въ складъ. Уставщикъ Петруха былъ высокаго роста, сухой, съ строгимъ выраженіемъ въ глазахъ и съ ироническимъ складомъ въ губахъ. Онъ говорилъ мало, но рѣзко и насмѣшливо. Самъ Пузичъ оказался на работѣ совершенная дрянь: онъ суетился, кричалъ, бранилъ, впрочемъ, одного только Митюшку, который принималъ его брань съ простодушной и глупой улыбкой.

— Всегда тебя такъ бранитъ подрядчикъ?— спросилъ я его.

— Завселды... дядюшка вѣдь онъ мнѣ, завселды все лается,—отвѣчалъ онъ мнѣ и засмѣялся.

Надъ Сергѣичемъ Пузичъ только важничалъ, но передъ Петрухой—другое дѣло: тотъ его видимо уничтожалъ своею личностью и чувствовалъ, кажется, особое наслажденіе топтать его въ грязь по всѣмъ распоряженіямъ въ работѣ. Достаточно было Пузичу выбрать какое-нибудь бревно и положить его на углы для пригонки, какъ Петръ

подходилъ, осматривалъ и распоряжался, чтобъ бревно это сбросили, а тащили другое.

— Что? Аль неладно?—спрашивалъ при этомъ Пузичъ какимъ-то робкимъ голосомъ; но Петръ даже не удостоивалъ его отвѣтомъ, молча размѣчалъ, и Пузичъ смиренно усаживался и начиналъ рубить по отмѣткамъ работника.

На другой или на третій день, какъ стали они у меня работать, я подошелъ и сѣлъ на бревнѣ около Сергѣича, на долю котораго выпало тесать полъ и, слѣдовательно, онъ работалъ вдали отъ прочихъ.

— Что, дѣдушка, старъ-бы ты по чужой сторонѣ ходить,—заговорилъ я.

— Что дѣлать-то, батюшка,—отвѣчалъ старикъ мягкимъ голосомъ:—нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ—да! Хоть бы и мое дѣло, не молодой бы молодикъ, а на седьмой десятокъ валитъ... Пора бы не бревна катать, а лыко драть да на печкѣ лежать—да!

— Отчего это ты все вотъ въ складъ говоришь?—замѣтилъ я ему.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Изъ молоду, государь мой милостивый,—отвѣчалъ онъ:—такая ужъ моя рѣчь; гдѣ и языкъ-то набилъ на то—не помню; съ хороводовъ да пѣсенъ, видно, дѣло пошло; ну и тоже, грѣшнымъ дѣломъ, дружничалъ по свадебкамъ.

Что дѣлать-то, батюшка...

— Дружкой ты былъ?—сказалъ я.

Старикъ самодовольно улыбнулся.

— Я былъ, може, изъ дружекъ дружка, а не то что просто дружка; меня ажно изъ Ярославля богатые мужички ссягали дружничать у нихъ на сыновнихъ свадебкахъ, по сту рублёвъ мнѣ за то платили: я былъ дорогой дружка—да! Ты вотъ, государь милостивый, въ замѣчанье взялъ, что я рѣчь въ складъ говорю; а кабы ты посмотрѣлъ еще меня на свадебномъ дѣлѣ, такъ что твой колоколецъ подъ дугой, али гусли многострунныя!

— Какъ же у васъ начинаются, напримѣръ, эти сговоры? Съ чего?—спросилъ я.

— Сговоры, сударь мой милостивый,—отвѣчалъ Сергѣичъ, кажется, очень довольный моимъ вопросомъ:—начинаются, ежели дружка дѣломъ правитъ по порядку, какъ онъ сейчасъ въ избу вошелъ, такъ съ поклономъ и говоритъ: «у васъ, хозяинъ, есть товаръ, а у насъ есть купецъ: товаръ вашъ покажите; а купца нашего посмотрите...» Тутъ сейчасъ съ ихниной, съ невѣстиной стороны, свашка, по-нашему, немытая рубашка, и выводитъ дѣвку изъ-за занавѣски, ставитъ супротивъ жениха; они, вѣстимо, тупятся, а имъ говорятъ, чтобъ смотрѣлись да глядѣлись—да! Теперича, невѣста, значитъ, понравилась. Женихова дружка сейчасъ по имени чествуетъ

хозяина въ дому... Иванъ Иванычъ, что ли: «товаръ вашъ, Иванъ Иванычъ, показался, умъ-разумъ разступился, пожалуйте шубу на столъ, станемъ Богу молиться и по рукамъ биться»—да! Дѣвку опять за занавѣску уводятъ: горе горевать, свой дѣвичій вѣкъ обвывать, а батька съ маткой сядутъ за столъ дочку пропивать, и пьянство тутъ, государь мой милостивый, у насъ, дураковъ-мужиковъ, бываетъ шибкое; все, значитъ, отъ жениха идетъ; только, сердечный, повертывайся, не жалѣй денежекъ, пріѣзжай, значитъ, припасенный.

— А дары когда-жъ дарятся между женихомъ и невѣстой?—перебилъ я.

— Дары тутъ же дарятся,—продолжалъ Сергѣичъ:—какъ теперича, по молитвѣ это рукобитье совершится, старички, выходитъ, по другому, по третьему стаканчику выпили, дружка сейчасъ и ведетъ жениха за занавѣску, по началу молитву читаетъ: «Господи, помилуй насъ»—да! Тутъ женишокъ и спрашиваетъ: «красна дѣвица, дайте знать, какъ васъ звать?» Она—хоша Катерина Степановна; значитъ—«Катерина Степановна, извольте наши дары принять, да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много». Невѣста дары пріемлетъ: тутъ они и цѣлуются впервые значитъ... Теперича и невѣста въ оборотъ жениху говоритъ:—«Господи, помилуй насъ. Добрый

молодецъ, какъ васъ звать?» Примѣрно, Николай Иванычъ, выходитъ—«Николай Иванычъ, извольте отъ меня дары принять: да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много!» Отдаривается, значитъ,—да.

— А какъ же невѣста обвываетъ свой дѣвичій вѣкъ?—спросилъ я.

— Хорошо, сударь, обвываетъ, — отвѣчалъ Сергѣичъ съ какимъ-то умиленіемъ:—причитываетъ все къ отцу, матери съ такими рѣчами: «Не лѣсъ къ сырой землѣ клонится, добрые люди Богу молятся. Стрѣчай-ка ты, родимый батюшка, своихъ дорогихъ гостей, моихъ разлучниковъ; сажай-ка за столъ подъ окошечко, свата, сватьюшку, дружку-засыльничка ко свѣтцу, ко присвѣтничку, не сдавайся, родимый батюшка, на слова ихъ на ласковыя, на поклоны низкіе, на стаканъ пива пьянаго, на чару зелена вина; не отдавай меня, родимый батюшка, изъ теплыхъ рукъ въ холодныя, ко чужому къ отцу, къ матери»—да! Приговоры хорошіе идутъ. У насъ вѣдь лучше, обряднѣе, чѣмъ у васъ, у баръ. Я вотъ тоже съ улицы въ окошко на господскія свадьбы гляживалъ—что?.. ничего нѣтъ потѣшнаго, схватятся только за руки, да ходятъ, а ничего разговоровъ нѣтъ.

— Это на сговорахъ; а на свадьбахъ, я думаю, еще больше приговоровъ бываетъ,—продол-

жалъ я спрашивать, видя, что Сергѣичъ былъ въ душѣ мастеръ по свадебному дѣлу, и я убѣжденъ, что онъ нѣкоторые приговоры самъ былъ способенъ сочинять. Вопросъ мой окончательно расшевелилъ старика; онъ откашлялся, обдернулъ бороду и сталъ ужъ называть меня, вмѣсто «государь мой милостивый», другъ сердечный.

— Въ самую свадьбу, другъ сердечный,—началъ онъ:—приговоры большіе ведутся. Теперича взять такъ примѣрно: женихов поѣздъ въѣзжаетъ въ селенье, дружка сейчасъ, коли онъ ловкій, соскочитъ съ саней и бѣжитъ къ невѣстиной избѣ подъ окошко съ такимъ приговоромъ: «стоятъ наши добрые кони въ чистомъ полѣ, при пути, при дороженькѣ, подъ синими небесами, подъ чистыми подъ звѣздами, подъ черными облаками; нѣтъ-ли у васъ на дворѣ, сватъ и сватьюшка, мѣстечка про нашихъ коней?» Изъ избы имъ откликаются: «Милости просимъ; про вашихъ коней есть у насъ много мѣстовъ». Теперича, по его командѣ поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ, а онъ, государь мой милостивый, все впереди, никому впередъ себя идти не даетъ. По сѣнямъ идетъ, молитву творитъ и себѣ приговоръ говоритъ: «Идетъ друженька лѣсенкой кленовою, мостикомъ калиновымъ, берется друженька за скобочку полужоную. Растворите, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, дверечки широкія: самъ я, сва-

тушка, двери на петлѣ поведу, а безъ *аминя* не войду!» Тѣмъ, другъ сердечный, что въ свадебномъ дѣлѣ ничего безъ молитвы начинать нельзя, весь поѣздъ, значитъ, *аминя* и ждетъ—да! Какъ теперича имъ *аминь* изъ избы оголосили, дружка опять впереди всѣхъ. Первый его приговоръ, какъ въ избу вошелъ: «Скокъ чрезъ порогъ, насилу ножки переволокъ!» Значитъ, чтобъ съ шутки начать, да и дѣло кончать—да! Второй приговоръ его: «Всѣ люди смотрящіе, всѣ люди глядящіе, покажите мнѣ хозяина настоящаго въ дому». Третій его приговоръ: «Сватьюшка любезный, кто у васъ въ домѣ началъ?»—«Началъ у насъ въ домѣ Спасъ, Пресвятая Богородица!»—отвѣчаютъ ему. Четвертый приговоръ дружки, значитъ: «Богу помолимся, на всѣ четыре стороны поклонимся, сватьюшка любезный, въ нѣкоторые годы, въ нѣкоторыя времена, ходили промежъ насъ старушонки, дѣла наши свашили, были промежъ насъ и сговоры!» Теперича значитъ, дѣло наше сужено, ряжено: къ молодому нашему князю пожалуйте молодую княгиню, къ большому барину большаго барина, къ меньшему барину меньшаго, къ тысячкому тысяцкаго, а ко мнѣ, дураку-дружкѣ, такого же дурака-дружку. Теперича, сейчасъ невѣсту и выводитъ изъ-за занавѣски братъ родной, али тамъ крестный. Дружка опять было первый идетъ, брату пива под-

носитъ, только на тотъ разъ ему говоритъ—да: «пришлите себя помоложе, подороже и повѣжливѣе!» Значитъ, надо жениха посылать. Идетъ тотъ сначала съ пустымъ пивомъ, безъ денегъ, значитъ; братъ ему и говоритъ: «кушайте сами; наша сестричка недешевая: не по бору ходила, не шишки брала, а золотомъ шила; у нашей сестрички по тысячѣ косички, по рублю волосокъ»—значитъ, выкупъ надобно дѣлать, денегъ въ пиво класть.

— А дружка что тутъ дѣлаетъ?—спросилъ я.

— Дружка промежъ тѣмъ свое справляетъ,—отвѣчалъ Сергѣичъ.—Тоже, грѣшнымъ дѣломъ, бывало пересохнетъ въ горлѣ-то, такъ нарочно и закашляешься и кашляешь, и кашляешь, а тутъ такой приговоръ и ведешь: «Сватьюшки любезные, что-то въ горлѣ попершило, позакашлялось: нѣтъ ли у васъ водицы испить, а коли воды нѣтъ, мы пьемъ и пивцо, а пивца нѣтъ, выпьемъ и винца!» Ну, и на другой хорошей свадьбѣ, гдѣ виномъ-то просто, тутъ же стакана три въ тебя волютъ; такъ и считай теперь: сколько въ цѣлый день-то попадетъ. Съ другой, бывало, богатенькой свадебки, послѣ друженья, пріѣдешь домой, такъ цѣлую недѣлю въ баню ходишь—свадебную дурь паромъ выгонять. Хорошо дружкѣ бываетъ, нечего сказать, больно хорошо.

— Хорошо-то, хорошо, да вѣдь и это дѣло

не всякій справить; надобно тоже разумъ имѣть,— замѣтилъ я.

— Еще какой разумъ-то, другъ сердечный! Разумъ большой надо имѣть,—отвѣчалъ Сергѣичъ.— Вотъ тоже нынѣшніе дружки, посмотришь, званье только носятъ... Хоть бы теперь приговоръ вести надо такъ, чтобъ кажинное слово всякъ въ толкъ взялъ, а не то что на вѣтеръ языкомъ проболтать. За поясъ бы, кажись, въ экіе годы свои всѣхъ ихъ заткнулъ,—заключилъ онъ и началъ тесать.

— А ужъ нынче развѣ ты не дружничаешь?— спросилъ я.

— Нѣтъ, сударь мой милостивый, давно ужъ отсталъ; что-что съ рожи-то цвѣтенъ да румянъ, а глаза больно плохи. Вотъ и рубишь теперь все больше по памяти; кажинный годъ раза три со слѣпа-то обрубишься, а ужъ гдѣ дружничать, тутъ надо глаза быстрые, ноги прыткія!

— Ты семейный али одинокій?

— Какое, другъ сердечный, одинокій,—возразилъ Сергѣичъ:—родомъ-то, видно, изъ кустовой ржи. Было въ избѣ всякаго колосья—и мужиковъ и дѣвья; пятерыхъ дочекъ однѣхъ возвелъ, да чужой человѣкъ пенья копать увелъ, въ замужества, значитъ, роздалъ—да! Двухъ было сыновьевъ возростилъ, да и тѣмъ что-то мало себѣ угодилъ. За грѣхи наши, видно, Богъ насъ нака-

зываетъ.. Іовъ праведный былъ, да и на того Богъ посылалъ испытанье; а намъ, окаяннымъ, еще мало, что по ребрамъ попало—да!

— А сыновья гдѣ-жъ у тебя?

— Сыновья, другъ сердечный, старшій, волей Божьею, на Низу холеркой померъ, а другого больно ужъ любилъ да ласкалъ, въ чужи люди не пускалъ, думалъ, въ старые наши годы будутъ отъ него подмоги, а выходитъ, видно, такъ, что человѣкъ на батькиныхъ съ маткой пирогахъ хуже растетъ, чѣмъ на чужихъ кулакахъ—да!

— Гдѣ-жъ онъ? Спился, что-ли?

— Я ужъ и сказать тебѣ не знаю какъ, въ кою сторону онъ дуракъ; недолго бы, кажись, пилъ, да много въ кабакъ отвалилъ. Добросовѣстнымъ онъ, государь мой милостивый, при конторѣ нашей былъ, и послали его, гдѣ грѣху-то быть, съ мірскими деньгами въ городъ; уѣхать уѣхалъ въ поддевкѣ, а оттель привели на веревкѣ—да! Всѣ денежки, двѣсти съ хвостикомъ, и ухнулъ тамъ; добрые люди, спасибо, подсобили—да! Онъ-то благовалъ, а батька въ отвѣтъ попалъ: мірскіе рублики, батюшка, не простятъ. На сходкѣ такое положенье сдѣлали, что али бы я деньги за него клалъ, али бы его, разбойника, на поселенье сдалъ—да! Не стерпѣлъ я этого: дѣтки-то къ намъ сердцами не падки, а они намъ—худы-ли,

добры—все сладки. Дѣлать нечa, пошелъ къ Пузичу; сталъ ему въ ноги кланяться...

— А развѣ Пузичъ у васъ деньги въ ростъ отдаетъ?

— Нештò, нештò, сударь, одолжаетъ кой-кого на знати,—отвѣчалъ старикъ, вздохнувъ.—Изстаря еще у нихъ въ дому это заведенье идетъ: дѣды его еще этимъ промышляли.

— Помилуй! Самъ Пузичъ дуракъ какой то, болтушка!—замѣтилъ я.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Да, то-то вотъ, что-что разумомъ мелокъ, да какъ сердцемъ-то крѣпокъ, такъ и богатѣе насъ съ тобой, государь милостивый, живетъ. Гривной одолжитъ, а рубль сорвать норовитъ; мало Бога знаетъ; неча похвалить татарскій родъ проклятый, что-что крещеные? Хоша бы и мое дѣло: тѣмъ временемъ слова не сказалъ и далъ, только въ конторѣ заявилъ, а теперь и держитъ словно въ кабалѣ; старъ—не старъ, а все въ эту пору рубль серебра стою, а онъ на кругъ два съ полтиной кладетъ *).

— Ну, а прочіе какъ же живутъ у него?—спросилъ я

— А что, государь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: вся артель у насъ на одномъ по-

*) Ассигнаціями. Два съ полтиной ассигнаціями было меньше рубля серебромъ, считавшагося въ 3½ руб. ассигн.

рядкѣ,—отвѣчалъ старикъ тихо.—Всѣ въ кабалѣ у него состоимъ. Вонъ хоть бы этотъ Матюшка, дурашный, дурашный парень, а все бы въ недѣлю не рублемъ ассигнаціями надо цѣнить!

— Неужели же онъ рубль ассигнаціями только кладетъ ему въ недѣлю?—воскликнулъ я.

— Али больше!—отвѣчалъ Сергѣичъ.—Земляцы не было у нихъ; хлѣбцемъ-то и бились... Ну, Пузичъ и дѣлалъ имъ это одолженіе; давалъ на пропитаніе, а теперь и разсчитываетъ какъ надо: парень круглый годъ калачика не уболитъ съѣсть; лапотокъ новыхъ не на что купить, а все денегъ нѣтъ—да! Каковы наши богатые-то мужички, а нашъ ужъ, пожалуй, изо всѣхъ хватъ, чорту братъ.

— Ну, а этотъ Петръ, уставщикъ, вѣрно, на особомъ у Пузича положеніи нанятъ, по настоящей рядѣ?

— А какое, сударь, по настоящей рядѣ! Тоже въ кабалѣ, еще больше нашего. Триста рублёвъ ему должнымъ состоялъ, отъ родителя тоже поотдѣлился, а тутъ, гдѣ бы разживаться, въ болѣсть впалъ, словно бы года два хворалъ, и ужъ это до кого не доведись: хозяинъ лежитъ, нужду въ домѣ творитъ.

— Отчего-жъ Пузичъ труситъ его, кажется?

— Ну да, батюшка, по работѣ-то нужный ему человѣкъ: что бы онъ безъ него?—Какъ безъ рукъ, самъ видишь! А еще и то... послѣ болѣ-

сти, что ли съ нимъ это сдѣлалось, сердцемъ-то Петруха неугожъ, гнѣвенъ, значитъ. Теперича, что маленько Пузичъ сдѣлаетъ не по немъ, онъ сейчасъ ему и влѣпитъ: «ты, баетъ, меня въ грѣхъ не вводи; у меня твоей головѣ давно мѣсто въ лѣсу пріискано».

— Неужели же онъ это правду говоритъ? — спросилъ я.

Сергѣичъ засмѣялся.

— Нѣту, сударь, какое, кажись, вправду,— отвѣчалъ онъ:—мужикъ богобоязливый, сдѣлаетъ ли экое дѣло! Сердце только срываетъ, стращаетъ. Ну, а Пузичъ тоже плутоватъ-плутоватъ, а вѣдь заячьяго разуму человѣкъ: на ружье глядитъ, а отъ воробья бѣжитъ, и боится этого самаго, не прекословствуетъ ему много.

Петръ сталъ меня очень интересовать, и я хотѣлъ было о немъ поподробнѣе разспросить Сергѣича, но въ это время подошелъ Пузичъ и началъ нести какую-то чушь о работѣ, и я, чтобъ отдѣлаться отъ него, ушелъ въ комнаты.

IV.

Когда срубы были срублены, Пузичъ, къ большому моему удовольствію, отправился на другую какую-то работу. Въ тотъ же день Семенъ подошелъ ко мнѣ.

— Винца-то ребятамъ обѣщали; прикажите хоть штофчикъ имъ выставить и будетъ съ нихъ!—проговорилъ онъ.

— Хорошо,—сказалъ я;—что-жъ ты мнѣ давно не напомнишь? Я было и забылъ.

— Пережидалъ, чтобъ собака эта куда-нибудь убѣжала, а то вѣдь рыло свое тутъ же сталъ бы мочить,—отвѣчалъ Семенъ, подразумѣвая, конечно, подъ собакой Пузича.

— Когда жъ имъ дать?—спросилъ я.

— Да вотъ хоть ужо вечеромъ, какъ отшабашатъ.

— Хорошо... Зайди ты передъ тѣмъ въ горницу за виномъ, и я выйду къ нимъ,—сказалъ я.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ Семенъ и неторопливо пошелъ къ своему дѣлу.

Вечеромъ я, дѣйствительно, въ сопровожденіи Семена, вооруженнаго штофомъ и нѣсколькими ломтями хлѣба, вышелъ къ плотникамъ. Они, вѣроятно ужъ предувѣдомленные, сидѣли на бревнахъ. При моемъ приходѣ Сергѣичъ и Матюшка привстали было и сняли шапки.

— Сидите, братцы; винца я вамъ принесъ, выпейте,—сказалъ я, садясь около нихъ тоже на бревно. Петръ, сидѣвшій потупившись, откашлялся.

— Благодарствуй, государь нашъ милостивый, благодарствуй,—проговорилъ Сергѣичъ.

Матюшка глупо улыбнулся. Я велѣлъ подать первому Петру. Онъ выпилъ, откашлялся опять и проговорилъ:

— Вотъ кабы этимъ лекарствомъ почаще во рту полоскать, словно здоровѣе былъ бы.

— Право, словно бы такъ; мужику вино, что мельницѣ деготь: смазалъ и ходчѣй на ходу пошелъ,—отвѣчалъ Петръ.

— Вино сердце веселитъ, вино разумъ творитъ,—присовокупилъ Сергѣичъ, беря дрожащими руками стаканъ.

Матюшка, выпивъ, только сталъ облизываться, какъ теленокъ, которому на морду посыпали соли.

Изъ принесеннаго Семеномъ хлѣба Сергѣичъ взялъ ломоть, аккуратно посолилъ его и началъ жевать небольшимъ числомъ оставшихся зубовъ.

Матюшка захватилъ два сукроя, почти въ два пріема забилъ ихъ въ ротъ и сталъ, какъ говорится, уплетать за обѣ щеки. Петръ не бралъ.

— Что ты, и не закусываешь? — сказалъ я ему.

— Нѣтъ, не закусываю. Мы вѣдь не чайники, а водочники: пососалъ языкъ—и баста!— отвѣчалъ онъ и опять закашлялся, а потомъ обратился ко мнѣ:

— Я, баринъ, батьку еще твоего зналъ: старикъ былъ важный.

— Важный?

— Важный; лучше тебя.

— Чѣмъ же лучше?—спросилъ я.

— Да словно бы умнѣй тебя былъ,—отвѣчалъ безъ церемоніи Петръ.

— Почему-жъ онъ умнѣй меня былъ?

— А потому онъ умнѣй тебя былъ, что ужъ онъ бы, братъ, Пузичу за немшоныя стѣны не далъ ста серебромъ—шалишь! Денегъ, видно, у тебя благихъ много.

— То-то и есть, что не много, а мало,—сказалъ я.

— И денегъ-то мало. Ну, братъ, видно, ты взаправду не больно уменъ,—подхватилъ Петръ.

Выпитый стаканъ водки очень, кажется, подѣйствовалъ на его разговорчивость.

Матюшка при этомъ засмѣялся. Сергѣичъ покачалъ головой.

— Ты по городамъ вѣдь больше финтилъ,—продолжалъ Петръ,—и батькинымъ денежкамъ, чай, глаза протеръ. Какъ бы старика теперь поднять, онъ бы задалъ перцу и тебѣ, и приказчику твоему, Семену Яковличу. Что, черномазое рыло, водки-то не подносишь? Али не любо, что противъ шерсти глажу?—обратился онъ къ Семену.

Тотъ поднесъ ему водки и проговорилъ:

— Эко мелево ты, Петруха!—но совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какимъ онъ говорилъ Пузичу.

— То-то мелево. Свернули вы, ребята, съ бариномъ домокъ, нечего сказать. Прежде, бывало, при старикѣ: хлѣба нѣтъ, куда ѣхать позаимствоваться? Въ Раменье... А нынче, посмотришь, кто въ Карповѣ хлѣба покупаетъ? Все раменскій Семенъ Яковличъ.

— Божья воля; колькой годъ все неурожаи, да червь побиваетъ,—замѣтилъ Семенъ; но Петръ какъ бы не слыхалъ этого и продолжалъ, обращаясь къ Сергѣичу:

— Прежде, бывало, въ Вонышевѣ работаешь: еще въ воскресенье во второмъ уповодѣ мужики почнутъ сбираться. «Куда, ребята?»—спросишь.—«На задѣлье».—«Да что рано?»—«Лучше завремя, а то баринъ забранится»... А нынче, голова, въ понедѣльникъ, послѣ завтрака, только еще запрягать начнутъ. «Что, плуты, поздно ѣдете?»—«Успѣемъ-ста. Семенъ Яковличъ проститъ».

Семена начинало за живое наконецъ трогать.

— Что, паря, больно ужъ конфузишь, и еще передъ бариномъ?—проговорилъ онъ.

Петръ сначала засмѣялся, потомъ закашлялся.

— Что мнѣ тебя, голубчикъ, конфузить?—началъ онъ, едва отдохнувъ отъ кашля:—не за что! Ты вѣдь выдался не изъ плутовъ, а только изъ дураковъ.

Семенъ махнулъ рукой. Мнѣ стало ужъ жаль его.

— Я, напротивъ, очень доволенъ Семеномъ; мнѣ такого смирнаго и добраго приказчика и надо,—сказалъ я.

Петръ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— У тебя какой чинъ-то, большой али нѣтъ?—спросилъ онъ вдругъ.

— Титулярный совѣтникъ, капитанъ, значитъ,—отвѣчалъ я.

— Не чиновенъ же ты, братъ! Вотъ у насъ баринъ, такъ генералъ; а ты, видно, и служить-то неохочь. Барыню-то въ замужество хошь богатую ли взялъ?

— Нѣтъ, не богатую, а по сердцу.

— По сердцу, ну да!—возразилъ Петръ.— Пропащее твое дѣло, какъ я посмотрю на тебя. А ты бы дослужился до большихъ чиновъ, невѣсту бы взялъ богатую, въ вотчину бы свою пріѣхалъ въ каретѣ осьмерикомъ, усадьбу бы сейчасъ всю каменную выстроилъ, дурака бы Сеньку своего въ лисью шубу нарядилъ.

— Это кому какъ Богъ дастъ. Ты вотъ и самъ не богатъ,—сказалъ я.

— Что тебѣ примѣры-то съ меня брать? А пожалуй, выходитъ, что и взаправду въ меня пошелъ—такой же дурашный!—отрѣзалъ начисто Петръ.

— Больно ужъ смѣло, Петръ Алексѣичъ, говоришь!—замѣтилъ Сергѣичъ, опасавшійся, кажется, чтобъ я не обидѣлся.

— Что смѣло-то? Али по-твоему, лиса безхвостая, лясы-да балясы гладкія точить?—отвѣчалъ ему Петръ и отнесся ко мнѣ, показывая на Сергѣича:—Вѣдь прелукавый старичишка!

Сергѣичъ слегка покраснѣлъ.

Петръ обратился ко мнѣ:

— Ты, баринъ, взаправду не осердись, что я просто съ тобой говорю; коли хочешь, такъ я и перестану.

— Напротивъ, я очень люблю, когда со мной говорятъ просто.

— Это вѣдь ужъ мы съ Сергѣемъ давно смекнули.

— Смекнули?—спросилъ я.

— Смекнули,—отвѣчалъ Петръ.—Ты не смотри, что мы съ нимъ въ лаптяхъ ходимъ, а вѣдь на три аршина въ землю видимъ. Коли ты не сердишься, что съ тобой просто говорятъ, я, пожалуй, тебя прощу и на ухо тебѣ скажу: ты не дурашный, а умный—слышь? А все, братецъ ты мой, управляющему своему, Сенькѣ, скажи отъ меня, чтобъ онъ палку попукалку не на полатяхъ держалъ, а и на полосу временемъ выносилъ: нашъ братъ мужикъ—плутъ; какъ узнаетъ, что въ передкѣ плети нѣтъ, такъ мало, что не повезетъ, да тебя еще осѣдлаетъ. Я это тебѣ говорю, сочти хоть такъ, за вино твое! Скажемъ по мужикѣ, да надо сказать и по баринѣ.

— За совѣтъ твой спасибо,—сказалъ я:—только самъ вотъ ты отчего все кашляешь?

— Боленъ я, братецъ ты мой.

— Чѣмъ же?

— Путромъ, порченый я,—отвѣчалъ Петръ, и лицо его мгновенно приняло, вмѣсто насмѣшливаго, какое-то мрачное выраженіе.

— Кто-жъ это тебя испортилъ?—спросилъ я.

Петръ молчалъ.

— Кто его испортилъ?—отнесся я къ Сергѣичу.

— Не знаю, государь милостивый; его дѣла!—отвѣчалъ уклончиво старикъ.

— Не знаетъ, сѣдая крыса, словно и взаправду не знаетъ,—отозвался Петръ.

— Знать-то, другъ сердечный, може и знаемъ, да только-то много переговоришь, такъ тебѣ, пожалуй, не угодишь,—отвѣчалъ осторожный Сергѣичъ, который, кажется, чувствовалъ къ Петру, если не страхъ, то по крайней мѣрѣ замѣтное уваженіе.

— Что не угодить-то? Не на дорогу ходилъ!—сказалъ Петръ и задумался.

— Что такое съ нимъ случилось?—спросилъ я Сергѣича.

— По дому тоже, государь милостивый, вышло,—отвѣчалъ опять непрямо старикъ.—Мы вѣдь, батьки-мужики—дураки, мотуновъ да ша-

туновъ-дѣтокъ, какъ и я же грѣшный, жалѣемъ, а коли парень хорошъ, такъ давай-намъ всего: и денегъ въ домъ высылай, и хозяйку приведи работящую и богатую, чтобъ было батькѣ гдѣ по праздникамъ гостить да вино пить.

— Въ моемъ, голова, дѣлѣ батька ничего,— возразилъ Петръ:—все отъ Ѳедоски идетъ. Въ самую еще мою свадьбу за краснымъ столомъ въ обиду вошла...

— Что-жъ такъ неугодно ей было?— спросилъ Сергѣичъ.

— Неугодно ей, братецъ ты мой, показалось, что наливкой не угощали; для дѣдушки Сидора старухи была, слышь, наливка куплена, такъ зачѣмъ вотъ ей уваженья не сдѣлали и наливкой тоже не потчевали,—отвѣчалъ Петръ. (Въ лицѣ его ужъ и тѣни не оставалось веселости).

Сергѣичъ покачалъ головой.

— Кто такая эта Ѳедосья?—спросилъ я.

— Мачеха наша,—отвѣчалъ Петръ и продолжалъ:—стола-то, голова, не досидѣла, выскочила; батька, слышь, унимаетъ, проситъ: ничего не властвуетъ—выбѣжала, знаешь, на дворъ, сама лошадь заложила и удрала; иди батька, значитъ, пѣшкомъ, коли ей не угодили. Смѣхоты, голова, да и только въ тѣ поры было!

Сергѣичъ опять покачалъ головой.

— Командирша была, другъ сердечный, надъ старикомъ; слыхали мы это и видывали.

— Командирша такая, голова, была, что сила пороха безъ ея воли въ домѣ не сдувалось. Бывало, голова, не то ужъ хозяйка моя, приведенная въ домъ, а дѣвки-сестры придутъ иной разъ изъ лѣсу голодныя, не смѣютъ вѣдь, братецъ ты мой, безъ спросу у ней въ лукошко сходить да конецъ пирога отрѣзать; все батькѣ въ уши, а тотъ сейчасъ и оговоритъ: такъ изъ куска-то хлѣба, голова, принимать кому это складно?

— Злая баба въ дому хуже чорта въ лѣсу—да отъ того хоть молитвой да крестомъ отойдешь, а эту и пестомъ не отобьешь,—проговорилъ Сергѣичъ.

Петръ махнулъ рукой.

— Говорить-то только неохота,—пробурчалъ онъ про себя.

— По любви ты женился, или нѣтъ?—спросилъ я Петра.

— Почемъ я знаю, по любви али такъ. Пашелъ у насъ, мужиковъ, любовь! Какая на роду написана была, на той, значитъ, и женился!—отвѣчалъ ужъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Петръ.

Сергѣичъ подмигнулъ мнѣ.

— Не сказываетъ, сударь, а дѣло такъ шло, что на улицѣ взглянулись, на посѣдкахъ поссі-

дѣлись, а домой разошлись—стали жалость другъ къ дружкѣ имѣть.

— Что за особливая жалость, голова, а извѣстно, дѣвку бралъ зазнаемо: высмотрѣнную,—отвѣчалъ Петръ еще съ бо̀льшей досадой.

Русскій мужикъ не любитъ признаваться въ нѣжныхъ чувствахъ.

— А мачеха дѣйствительно не любила жены твоей?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, не любила,—отвѣчалъ онъ мнѣ коротко и обратился болѣе къ Сергѣичу.—Тутъ тоже, голова, какъ и судить: хоть бы бабѣ моей супротивъ дѣвокъ первые годы житье было не въ примѣръ лучше, только то, братецъ ты мой, что все она мнѣ ее подводила! Вотъ тоже этакъ, въ отлучкѣ когда, на работѣ: «рубашекъ, говоритъ, тебѣ не послала, поклону не приказывала», и кажинный, голова, разъ какъ съ работы воротишься, кажинный разъ такъ сдѣлаетъ, что я Катюшку либо прибраню, либо и зуботычину дамъ.

— Такъ, такъ, сомущали, значитъ,—подтвердилъ Сергѣичъ.

— Еще какъ, голова, сомущали-то,—продолжалъ Петръ.—Вышла мнѣ такая оказія, братецъ, въ Кострому идти работать, — ладно. Какъ пришелъ въ тѣ поры въ Кострому, сейчасъ купилъ ей ситцу на сарафанъ, два плата,

босовики и послалъ съ ходокомъ. И ты, братецъ ты мой! и пошла у нихъ изъ-за этого пановшина: дѣвки позавидовали, обозлились на Катюшку, матка тоже пуще всѣхъ, и къ батькѣ съ жалобой. «Вотъ, говоритъ, онъ какой: онъ ни мнѣ, ни дѣвкамъ твоимъ по наперсточку не присылывалъ, а все въ женинъ сундукъ валитъ». Батька, извѣстно, осерчалъ, говоритъ Катюшкѣ: «Поди, принеси наряды, что мужъ прислалъ». Ну, та, голова, молода еще была, глупа, нарядиться тоже охота, взяла будто пошла за нарядами, да къ маткѣ и убѣжала, тамъ ихъ и спрятала, а сама домой нейдетъ, боится. Батька, однако, оттоль ее ссягнулъ и бить прибирается: давай, да и только, наряды! И отняли такимъ манеромъ: матка взяла себѣ босовики и сарафанъ, а дѣвки по плату раздѣлили.

— Какъ же батька могъ взять твои подарки у жены?—спросилъ я Петра.

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ бы удивясь моему вопросу.

— Заведенье у насъ, государь мой милостивый, по крестьянству такое,—отвѣчалъ за него Сергѣичъ:—ежели теперича муженекъ хозяйкѣ что посылаетъ, такъ и дому всему долженъ послать. Коли, примѣрно, бабѣ сарафанъ, такъ маткѣ шаль, а сестрамъ по плату али сережки Это ужъ нельзя, не порядокъ, значитъ, будетъ,

Что же, долго ли мы должны отъ тебя обиды принимать?..

коли теперича промышленникъ въ домѣ сталъ только супружницу обряжать да наряжать; а другимъ бы, хоть бы дѣвкамъ али маткѣ, гдѣ взять? За косулей да за коровами ходючи, не много нарядишься. Хоть бы и Петръ Алексѣичъ по сердцамъ это сдѣлалъ.

— Вѣстимо, что по сердцамъ,—отозвался Петръ.— Въ тѣ поры, какъ воротился, Катюшка тоже все мнѣ это говоритъ; я такъ, братецъ ты мой, и положилъ: плюнуть, отступиться; только то вижу, голова, что бабенкѣ ни за што, ни про што житья нѣтъ: на работѣ моромъ морятъ, а по-ихнему все спитъ, дѣластъ все не такъ да неладно—дура да затрапезница, больше и клички нѣтъ. Наложили, братецъ ты мой, тѣмъ временемъ у насъ въ вотчинѣ бревенъ по полсотнѣ съ тягла,—ладно. Батька, извѣстно, присудилъ, чтобъ это справилъ я; а чтобъ, примѣрно, не медлить дѣломъ, сваливши бревно, сучья обрубить и подсобить его навалить на колеса—шла бы въ лѣсъ Катька моя. Бабенка той норой была, голова, на сносѣ. Я батькѣ и говорю: «Какъ, я говорю, батька, тяжелой бабѣ съ бревнами возиться? Ну, какъ, я говорю, надорвется, да какой грѣхъ выйдетъ?»— «Что-ста, говоритъ, али мнѣ изъ-за васъ околѣвать въ лѣсу?»—«Я, говорю, батька, самъ собой этого дѣла не обѣгаю; а что таперича для спорыньи, пожалуйста, пошли хоть старшую сестру

съ телятами. Коли мы теперь съ бабой что-нибудь на работѣ позамѣшкаемся, сейчасъ, голова, безъ насъ совьютъ, соберутъ и отобѣдаютъ; коли щей тамъ останется, такъ Ѳедоска въ лоханку выльетъ, чтобъ только намъ не доставалось—до чего эхидствовала!..—Проговоря это, Петръ вздохнулъ, а потомъ, помолчавъ, продолжалъ:—кабы не это дѣло, пошто бы мнѣ съ батькой дѣлиться, на грѣхи эти идти? Старика оборвалъ и себя надорвалъ!

— Какъ, другъ сердечный, не надорвать!—возразилъ Сергѣичъ:—не даромъ поговорка идетъ: «врагъ захотѣлъ—братья въ раздѣлъ!» Хотѣли, значитъ, милліоны нажить, а стали по-міру ходить... Помню я суды-то ваши съ родителемъ передъ бариномъ, какъ еще смѣлости вашей хватило идти до него по этому дѣлу?

Петръ отвѣчалъ на это только вздохомъ.

— Что-жъ, развѣ у васъ баринъ строгій?—сказалъ я.

— Нѣтъ, государь милостивый,—отвѣчалъ Сергѣичъ:—строгости особливой нѣтъ, а извѣстно, что... дѣло барское, до дѣловъ нашихъ, крестьянскихъ, доподлинно не доходилъ; не всѣ вѣдь этакіе господа, какъ твой покойный папенька былъ: съ тѣмъ, бывало, говоришь, словно со своимъ братомъ; все до послѣдней нитки по крестьянству зналъ. Ну, а нашъ баринъ въ усадьбу

тоже наѣзжаетъ временно, а мужики наши—глупой вѣдь, батюшка, народецъ, и полѣзутъ къ нему со всякими нуждами, правыми и неправыми, такъ тоже въ какой часъ попадутъ; въ иной все мирно да ласково выслушаетъ, а въ другой, пожалуй, сле и ноги уплетутъ—да!

— Горячъ ужъ больно, кричать такой здоровый...—замѣтилъ Петръ.—До барина бы, кажись, тѣмъ дѣломъ я прямо не пошелъ, прахъ все возьми: гдѣ тутъ съ нимъ разговаривать! Да онъ съ молодой барыней тѣмъ лѣтомъ пріѣхалъ... меня заставили тутъ съ другимъ парнемъ въ саду заборъ новый дѣлать. Она, голова, по саду гуляетъ, къ намъ подходитъ, разговариваетъ. «Есть ли, говоритъ, у тебя жена?»—спрашиваетъ меня, слышь.—«Есть, говорю, барыня».—«Любишь ли ты, говоритъ, ее?»—«За что, говорю, не любить! Не чужая, а своя, только, говорю, барыня, хоть бы ты за насъ заступилась, а то намъ съ хозяйкой отъ стариковъ въ дому житья нѣтъ; теперь, говорю, у бабенки моей малый грудной ребенокъ, грудью покормить почесть-что и некогда: все на работѣ, а молока не даютъ; одна толоконная соска, и та еще коли не коли во ротъ попадетъ».—«Ахъ, говоритъ, какъ же это, маленькому нѣтъ молочка. Папаша! папаша!»—кричитъ, голова, барина—мужа батькой обзываетъ, слышь!

— Обзывала, обзывала, и я слыхалъ,—подтвердилъ Сергѣичъ.

— Мужа батькой кличетъ!—отозвался Матюшка и засмѣялся.

— Баринъ, голова, подходитъ,—продолжалъ Петръ.—«Ахъ, говоритъ, душечка, папашечка; вонъ у этого мужичка маленькій ребенокъ: у нихъ нѣтъ молочка; вели ему сейчасъ дать отъ меня корову, пожалуйста».

— У ней у самой, другъ сердечный, маленькій барчикъ былъ: ну, такъ она, значитъ, по себѣ и прикидывала, жалѣла,—замѣтилъ Сергѣичъ.

— Не знаю, къ чему ужъ она прикидывала,—отвѣчалъ Петръ и снова продолжалъ:—баринъ, голова, крикнулъ, знаешь, на меня по-своему. «Какъ, говоритъ, у тебѣ коровы нѣтъ? Пропилъ, каналья?»—«Никакъ нѣтъ-съ, говорю; домъ у насъ заправной. Изъ-за мачехи мы пропадаемъ; въ раздѣлъ бы намъ, говорю, охота, а то батька въ раздѣлъ не пускаетъ и при домѣ не держитъ, какъ надо». Онъ маненько и смякъ. «Хорошо, говоритъ, приходите ко мнѣ завтра съ отцомъ: я васъ разберу». Я, голова, пришелъ домой; говорю батькѣ: «Къ барину, говорю, батька, насъ съ тобой завтра требуютъ».—«Пошто?»—говоритъ. Слышь, испугался старикъ. «Жаловался, что-ли, ты, разбойникъ, на меня?»—

«Нѣтъ, говорю, батька, что жаловаться! Въ отдѣлъ только просился; у тебя семья своя, что намъ на грѣхѣ жить!» Батька и заплакалъ, слышь; ну, старый ужъ человѣкъ былъ, извѣстно! «Богъ съ тобой, говоритъ, Петрушка, поилъ, кормилъ я тебя, а ты, говоритъ, теперь, я старый да хворый, хошь меня покинуть». Мнѣ стало жаль его, голова. «Что, говорю, тятенька, кидать мнѣ тебя, кабы не твоя Ѳедосья Ивановна».—«Полно, говоритъ, Петрушка, поживи со мной, все будетъ хорошо». Такъ мы и порѣшили, голова, на томъ. Только на утро, братецъ ты мой, старикъ ужъ другое поретъ. «Мнѣ-ста, говоритъ, тебя, супротивника, не надо: ступай отъ насъ вонъ; пойдемъ къ барину».—«Пойдемъ»,—говорю. Пошли. Приходимъ. Баринъ должно, голова, стороной слышалъ что-нибудь: на меня этакъ посмотрѣлъ—ничего, а на батьку взмахнулъ глазами: «Говорите!»—говоритъ. Стали мы говорить; плели, плели, братецъ ты мой, всѣхъ и куриць-то припутали, я-то еще говорю, словно бы какъ и дѣло, а батька и понесъ, голова, на меня: и пьяница-то я, и воръ, и мошенникъ. Я ему и говорю: «Не грѣхъ ли, говорю, батька, тебѣ это говорить?» Баринъ тоже слушалъ, слушалъ насъ, да какъ крикнетъ на батьку: «Ахъ, ты, говоритъ, старый хрѣнъ съ сѣдой бородой, взялъ молодую жену, да дѣтей всѣхъ на нее и промѣнялъ! Сейчасъ, говоритъ, старая ли-

сица, плутъ, отдѣлить парня, а съ твоей супружницей я еще перевѣдаюсь. Я ей дамъ кутить да мутить въ семьѣ!» И пошелъ, голова!.. Тутъ лакей подвернулся—на того; барыня пришла: «Что ты, говоритъ, душечка, сердишься и себя не бережешь!»—и на ту затопталъ. Мы съ батькой ужъ ничему и не рады, драло изъ горницы, и до избы еще, голова, не дошли, смотримъ: два дворовые парня нашу Ѳедосью Ивановну ведутъ подъ ручки...

Сергѣичъ засмѣялся.

— Ступай, значитъ, Варвара, на расправу: такъ ее, бестію, и надо,—проговорилъ онъ.

— Воротилась, голова, домой и прямо на печку,—продолжалъ Петръ:—ничего ужъ и не говоритъ, только проохиваетъ. Смѣхъ и горе, братецъ ты мой!

Сергѣичъ продолжалъ улыбаться.

— А что, я словно забылъ, міромъ васъ дѣлили, али такъ разошлись по себѣ?—спросилъ онъ.

— Коли, братецъ ты мой, мужики по себѣ разойдутся!—отвѣчалъ Петръ.—Когда еще это бывало? Послѣдняго лыка каждому жалко: а мы съ батькой развѣ лучше другихъ? Прикидывали, прикидывали—все ни сму, ни мнѣ не ладно, и пошли на міръ... Ну, а міровщину нашу тоже знаешь: весь разумъ и совѣтъ идетъ изъ дьяконовскаго кабака. Батька, извѣстно, съѣздилъ туда

по приказу мачехи, ведерко, другое въ сѣняхъ, въ сборной, выставилъ, а мнѣ, голова, не то, что ведро вина, а луковицы купить было не на что.

— Такъ, такъ; по тебѣ, значитъ, и мало говорили?—замѣтилъ Сергѣичъ.

— А такъ по мнѣ говорили: худъ ли, хорошъ ли я, а все въ домѣ, коли не половинникъ, такъ третивикъ былъ; а на міру присудили: хлѣба мнѣ—ржи только на ѣжу, и то до Спасова дня, слышь; а ярового и совсѣмъ ничего, худо тѣмъ годомъ родилось; изъ скотины—телушку недойную, бычка-годовика, да овцу паршивую; на житье отвели, почесть, безъ угловъ баню—разживайся, какъ хошь, словно послѣ пожара вышелъ; изъ одежи-то, голова, что ни есть, и того какъ слѣдуетъ не отдали: сибирочка тоже синяя была у меня и кушакъ при ней астраханскій, на свои, голова, денежки до копейки и заводилъ все передъ свадьбой, и про ту старикъ, по мачехину наущенью, закрестился, забожился, что отъ него шло; такъ и оттягалъ.

Сергѣичъ качалъ головою.

— Бревенъ, братецъ ты мой, было у меня нарублено триста съ полсотней, — продолжалъ Петръ.—Сталъ этихъ я бревенъ у батьки просить на обзаведенье, по крайности сухія—и того старикъ не далъ: рубн, значитъ, сызнова, и изъ

сырого лѣса. Строить тоже принялся: прихватить хошь бы какого плотничишка не на што, такъ съ одной хозяйкой и выстроилъ. Срамоты-то одной, голова, ни за што бы не взялъ; я сижу на одномъ углѣ, а баба на другомъ: потяпываетъ, какъ умѣетъ; а ужъ какъ свою-то спину нагнулъ да надломилъ такъ...—тутъ Петръ остановился и махнулъ рукой.

— Покойный родитель твой,—началъ Сергѣичъ:—былъ благопріятель мой, самъ знаешь, а не скажу по немъ: много противъ тебя грѣха на душу принялъ.

— Нѣтъ, братецъ, не то,—возразилъ Петръ:—дѣло теперь прошлое, батьку мнѣ грѣхъ помянуть много лихомъ; не со зла старикъ дѣлалъ, а такое, видно, навожденіе на него было.

— Эхъ, другъ сердечный,—возразилъ въ свою очередь Сергѣичъ:—да развѣ на немъ одномъ эти примѣры? Старому мужику молодую бабу въ домъ привести—семью извести.

Я видѣлъ, что Сергѣичъ и Петръ такъ разговорились, что ихъ не надобно ужъ было спрашивать, а достаточно было предоставить имъ говорить самимъ, и они многое разсказывали бы; но мнѣ хотѣлось направить разговоръ на предметъ, по преимуществу меня интересовавшій, и потому я спросилъ:

— Тебя мачеха твоя, вѣроятно, и испортила?

Петръ, вмѣсто отвѣта, кивнулъ мнѣ головой.

— Какимъ же образомъ она тебя испортила?

Петръ посмотрѣлъ на меня съ насмѣшкой и отвѣчалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ:

— Да я почемъ знаю! Какой ты, баринъ, право!

— Что-жъ такое?

— Да какъ же! Скажи ему, какъ портятъ. Я не колдунъ какой.

— Почему-жъ ты такъ думаешь, что тебя испортили?

— Перестань-ка; разговаривать что-то съ тобой не охота: больно ужъ ты любопытенъ!— отвѣчалъ Петръ съ досадою.

Предыдущій разговоръ замѣтно возбудилъ въ немъ желчное расположеніе.

— Не собою, государь милостивый, узналъ,— вмѣшался хитрый Сергѣичъ, видѣвшій, что мнѣ любопытно знать, а Петръ не хочетъ отвѣчать и начинаетъ сердиться:—самому гдѣ экое дѣло узнать!—продолжалъ онъ.—Тоже хворалъ, хворалъ, значитъ, и выискался хорошій человѣкъ— да!—сказалъ, какъ и отъ чего.

— Кто же это такой хорошій человѣкъ?— спросилъ я.

— Колдунъ у насъ, батюшка, былъ въ деревнѣ Печурахъ,—отвѣчалъ Сергѣичъ:—такъ прозывался «печурскій старичище».

— Плутомъ, голова, въ народѣ обзывался, а мнѣ все сказалъ,—перебилъ Петръ.

— Плутъ ли тамъ, али нѣтъ, кто про то знаетъ?—возразилъ Сергѣичъ.—А что старикъ былъ мудрый, это что говорить! Что вѣдь народу къ нему ѣздило всякаго: и простого, и купечества, и господъ—другой тоже съ болѣстью, другой съ порчей этой, иной погадать, гдѣ пропащее взять. И такое, государь, заведенье у него было,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—жилъ онъ тоже бобылькомъ, своимъ домкомъ, въ избушкѣ, далече отъ селенья, почесть что на полѣ; и все калитка назаперти. Теперича, другое иное время; народъ видитъ, что онъ подъ окошечкомъ сидитъ, лапотки поковыриваетъ, али такъ около печки кряхтитъ, стряпаетъ тоже кое-что про себя; а какъ кто, сударь, подъѣхалъ, онъ калитку отперъ и въ голбецъ сейчасъ спрятался; ты, примѣрно, въ избу идешь, а онъ оттоль изъ голбца и лѣзетъ: сѣдой, старый, бородища нечесаная; волосищи на головѣ какъ овинъ, носъ красный, голосище сиплый. Я тоже старшую сношку посылалъ къ нему: овцы у насъ запропали; такъ въ избу-то войти вошла, а какъ увидѣла его, взвизгнула и бѣжать—испугалась, значитъ. И кто бы теперь къ нему ни пришелъ, сейчасъ и ставь штофъ вина, а то и разговаривать не

станетъ: ломъ былъ такой нить, что на удивленіе только!

— Штофъ купить не разоренье,—возразилъ Петръ:—я тѣмъ временемъ въ Галичѣ рублевъ полтораста пролечилъ; бралъ-бралъ у Пузича денегъ, да и полно! Дошелъ до того, голова, ни хлѣба въ домѣ, ни одежи ни на себѣ, ни на хозяйкѣ; на работу силы никакой не стало; голодный еще кое-какъ маешься, а какъ поѣлъ, смерть да и только: у сердца хватитъ, съ души тянетъ; бывало, иной разъ на работѣ али въ полѣ повалишься на лугъ, да и катаешься часа два, какъ лошадь въ чемерѣ. Не смогъ, братецъ ты мой, до Печуръ-то дойти, хозяйкѣ велѣлъ ужъ телѣгу заложить, повалился словно пластъ; до чего бы дошелъ, и Богъ вѣдаетъ. Пріѣхали въ тѣ поры къ нему; хозяйка подала ему полштофчика, вылилъ, голова, въ ковшикъ, выпилъ сразу и тутъ же ворожить сталъ. «Поди, говоритъ хозяйкѣ, почерпни въ этотъ ковшикъ въ сѣняхъ изъ кадки воды; вино, говоритъ, не споласкивай, а такъ и черпай, какъ я пилъ». Принесла та, братецъ ты мой; онъ подалъ мнѣ: «гляди, говоритъ, отъ кого твоя болѣсть идетъ»; такъ, голова, мачеху мнѣ въ водѣ и показалъ.

— Какъ же ты въ ковшѣ ее видѣлъ?—спросилъ я.

— Въявь, словно въ зеркалѣ,—отвѣчалъ Петръ.

— Полно, Петръ; ты это думалъ, такъ тебѣ такъ и показалось,—сказалъ я.

— Ну да, показалось. Вы, баря, все не вѣрите; больно ужъ умны! Не пьяному показалось: у меня въ тѣ поры, не то что вина, куска во рту не бывало. Смотрю, голова, и вижу. «Видишь ли?»—говоритъ онъ мнѣ.—«Вижу, говорю, дѣдушка». «Ну, братъ, ладно, говоритъ, что на меня наскочилъ. Твой лихой человѣкъ себя на сорока травахъ заговорилъ, никто бы тебѣ, окромя меня, не открылъ бы его».

— Осилилъ, значитъ,—замѣтилъ Сергѣичъ.

— Осилилъ, голова. «Я, говоритъ, знаю пятьдесятъ три травы; теперь, говоритъ, клади на столъ сколько денегъ привезъ, а тутъ и скажу, что надо». Хозяйка, голова, положила четвертакъ—удовольствовался.

— Капиталы не жадный былъ копить: вино чтобъ было только пить, а денегъ сколько-нибудь дай—доволенъ,—замѣтилъ Сергѣичъ.

— Какое, голова, жадный; взялъ, хоша бы тутъ четвертакъ; и все сдѣлалъ. «Теперь, говоритъ, ступай ты домой, слышь? Пять зорь умывайся росой, на шестую зорю ступай къ третьимъ отъ здѣшняго селенья воротцамъ, и иди ты все вправо, по перегородѣ; тутъ ты увидишь, что всѣ колья, что подбираютъ, нескобленые; одинъ только колъ скобленый; ты этотъ колъ переруби,

обкопай его кругомъ и найдешь ты тутъ ладанку; на этой ладанкѣ наговоръ противъ тебя и сдѣланъ».

— Онъ, вѣроятно, самъ этотъ колъ и воткнулъ,—сказалъ я.

Петръ разсердился.

— Да, да, разсудилъ, какъ размазалъ!—возразилъ онъ.—Вонъ онъ тоже этакого хватика баринка, какъ ты,—вотъ тоже все смѣялся да не вѣрилъ, такъ онъ такъ ему отшутилъ, что хозяйка опосля любить и не стала.

— Было, было это дѣло,—подтвердилъ Сергѣичъ. А теперича,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—коли свадьбы облизъ его были, всѣ ужъ безпремѣнно звали его да угощали, а то навѣкъ жениха не человѣкомъ сдѣлаетъ...

— Да что, голова,—перебилъ Петръ,—пять лѣтъ вѣдь, братецъ ты мой, я ходилъ и колъ этотъ видѣлъ, только ничего не помекалъ на него. Всю перегороду опосля хозяйка обѣжала: всѣ колья на подборъ нескобленые, одинъ только онъ оскобленый. Для чa?.. для какой надобности?..

— Такъ ужъ, видно, надо имъ было,—возразилъ Сергѣичъ.

— А окромя кола,—продолжалъ Петръ:—все, до послѣдней малости, нашелъ по его сказанью, какъ по писаному. «Какъ, говоритъ, ты эту ладаку сыщешь, въ ней, говоритъ, бумажка за-

шита, слышь. Бумажку эту вынь и дай, кому хошь, грамотному прочесть, и какъ, говоритъ, тебѣ ее прочитаютъ, ты ее часу при себѣ не оставляй, а пусти на вѣтеръ отъ себя». А про ладанку, братецъ ты мой, сказалъ: «Перелѣзь, говоритъ, ты черезъ огородъ и закопай ее на какомъ хошь мѣстѣ и воткни новый колъ, осокольный, и упри его въ перегороду; пять зорь опосля того опять умывайся росой, а на шестую ступай къ перегородѣ: коли коликъ твой не перерубленъ и ладанка тутъ—значитъ, весь заговоръ ихъ пропалъ; а коли твое дѣло попорчено—значитъ и съ той стороны сила большая». Все сдѣлалъ, голова, по его: однако на шестую зорю пришелъ: колъ мой перерубленъ, и вся земля кругомъ взрыта, словно медвѣдь съ убоиной возился.

— Осердились, значитъ,—проговорилъ Сергѣичъ.

— То-то, видно, не по нраву пришлось, что дѣло ихъ узнано,—отвѣчалъ Петръ; потомъ, помолчавъ, продолжалъ:—удивительнѣе всего, голова, эта бумажка: въ ней было всего только четыре слова: *напади*, *тоска*, *на душу раба Петра*. Какъ мнѣ ее, братецъ, одинъ человѣкъ прочиталъ, и всталъ подъ вѣтромъ и пустилъ ее отъ себя—такъ, голова, съ версту летѣла, изъ глазъ-нали пропала, а на землю не падаетъ.

Проговоривъ это, Петръ задумался. Нѣкоторое время разговоръ между ними прекратился.

— Я все, другъ сердечный, дивуюсь,—началъ Сергѣичъ глубокомысленно:—отъ кого это ваша Ѳедосья науки эти произошла! По нашимъ мѣстамъ, окромя этого старичищи, не отъ кого заняться.

— Э, голова, нѣтъ, не то!—возразилъ Петръ:—я ужъ это дѣло опосля узналъ, у нихъ въ роду это есть.

— Въ роду? Вотъ тѣ что!—воскликнулъ Сергѣичъ.

— Да, въ роду,—продолжалъ Петръ.—Може не помнишь ли ты, отъ Парѳенья старушонка къ намъ въ селенье переѣхала, нашей Ѳедоскѣ сродственница? Ну, у насъ въ избѣ, братецъ ты мой, и поселилась; на голбцѣ у насъ и околѣла—въ тѣ поры никому невдомекъ, а она была колдунья сильная...

— Вотъ тѣ что!...—повторилъ еще разъ Сергѣичъ.

— Батька, ты думаешь, спроста женился?—продолжалъ Петръ.—Какъ бы, голова, не такъ! Самъ посуди: старику былъ шестой десятокъ, пять лѣтъ вдовствовалъ, дѣвки на возрастѣ, я тоже въ подросткахъ не малыхъ—пошто было жениться?

— Еще какъ, другъ сердечный, пошто-то,— замѣтилъ Сергѣичъ.

— Вдругъ, голова, пожила у насъ Ѳедоска лѣто въ работницахъ, словно сблаговалъ старикъ. Такъ возьми ровню; мало ли у насъ въ вотчинѣ вдовъ пожилыхъ! А то, голова, взялъ изъ чужой вотчины дѣвку двадцати лѣтъ, въ тѣ поры скрылъ, а опосля узналось; двѣсти пятьдесятъ выкупу за нее далъ—отъ какихъ, паря, денегъ!..

Сказавъ это, Петръ опять впалъ въ раздумье.

— Что-жъ, тебѣ лучше стало послѣ, какъ ты былъ у старичищи?—спросилъ я его.

— Лучше не лучше, по крайности живъ остался,—отвѣчалъ онъ.

— Ты, однако, Петръ Алексѣичъ, долго про нее не сказывалъ да не оказывалъ!—сказалъ Сергѣичъ.

— Я ее совсѣмъ не оказывалъ, такъ и скрылъ: батьку все жалѣлъ,—отозвался Петръ, не измѣняя своего задумчиваго положенія.

— Да,—продолжалъ Сергѣичъ:—отдастъ эта бабенка отвѣтъ Богу: много извела она народу; какое только ей будетъ на томъ свѣту наказанье?

— А развѣ она и кромѣ еще Петра портила?—спросилъ я.

— Ай, сударь, какъ не портила!—отвѣчалъ Сергѣичъ:—теперича первая вотъ хозяйка его стала хворать да на нее выкликать.

— А брата-то родного извела!—сказалъ Петръ.—И за что вѣдь, голова, самъ мнѣ сказывалъ: въ Галичѣ они тоже были; она и говоритъ: «сведи меня въ трактиръ, попой чайкомъ!» Тому, голова, было что-то некогда. «Ну, ладно же, говоритъ, помни это!» И тутъ же, голова, и испортила: какъ пріѣхалъ домой, такъ и ухватило. Маялся, маялся съ мѣсяцъ, дѣлать нечего, пошелъ къ ней, сталъ ей кланяться: «матушка сестрица, помилуй!»—«А! говоритъ, братецъ любезный, ты въ тѣ поры двугривеннаго пожалѣлъ, а теперь бы и сто рублевъ заплатилъ, да поздно!»

— Слышалъ и про это дѣло,—подтвердилъ Сергѣичъ.—Слава Богу,—присовокупилъ онъ,—что на поселенье-то ее сослали, а то она еще не то бы натворила.

Петръ на это ничего не отвѣтилъ и только вздохнулъ.

— Какимъ образомъ и за что именно сослали ее?—спросилъ я.

— Сослали ее, государь милостивый,—отвѣчалъ Сергѣичъ:—вотчина того пожелала: первое, что похваляться стала она на барина, что барина изведетъ, пошто тогда ее поучили маненько...

Тебя вѣдь, Петръ Алексѣичъ, не было въ тѣ поры, безъ тебя всѣ эти дѣла-то произошли,— прибавилъ онъ, обращаясь къ Петру.

— Безъ меня!.. Воротился тогда съ заработковъ прошелъ мимо родительскаго дома; словно выморочный—и ставни заколочены, батька померъ, дѣвокъ во дворъ взяли, а ее сослали!—отвѣчалъ Петръ съ какой-то тоской и досадой.

— Такъ, такъ!—продолжалъ Сергѣичъ.—На какихъ-нибудь недѣляхъ все это и сдѣлалось. Я тутъ тоже согрѣшилъ, грѣшный, маненько докацикомъ былъ, за Сережку-то больно злоба была моя на нее, и теперича, слышавши эти ея слова про барина, слышавши, что, окромя того, селенье стращаетъ выжечь, я, прошлымъ дѣломъ, до бурмистра ходилъ: «это, говорю, Иванъ Васильичъ, какъ ты хошь, а я тебѣ заявлю: это не хорошо; ты и самъ не правъ будешь, коли что случится—да!» Съ этихъ моихъ словъ и пошло все. Бурмистръ тоже поопасился: становому заявилъ. Тотъ сейчасъ наѣхалъ и обыскъ у нея въ домѣ сдѣлалъ: такъ однѣхъ травъ, сударь, у нея четыре короба нашли, а что камешковъ разныхъ—этакихъ мы и не видывали; земли тоже всякой: видно все изъ-подъ слѣдовъ человѣческихъ. Стали ее опрашивать: какія это травы. Не знаю... Чья земля? Не знаю... «Пошто она у тебя? Не знаю». Только и отвѣту было. Хошь

бы въ словѣ проговорилась. Двои сутки съ ней становой бился, напослѣдокъ говоритъ бурмистру: «Что, говоритъ, съ ней, бестіей, дѣломъ-вести! Какъ на нее докажешь? Пиши барину; онъ лучше распорядится». Такъ тотъ и описалъ. Баринъ и приказываетъ сослать ее на поселенье, коли міръ приговоритъ. Тутъ она и сробѣла и чего ужъ не дѣлала. Боже ты мой! И виномъ-то поила, и денегъ сулила—ништо не взяло: присудили!..

— Въ острогѣ-то какъ она сидѣла,—началъ Петръ,—я тоже проходилъ мимо Галича, зашелъ къ ней; калачикъ принесъ... заплакала, братецъ ты мой. «Не была бы, говоритъ, я въ этомъ мѣстѣ, кабы не одинъ человѣкъ. Не пошла бы я, говоритъ, за этимъ больно худымъ, кабы не хотѣла его приворожить, въ сорока квасахъ ему пить давала, и былъ бы онъ мой, да печурскій старичище моему дѣлу помѣшалъ». Только сказала: «Теперь, говоритъ, меня на поселенье ссылаютъ; только ты, Петръ, этому не радуйся: тебѣ самому не будетъ счастья ни въ чемъ. Кажинный часъ въ сердцѣ твоемъ будетъ тоска и печаль». И все вѣдь, голова, правду сказала: што-што живешь на свѣтѣ! Ничего не веселитъ, словно темной ночью ходишь. Ни жена, ни дѣти, ни работа, ништо не мило, и самъ себѣ словно ворогъ какой! Вотъ только и есть, какъ этой

омеги проклятой стакана три огородишь, такъ словно отъ сердца что поотляжетъ.

Проговоривъ это, Петръ вздохнулъ и потомъ вдругъ поднялъ голову.

— Будетъ! Баста!—сказалъ онъ.—Пора ужинать. Барину, я вижу, любо ваше каляканье слушать, а намъ все пѣтуховъ будить придется. Матюшка, дуракъ, подай шапку: вонъ лежитъ на бревнахъ!

Матюшка подалъ ему.

— Спасибо,—продолжалъ Петръ:—я тебя за это въ первый разъ, какъ хлестать станутъ, за ноги подержу и ужъ крѣпко, не бойся, не вывернешься.

— Да за что меня хлестать станутъ?—спросилъ Матюшка.

— И по-моему, братецъ, не за што! Душа ты кроткая, голова крѣпкая,—проговорилъ Петръ и постучалъ Матюшку въ голову.—Вона, словно въ пустомъ овинѣ. Ничего, Матюха, не печалься. Проживешь ты вѣкъ, словно кашу съѣшь. Маршъ, ребята!—заключилъ онъ, вставая.

— За угощенье твое благодаримъ, государь милостивый,—сказалъ Сергѣичъ, кланяясь.

— Да ты ниже кланяйся, старый хрѣнъ! Всю жизнь спину гнулъ, а не изловчился на этомъ!—подхватилъ Петръ, нагибая старику голову.

Сергѣичъ засмѣялся, Матюшка тоже захохоталъ.

— Прощай, баринъ,—продолжалъ Петръ, надѣвая шапку.—Правда ли, дворовые твои хвастаютъ, что ты книги печатныя про мужиковъ сочиняешь?—прибавилъ онъ, пріостановясь.

— Сочиняю,—отвѣчалъ я.

— Ой ли?—воскликнулъ Петръ.—Въ грамотѣ я не умѣю, а почиталъ бы. Коли такъ, братецъ, такъ сочини и про меня книгу.

— Полно, балагуръ, полно! Пойдемъ ужинать, коли собрался!—сказалъ Сергѣичъ, слегка толкнувъ Петра въ спину.

— Пойдемте,—отвѣчалъ тотъ и обнялъ одною рукой Матюшку.

Веселость Петра, впрочемъ, вспыхнула на минуту: онъ опять потупилъ голову. Всѣ они пошли неторопливо, и я еще долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, глядя на нетвердую и заплетающуюся походку Сергѣича, на безпечную, но здоровую поступь кривоногаго Матюшки, наконецъ на задумчивую и сутуловатую фигуру Петра.

V.

Успеньевъ день у насъ въ приходѣ праздникъ. Объ этомъ можно ужъ догадаться по тому, что кучеръ мой, Давыдъ, между нами сказать, сильный бахвалъ и большой охотникъ до парадныхъ выѣздовъ, еще въ семь часовъ утра, едва успѣлъ я встать, пришелъ въ горницу.

— Что тебѣ?—спрашиваю я.

— Изволите ѣхать молиться къ обѣднѣ, или нѣтъ-съ? Коли поѣдете, такъ лошадей надо припасти.

Собственно говоря, лошадей совершенно нечего припасать, а стоитъ только вывести изъ конюшни и заложить, и Давыдъ, я знаю, пришелъ спрашивать, чтобъ скорѣе успокоить свое ожиданіе насчетъ того, удастся ли ему проѣхать и пофорсить.

— Поѣду,—говорю я.

У Давыда отъ удовольствія кровь бросается въ лицо.

— Жеребцовъ вѣдь припасти?—спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, братецъ, разгонныхъ бы,—говорю я.

— На разгонныхъ нельзя, вся ваша воля: разгонныя лошади совсѣмъ смучены, а что эти одры стоятъ только да овесъ ѣдятъ! Хошь маломальски промнутся,—возражаетъ Давыдъ съ вытянувшимся лицомъ, и я убѣжденъ, что одна мысль ѣхать на разгонныхъ къ празднику была для него мученьемъ.

— Ну, хорошо, на жеребцахъ поѣдемъ,—говорю я.—Только уговоръ лучше денегъ: въ сараѣ не изволь ихъ муштровать и хлестать, а то они у тебя выскакиваютъ, какъ бѣшеные, и, подъѣзжая къ приходу, не скакать благимъ матомъ, а

то, пожалуй, или себѣ голову сломишь, или задавишь кого-нибудь.

— Не извольте безпокоиться. Господи, Боже мой, не первый годъ ѣзжу!—говоритъ Давыдъ и потомъ, постоявъ немного, присовокупляетъ:

— Кафтанъ синій надо надѣть-съ?

— Конечно,—говорю я.

— Кушакъ тоже шелковый?—прибавляетъ онъ.

— Конечно, конечно,—подтверждаю я, не понимая еще, къ чему онъ ведетъ этого разговоръ: синій кафтанъ и шелковый кушакъ находятся совершенно въ его распоряженіи.

— Вы этта, изволили говорить, перчатки зеленыя купить мнѣ въ Чухломѣ.

— Ну, да! Что-жъ?

— Не для чего покупать-съ... У Семена Яковлича еще послѣ папеньки вашего лежатъ кучерскія перчатки; не даетъ только безъ вашего приказанья, а перчатки важныя еще!—разрѣшаетъ, наконецъ, Давыдъ, къ чему онъ клонилъ разговоръ.

— Хорошо; скажи, чтобъ далъ,—говорю я.

И Давыдъ, очень довольный, отправляется. Надобно сказать, что онъ очень хорошій кучеръ и вообще малый трезваго поведенія и добраго нрава, но имѣетъ одну слабость: прихвастнуть и прихвастнуть не о себѣ, а все какъ бы въ мою пользу. Вдругъ, напримѣръ, разскажетъ гдѣ-ни-

будь на станціи, на которыхъ насъ обоихъ съ нимъ очень хорошо знаютъ, что я графъ, генералъ, и что у меня тысяча душъ, или ошибетъ какого-нибудь сосѣда-мужика, что у насъ двадцать жеребцовъ на стойлѣ стоятъ. Когда я бываю съ нимъ иногда въ городѣ и даю ему полтинникъ на чай, онъ этотъ полтинникъ никогда не издержитъ, но, воротившись домой, выброситъ его на столъ передъ своей семьей и скажетъ: «на-те-ста: только и осталось отъ пяти серебромъ баринова подареньица». Кромѣ этихъ внѣшнихъ достоинствъ, онъ любилъ меня украшать и внутренними, нравственными, качествами; такъ, напримѣръ, припишетъ мнѣ храбрость неимовѣрную, въ разсказѣ такого рода, что разъ будто бы мы ѣхали съ нимъ ночью и встрѣтили медвѣдя, и онъ, испугавшись, сказалъ: «баринъ, я пущу лошадей», а я ему на это сказалъ: «подержи немного, жалко медвѣжьей шкуры», и убилъ медвѣдя изъ пистолета, тогда какъ я въ жизнь свою воробья не застрѣлилъ.

Послѣ Давыда начинаетъ являться прочая дворня проситься на праздникъ—обычай, который заведенъ былъ еще прадѣдами и который я поддерживаю, имѣя случай при этомъ дѣлать неистощимое число наблюденій. Первая является Александра-скотница, очень плутоватая и бойкая женщина.

— Батюшка, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, позвольте на праздникъ-то сходить,—говоритъ она.

— Хорошо, ступай; только какъ коровы безъ тебя останутся? Смотри!

— О коровахъ, батюшка, я баушку Алёну просила, баушка походитъ. Какъ можно о скотинкѣ не думать. Я о ней кажинный часъ жалѣю. И сегодня не пошла бы, да у тетки моей праздникъ, а у меня и родни-то на свѣтѣ только тетка родная и есть,—говоритъ она скороговоркой.

— Ступай,—говорю я, хоть и предчувствую, что она меня обманываетъ. Только что Александра ушла, мимо оконъ по двору идетъ Андрюшка-ткачъ, съ женой, очень смазливый малый, годъ назадъ женившійся на молоденькой и очень хорошенькой изъ крестьянъ бабенкѣ, значитъ, еще *молодые* и оба, въ отношеніи меня, несмѣлые; они стоятъ нѣкоторое время на дворѣ и перекоряются, кому идти проситься; наконецъ, подходитъ къ окну молодая и кланяется.

— Здравствуй, милушка,—говорю я.

Она вся вспыхиваетъ.

— На праздникъ, что ли, хочешь идти?—спрашиваю я.

— Нешто, сударь,—говоритъ она.

— Ну, ступай.

— И хозяина ужъ пусти!—прибавляетъ она.

— Ступайте.

Она хочетъ идти.

— Да, постой,—говорю я:—у тебя грудной ребенокъ. Какъ ты его оставишь?

— Пошто оставлять, съ собой возьму.

— Помилуй, ты измучишь и сама себя, и ребенка.

— Ой, ничего,—отвѣчаетъ она.—Мало ли съ ребятами ходятъ, не одна я—ничего!

— Ступайте.

Она кланяется и опять краснѣетъ и, подходя къ мужу, говоритъ: «пустилъ!» Тотъ тоже издали мнѣ кланяется, и уходятъ оба. Комнатный человѣкъ мой Константинъ, сопутникъ съ десятилѣтняго возраста моей жизни, имѣющій обыкновеніе обращаться со мной строго, приготовляетъ мнѣ бриться и одѣваться съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Ему тоже хочется на праздникъ, и онъ думаетъ, что не попадетъ; но я намѣренъ доставить ему это удовольствіе.

— Константинъ, ты велишь осѣдлать себѣ лошадь и поѣдешь со мной.

— Слушаю-съ,—отвѣчаетъ онъ голосомъ, необычно-суровымъ.—Старуха Алена пришла: просится тоже помолиться,—прибавляетъ онъ, умилившись сердцемъ отъ собственнаго удовольствія.

— Какъ же мнѣ дѣлать? Ужъ я скотницу отпустилъ,—воскликнулъ я.—Позовите старуху.

Старуха входитъ.

— Я вѣдь, старуха, скотницу Александру отпустилъ. Она мнѣ наврала, что ты берешься посмотрѣть за коровами.

— Ну, батюшка, вся ваша воля,—отвѣчаетъ старуха покорнымъ, но укоризненнымъ тономъ:—круглый годъ изъ-за этой Александры Алексѣевны лба не перекрестишь. Она пошла пиво пить, а тебѣ и помолиться нельзя!

— Эй! кто тамъ?—кричу я.—Скажите Александрѣ, чтобъ она не уходила, а ты, старуха, ступай.

— Гдѣ ужъ, батюшка! Не воротишь ее: совсѣмъ нарядная приходила къ тебѣ проситься; прямо изъ горницы и побѣжала; верстъ на пять теперь ужъ ушла.

Мнѣ стало жаль старухи.

— На тебѣ двугривенный, что ты остаешься; а въ слѣдующее воскресенье я тебя на лошади отправлю Богу помолиться,—говорю я.

— Ой, батюшка, что это? Пошто? И такъ довольны вашей милостью,—говоритъ она, впрочемъ, беретъ двугривенный и этимъ отчасти успокоивается.

Я продолжаю смотрѣть въ окно: старикъ-поваръ прошелъ, въ бѣлой манишкѣ моего подаренья; молодая горничная, еще наканунѣ завившая свои виски въ мелкія косички, а теперь

расчесавшая ихъ, прибѣжала, какъ сумасшедшая, къ маткѣ въ избу. Ключница прошла въ погребъ, въ мериносовомъ платьѣ и въ шелковомъ, повязанномъ маленькой головкой, платочкѣ. Это штатъ барыни, и онѣ у нея, вѣроятно, отпросились. Я вижу даже, что у конскаго двора отчаянный Васька запрягаетъ имъ въ телѣгу лошадь, и самъ, никого не допуская, натягиваетъ супонь. Такимъ образомъ сбирается почти вся дворня, за исключеніемъ развѣ дѣдушки Ѳадея: и тотъ остается потому, что съ печки слѣзть не можетъ. Впрочемъ, онъ только еще нынѣшній годъ не пошелъ, а прошлый ходилъ, но, не дойдя еще до прихода, свалился въ канаву и пролежалъ тутъ цѣлый день. Даже Семенъ, несмотря на свою флегматичность и безстрастность характера, остался очень доволенъ, когда я ему предложилъ, чтобъ и онъ тоже ѣхалъ. Никогда еще не замѣчалъ я въ немъ такой расторопности: не прошло пяти минутъ, какъ онъ уже сидѣлъ верхомъ на чалкѣ, въ синемъ кафтанѣ и какой-то высокой бобровой шапкѣ, Богъ знаетъ отъ кого и какимъ образомъ доставшейся ему. Однако пора и мнѣ собираться; я одѣлся и вышелъ. Давыдъ, несмотря на мои просьбы и наставленія, распорядился по-своему: лошади, весьма добронравныя и хорошо пріѣзженныя, вылетѣли изъ сарая, какъ бѣшеныя, такъ что онъ, повалившись совершенно назадъ,

едва остановилъ ихъ у крыльца. Я убѣжденъ, что онѣ жесточайшимъ образомъ нахлестаны; кромѣ того, коренную онъ, по обыкновенію, взнуздалъ бечевкой, чтобъ круче шею держала, а бѣднымъ пристяжнымъ притянулъ головы совершенно къ землѣ, такъ что у нихъ глаза и ноздри налились кровью. Напрасно я возсталъ противъ этой его системы закладыванья; на всѣ мои замѣчанія онъ отвѣчалъ: «господа такъ ѣздятъ, красивѣе этакъ!..» Въ настоящемъ случаѣ я ничего ужъ и не говорилъ и только просилъ его, ради Бога, не гнать лошадей, а ѣхать легкой рысью. Онъ сначала какъ будто бы послушался, но въ нашемъ же полѣ, увидѣвъ, что идутъ изъ Утробина двѣ молоденькія крестьянки, не могъ удержаться и, вскрикнувъ: «эхъ, вы, миленькія!» понесся, что есть духу.

— Неужели ты, Давыдъ, думаешь, что насъ молодцами за это сочтутъ? Напротивъ, дураками!— принимался я ему втолковывать, но все напрасно! Подъѣзжая къ приходу, онъ весь какъ-то ужъ изломался: шапку свернулъ набекрень, самъ тоже перегнулся, вожжи натянулъ, какъ струны, а между тѣмъ пошевеливаетъ ими, чтобъ горячить лошадей. День былъ свѣтлый; отъ прихода несся говоръ народа, и раздавался благовѣстъ во вся; по дорогѣ шло пропасть народу, и всѣ мнѣ кланялись.

— Матка, чей баринъ-то?—говоритъ одна старуха другой.

— Ѳилата Гаврилыча, матка, сынъ, али не узнала?—отвѣчаетъ ей та.

— Ну, вотъ, какой хорошій да пригожій!—говоритъ первая старуха.

На худой лошаденкѣ, которая обыкновенно называется вертохвосткою, гарцуетъ нѣкто Ѳомка Козыревъ, лакей и управляющій одной вдовы-помѣщицы. Ужъ три года, какъ Ѳомка сталъ являться на всѣхъ праздникахъ, въ плисовыхъ штанахъ, въ плисовой поддевкѣ, съ серебряными часами; путемъ поклониться ни съ кѣмъ не хочетъ, простого вина не пьетъ, а все давай ему наливокъ. Жареныхъ пышекъ на иной ярмаркѣ на рубль серебра съѣстъ въ день, а орѣхи безъ перемежки въ карманѣ насыпаны. За это его прозвали *полубариномъ*. Завидѣвъ меня и замѣтивъ, что я начинаю его обгонять, онъ также, въ свою очередь, начинаетъ горячить лошадь, а самъ представляетъ, что совладѣть съ нею не можетъ. Лошаденка завертѣла хвостомъ и пошла бокомъ забирать, все дальше и дальше, въ сторону.

Чѣмъ ближе къ селу, тѣмъ больше обгоняешь народу. Какія у всѣхъ довольныя лица, а между тѣмъ какъ мало надобно, чтобъ доставить этимъ людямъ это удовольствіе. Придетъ иной верстъ за

десять пѣшкомъ къ приходу, помолится, а тутъ и отправится въ деревню, гдѣ празднуютъ. Хорошо ещ', у кого есть родные: тотъ прямо идетъ гоститься, то-есть выпить, пообѣдать, поболтать; а у кого нѣтъ, такъ взойдетъ въ избу несмѣло и проговоритъ какимъ-то страннымъ голосомъ: «съ праздникомъ, хозяева честные, поздравляемъ». Хозяинъ, который ужъ дѣйствительно ничего не желаетъ, но котораго въ то же время одолѣваютъ гости, проговоривъ: «сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ», поспѣшитъ ему дать рюмку водки, пирога и пива; гость это все выпьетъ, съѣстъ и отправится въ другую избу, и такимъ образомъ къ вечеру наберется порядочно.

Къ величайшему неудовольствію Давыда, я не допустилъ произвести эффектъ, проѣзжая по улицѣ села, а велѣлъ ѣхать задами и пошелъ самъ пѣшкомъ. У церковныхъ воротъ пересѣкъ мнѣ дорогу маленькій семинаристикъ, въ длинноломъ нанковомъ зеленомъ сюртучкѣ.

— Здравствуйте, папенька крестный,—проговорилъ онъ.

Когда я его крестилъ? Совершенно не помню.

— Здравствуй, милый! Ты чей?

— Отца дьякона, папенька крестный,—отвѣчалъ онъ.

— А, отца дьякона! Это хорошо... Что, обѣдня идетъ или нѣтъ?

— Начинается, папенька крестный,—отвѣчаетъ онъ и, какъ человѣкъ привычный, пошелъ впереди, расталкивая для меня народъ.

Послѣ обѣдни я хотѣлъ было пройтись по ярмаркѣ, но меня остановила проживающая въ селѣ немолодая дѣвица тоже изъ духовнаго званія, по имени Арина Семеновна, дѣвица—большая краснобайка и очень неглупая.

— Позвольте, батюшка Алексѣй Ѳеофилактычъ,—начала она,—просить васъ осчастливить меня вашимъ посѣщеніемъ. Я еще пользовалась милостями вашего папеньки, маменьки; по добротѣ своей и великодушію, они никогда не брезговали посѣщать мою сиротскую хижину. Слухъ тоже, батюшка, и про васъ идетъ, что вы въ папеньку—не гордые.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сударыня; но меня звалъ отецъ Николай, чтобъ мнѣ туда не опоздать,—сказалъ я.

— Отецъ Николай, батюшка, долго еще изволятъ пробыть въ церкви, такъ какъ теперича простой народъ молебны будетъ служить, а вы, по крайности, тѣмъ временемъ чайку или кофейку у меня откушаете. Богато-небогато, сударь, живу, а все на пріемъ такихъ дорогихъ гостей имѣю.

— Очень хорошо, сударыня, извольте.

— Не знаю, какъ и благодарить за ваши

милости,—сказала мнѣ съ поклономъ Арина Семеновна.

Когда мы пришли, Арина Семеновна, конечно, захлопотала о приготовленіи угощенія.

Я высунулъ голову въ окно и сталъ будто бы съ большимъ вниманіемъ глядѣть на толпившійся тутъ и тамъ народъ. Изъ толпы, окружавшей кабакъ, вышелъ Пузичъ съ Козыревымъ; оба они успѣли видно порядочно выпить. Я еще прежде слышалъ, что Пузичъ подрядился у Ѳомкиной госпожи строить новый флигель, и у нихъ, вѣроятно, были поэтому литки. Пузичъ, увидѣвъ меня, остановился и поклонился, а Козыревъ, нахмуренный и мрачный, немного пошатываясь и засунувъ руки въ карманы плисовыхъ шароваръ, прошелъ было сначала мимо, но потомъ тоже остановился и, продолжая смотрѣть на все исподлобья, сталъ поджидать товарища.

— Ваше высокоблагородіе, позвольте съ вами компанію имѣть!—проговорилъ Пузичъ пьянымъ голосомъ.

— Нѣтъ, братецъ, въ другое ужъ время,—сказалъ я, показывая ему рукой, чтобъ онъ отправился, куда шелъ.

— Баринъ!.. Писемскій!.. Господинъ! Позвольте съ вами компанію имѣть!—прокричалъ Пузичъ ужъ на всю улицу, такъ что Арина

Семеновна, какъ хозяйка, обезпокоилась этимъ и подошла къ окну.

— Нехорошо, нехорошо, Пузичъ, — сказала она.—Мужикъ вы хорошій, богатый, а безпокоите господъ. Ступайте, ступайте!

— Арина Семеновна, позвольте компанію имѣть!—воскликнулъ опять Пузичъ.—Ежели теперича барину, господину Писемскому, деньги теперича нужны—сейчасъ! Позови только Пузича: «Пузичъ, дай мнѣ, братецъ, денегъ, тысячу цѣлковыхъ», значитъ сейчасъ, ваше высокопривосходительство. Что мнѣ деньги? Денегъ у меня много. Мнѣ, баринъ, господинъ Писемскій, его привосходительство, значитъ, отдалъ теперича всѣ деньги сполна, и я благодарю, должонъ благодарить. Теперича господинъ Писемскій мнѣ скажетъ: «Подай мнѣ, Пузичъ, деньги назадъ!»—«Изволь, бери...» Позвольте, ваше привосходительство, компанію мнѣ съ вами имѣть...

Въ это время вышелъ изъ-за угла Матюшка, съ несвойственнымъ ему печальнымъ лицомъ, и робко подошелъ къ Пузичу.

— Дядюшка, дай два рублика-та,—пробормоталъ онъ.

Физіономія Пузича въ минуту измѣнилась: изъ глупо-подлой она сдѣлалась строгой.

— Какіе твои два рубля?—сказалъ онъ, обернувшись къ Матюшкѣ лицомъ и уставивъ руки въ бока.

— Мамонька наказывала серпъ купить, жать нечѣмъ,—проговорилъ тотъ.

— Какія твои деньги у меня? За какія услуги? Говори! Ежели теперича ты пришелъ у меня денегъ просить, какъ ты смѣешь передо мною и господиномъ въ шапкѣ стоять? Тебѣ было сказано, на носу зарублено, чтобъ ты не смѣлъ передъ господами въ шапкѣ стоять,—проговорилъ Пузичъ и сшибъ съ Матюшки шапку. Тотъ только посмотрѣлъ на него.

— Что дерешься? И на тебѣ шапка не притаченная,—проговорилъ онъ, поднимая шапку.

— Молчать! Поговори еще у меня!—продолжалъ Пузичъ.—Когда, значитъ, подрядчикъ съ тобой разговариваетъ, какой разговоръ ты можешь имѣть?

— Пузичъ, идемте,—проговорилъ октавой Козыревъ, которому ужъ, видно, наскучило ждать.

— Идемъ, идемъ, Флегонтъ Матвѣичъ,—отвѣчалъ Пузичъ;—дураковъ, значитъ, надо учить, ваше привосходительство, коли они неумны!— отнесся онъ ко мнѣ и, очень довольный, что удалось ему передъ всѣмъ народомъ покуражиться надъ Матюшкой, пошелъ съ Козыревымъ опять, кажется, въ кабакъ. Бѣдняга Матюшка издали послѣдовалъ за нимъ.

— Что? Тебя не разсчитываетъ подрядчикъ?— спросилъ я его.

— То-то-тка, все вотъ жилитъ, да дерется еще,—отвѣчалъ онъ, уходя.

Не прошло четверти часа послѣ этой сцены, мы сидѣли еще у Арины Семеновны, въ ожиданіи отца Николая, который присылалъ изъ церкви съ покорнѣйшею просьбою подождать его, приказывая, что какъ онъ освободится, такъ самъ зайдетъ просить достопочтенныхъ гостей. Я продолжалъ упорно смотрѣть въ окно. «Однако отецъ Николай что-то долго нейдетъ,—думалъ я.—Неужели онъ все еще молебны служитъ?» Около церкви никого ужъ не видать, а между тѣмъ въ противоположной сторонѣ, къ кабаку масса народа дѣлается все гуще и гуще. Наконецъ я увидѣлъ ясно, что туда идутъ и бѣгутъ.

— Кажется, пожаръ!—сказалъ я, вставая.

Въ это время вошелъ отецъ Николай, блѣдный и запыхавшійся.

— Батюшка, что такое случилось? Откуда вы?—спросилъ я.

— Сударь, случилось несчастіе: убійство въ кабакѣ! Сейчасъ ходилъ напутствовать Св. Дарами, да ужъ поздно—злодѣи этакіе!

— Кто такіе? Кто кого убилъ?—спросилъ я.

— Плотники... стали пьяные въ кабакѣ съ хозяиномъ раздѣлываться... слово за слово, да и драка... одинъ молодецъ и уходилъ подрядчика на-смерть,—отвѣчалъ отецъ Николай, садясь и

утирая катившійся съ лица его крупными каплями потъ.

— Не Пузича ли это?—сказалъ я.

— Его, его, Пузича, коли знаете. Плутоватый былъ мужиченко.

— Кто-жъ его убилъ? Онъ сейчасъ здѣсь былъ.

— Да я ужъ и не знаю. Петромъ, кажется, зовутъ парня, высокій этакой, худой.

— Батюшка! Нельзя ли еще какъ-нибудь помочь убитому?—воскликнулъ я.

— Врядъ ли!—отвѣчалъ отецъ Николай, сомнительно покачивая головой. Но я, схвативъ попавшійся мнѣ на глаза перочинный ножикъ, чтобъ пустить Пузичу кровь, пошелъ, какъ могъ проворно, къ кабаку. Мѣсто происшествія, какъ водится, окружала густая толпа; я едва могъ пробраться къ небольшой площадкѣ передъ кабакомъ, на которой посединѣ лежалъ вверхъ лицомъ убитый Пузичъ, съ почернѣвшимъ, какъ утопленикъ лицомъ, съ слѣдами пѣны и крови на губахъ. У поддевки его правый рукавъ былъ оторванъ, рубаха вся изорвана въ клочки, правая рука изсѣчена цырюльникомъ, но кровь ужъ не пошла. Въ сторонѣ стоялъ весь избитый Матюшка и плакалъ, утирая слезы кулакомъ связанныхъ рукъ. Сидѣвшему на лавочкѣ Петру, тоже съ обезображеннымъ лицомъ и въ изорванномъ кафтанѣ, сотскій вязалъ ноги.

— Злодѣй, что ты надѣлалъ?—сказалъ я ему.

Онъ взмахнулъ на меня глазами, потомъ посмотрѣлъ на церковь.

— Давно ужъ, видно, мнѣ дорога туда скатана!—проговорилъ онъ и прибавилъ сотскому:—что больно крѣпко вяжешь? Не убѣгу.

Въ толпѣ между тѣмъ нѣсколько бабъ ревѣло, или, вѣрнѣе сказать, голосило.

— Батюшка, кормилецъ мой!—завывала одна.

— Что ты надсажаешься? Али родня?—говорилъ ей мужской голосъ.

— Ну, батюшка, какъ не надсажаться! Все человѣческая душа, словно пробка, выскочила!—отвѣчала женщина.

— Пускай пореветъ: у бабъ слезы не купленныя,—замѣтилъ другой мужской голосъ.

— О, о, о, ой,—стонала еще другая баба:—куда теперь его головушка поспѣла?

— Удивительная вещь, удивительная вещь,—толковалъ клинобородый мужикъ съ умнымъ лицомъ, должно быть, изъ торговцевъ.

— Какъ у нихъ это случилось?—отнесся я къ нему.

— Пьяные, сударь,—отвѣчалъ онъ.—Пузичъ съ утра съ Ѳомкой пилъ; пьяны-съ! Поначалу они принялись вдвоемъ въ кабакѣ этого толсторожаго парня бить; не знаю, про што его и связали: онъ ничѣмъ не причиненъ!.. Цаловальникъ

видитъ, что дѣло плохо: бьютъ человѣка не на животъ, а на смерть, караулъ закричалъ. Мы въ кабакъ-то и вбѣжали, и Петруха-то вошелъ. «За што, говоритъ, парня бьете?» и сталъ отымать, вырвалъ у нихъ его, да и на улицу; они за нимъ, да и на него. Пузичъ за волосы его сгребъ, а Ѳомка подъ ногу подшибаетъ, и Петруха—на моихъ глазахъ это было—раза два ихъ отпихивалъ, такъ Ѳомка и поотсталъ, а Пузичъ все лѣзетъ: сила-то не береть, такъ кусаться сталъ, впился въ плечо зубами да и замеръ. Мы было съ сотскимъ начали разнимать ихъ—гдѣ тутъ! За ноги хотѣли было ихъ растащить, такъ Пузичъ какъ съѣздилъ сапогомъ по головѣ, такъ шабашъ—нали шабалка затрещала. Сотскій сталъ ужъ кричать: «воды! водой разливайте!» Я было побѣжалъ зачерпнуть, прихожу: все ужъ порѣшено.

Петруха, говорятъ, оборанивался, оборанивался, и какъ ухватитъ его за поперекъ, на своего аршинъ приподнялъ, да и хрясь о землю—только проохнулъ. А Козыревъ испугался, вскочилъ на живодернаго коня и лупмя почалъ его лупить плетью, чтобъ ускакать. Ребята тутъ смѣются ему:—«Возьми, говорятъ, колъ: ишь плетью-то не пробираетъ бока, больно толсты». Такой дуракъ: угналъ, словно не найдутъ.

Я вышелъ изъ толпы; мнѣ попался ста-

рикъ Сергѣичъ, проворно туда шедшій своей заплетающейся походкой.

— Дѣдушка! Слышалъ ли, что вашъ Петръ начудилъ?—сказалъ я ему.

— Ой, государь милостивый! слышалъ, слышалъ! За то его, батюшка, Богъ наказалъ, что родителя мало почиталъ. Тогда бы стерпѣлъ, слюбилось теперь бы,—отвѣчалъ старикъ и прошелъ дальше.

СТАРАЯ БАРЫНЯ.

ВЪ селѣ В.....ѣ была послѣдняя станція, на которую пріѣхалъ я въ родные предѣлы свои на почтовыхъ, и потому велѣлъ себя везти на постоялый дворъ. Его держала знакомая старуха, по прозванію Грачиха и воръ-баба, какъ обыкновенно прибавляли знающіе ее, и баре, и мужики: небольшого роста, съ лицомъ багровымъ, какъ изъ красной мѣди, толстая, но еще проворная, услужливая, говорунья безумолку, особенно когда навеселѣ, а навеселѣ почти цѣлый день съ утра до полуночи. Подъѣхалъ я ночью, перезябъ, какъ водится, до костей. Ощупью пошелъ по знакомой лѣсенкѣ и отворилъ

калитку въ сѣни. Въ полумракѣ мерцала тоненькая сальная свѣчка въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, воткнутомъ въ столбъ, да изъ длинной трубы самовара вырывалось пламя отъ зажженной лучины; смутно виднѣвшаяся лошадиная морда старательно грызла перилы, отдѣляющія сѣни отъ двора. Изъ отворенныхъ дверей избы валилъ паръ клубами.

— Хозяйка, старый хрѣнъ, господа пріѣхали!— крикнулъ я.

— Ай, батюшки! господа и есть,—послышался голосъ старухи, а затѣмъ она и сама появилась.

— Въ горницу пожалуйте, сударики, сюда, сюда, господа честные!—говорила она.

Я вошелъ. Сильно нагрѣтымъ и удушливымъ воздухомъ такъ и обдало меня.

— Старая, у тебя угарно!—сказалъ я.

— Нѣтъ, сударикъ, нѣту, съ утра еще топлено,—отвѣчала старуха, а сама впрочемъ засунула жирную руку въ отдушину и вытаскивала оттуда вьюшки.

Я между тѣмъ раздѣвался.

— Батюшки!—воскликнула старуха, всплеснувъ руками:—на-ка, баринъ-то знакомый, а я, старая дура, и не признала, на-ка! Откуда изволишь ѣхать?

— Изъ Питера.

— Ну вотъ откуда. Не узнала я, не узнала,

раздобрѣлъ больно, какой дюжій сталъ. Иванъ Петровичъ, сударь, недавно проѣзжали.

— Какой Иванъ Петровичъ?—спросилъ я.

— Иванъ Петровичъ Сорокинъ, чтой-то, словно не знаешь, благопріятели, чай?

Никакого Ивана Петровича Сорокина и во снѣ не видывалъ, но догадываясь, что старуха хочетъ что-нибудь разсказать про Ивана Петровича, притворился.

— А что же?—спросилъ.

Старуха только махнула рукой.

— Ой, не говори ужъ лучше, такая у нихъ эта пановщина была съ барыней-то, что хоть до нехорошаго... Мирила, мирила ихъ, да и полно!

— Повздорили!—замѣтилъ я.

— Шибко,—отвѣчала старуха;—въ грошевомъ калачѣ дѣло вышло, баринъ-то скупенекъ, самъ вонъ кузовья покупаетъ, чтобъ хоть копейку какую выторговать; ну и принесъ съ базара грошевый калачъ, да и потчуетъ барыню, а той не нравится, изъ того и пошло: «ты, говоритъ, мнѣ все дѣлаешь напротивъ», а та стала корить, «ты, говоритъ, душенька, меня только мякиной и кормишь», ну и почали, согрѣшила я, грѣшная, съ ними.

— И что же?—спросилъ я.

— Ничего, побранились,—отвѣчала старуха;

и потомъ, вдругъ перемѣнивъ насмѣшливое выраженіе на грустное, произнесла печальнымъ голосомъ:—тетенька-то твоя, батюшка, Марья Николаевна, померла.

— Какая тетенька Марья Николаевна?—спросилъ я.

— Ой, да Ометкина-то; чтой-то въ Питерѣ-то всѣхъ перезабылъ.

— Ну, баушка, прорвалась, такой тетки у меня не бывало,—проговорилъ я.

— На, аль взаправду, это не тебѣ тетка-то? Такъ, такъ, такъ?.. Николаю Егорычу Бекасову, вотъ вѣдь чья она тетка-то,—вывернулась старуха.—Похороны, сударь, были богатѣющія, совершали, какъ должно, не жалѣючи денегъ. Что было этого духовенства, что этой нищей братіи!..—продолжала она, поджимая руки и приготовляясь, кажется, къ длинному разсказу. Но въ это время изъ сосѣдней комнаты послышался трескъ, и кричалъ сиплый голосъ.

— Пусти меня, кто меня смѣетъ вязать. Ванька... хозяинъ мой... подлецъ, дай водки! Пусти меня,—и снова трескъ.

— Успокойте себя, Владиміръ Васильичъ, просимъ васъ покорнѣйше, сосните хоть немножко, право слово, вамъ легче будетъ!—отвѣчалъ фистулой другой голосъ.

— Легче? Легости мнѣ не надо. Я, значитъ,

гуляю, а ты подлецъ—вотъ весь мой разговоръ съ тобой и кончено!—произнесъ сиплый голосъ и потомъ запѣлъ:

«Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ!»

— Кто тамъ такой?—спросилъ я.

— Охотникъ, батюшка... мужички въ рекруты везутъ сдавать за себя... охотникъ загулялъ,—отвѣчала хозяйка.

— Что же трещитъ тамъ такое?

— Ну, да хмѣленъ ужъ очень, такъ посвязали его... опасаются тоже, чтобы чего не случилось, сюда-то ужъ пріѣхалъ до зелена змѣя пьяный, да и здѣсь еще полштофа выпилъ, ну такъ и опасаются, посвязали.

— Въ такомъ случаѣ, тетка, пусти меня въ избу, здѣсь угарно, да и пьяный,—сказалъ я, вставая.

— Батюшка, да въ избѣ-то тараканы, морозила, морозила, не переводятся, окаянные, да и только.

— Нѣтъ, ничего, я не боюсь таракановъ.

— Ну, какъ изволишь,—отвѣчала старуха и стала провожать меня, бормоча:

— Опасаются тоже, пятьсотъ рублевъ ужъ прогулялъ, пожалуй, еще облопается и пропали денежки.

Изба, куда я вошелъ, была большая и обрядная, стѣны струганныя, печь бѣлая, перегородка отъ нея дощаная, лавки и полицы чисто вымытыя. Въ переднемъ углу подъ образами стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ старикъ, съ бритой бородой, съ двумя сѣдыми клочками волосъ на вискахъ, съ умнымъ выраженіемъ въ лицѣ и, какъ видно, слѣпой. Одѣтъ онъ былъ въ синій, стариннаго покроя, суконный сюртукъ, изъ-подъ котораго виднѣлась манишка съ брыжжами и кашемировый полосатый жилетъ, тоже, должно быть, очень старинный. Весь этотъ ветхій костюмъ его былъ чистъ и сбереженъ наперекоръ, кажется, самому времени. Рядомъ съ нимъ помѣщалась тоже очень опрятная и благообразная старушка, въ худенькомъ, старомъ капорѣ и въ ситцевомъ, ватномъ капотѣ. На первый взглядъ я подумалъ, что это бѣдные дворяне. При входѣ моемъ старушка сейчасъ встала, сказала что-то старику, тотъ приподнялся, и оба поклонились мнѣ.

— Садитесь, пожалуйста, мѣсто будетъ,— сказалъ я.

— Ничего, сударь,—отвѣчала старушка какимъ-то жеманнымъ голосомъ, отодвигая свои скудные пожитки въ мѣшечкѣ.

— Сидите, пожалуйста,—повторилъ я. Старикъ прислушался къ моимъ словамъ и, ощупавъ

съ осторожностью слѣпца лавку, сѣлъ, а потомъ, опершись на свою клюку, уставилъ на меня свои мутные глаза; старушка не садилась и продолжала стоять въ довольно почтительной позѣ. Я догадался, что это не дворяне.

— Куда ѣдете, любезные?—спросилъ я.

— Въ губернскій городъ, милостивый государь,—отвѣчалъ старикъ печальнымъ голосомъ.

— Дѣдушки, батюшка, охотника этого; провожаютъ его... дѣдушки,—подхватила хозяйка, ставившая на столъ самоваръ.

— Дѣды этого молодца?—сказалъ я.

— Дѣды,—отвѣчалъ, глубоко вздохнувъ, старикъ и потупилъ свою сѣдую голову.

— А званья какого?

— Мѣщане, ваше высокородіе.

— Изъ роду мѣщане?

— Никакъ нѣтъ-съ, напредь того были господскіе люди.

— Не въ экомъ бы мѣстѣ внуку Якова Иваныча надо быть,—вмѣшалась хозяйка:—вотъ при немъ, при старичкѣ говорю,—продолжала она,—въ свою пору былъ большой человѣкъ, куражливый. Пріѣдетъ, бывало, на квартиру, такъ знай хозяйка что дѣлать, не подавай вчерашняго кушанья или самоваръ нечищеный.

Старикъ горько улыбнулся.

— Не думали и мы, сударыня, что наше родное дѣтище будетъ такимъ,—проговорила старушка своимъ жеманнымъ и нѣсколько плаксивымъ тономъ.

— Что говорить, мать моя, что говорить!— подхватила хозяйка, тоже плачевнымъ тономъ.

— Остался послѣ дочери моей родной,—продолжала старушка:—словно ненаглядный брильянтъ для насъ. Думали, утѣхой да радостью будетъ въ нашемъ одиночествѣ да старости; обучали какъ дворянскаго сына; отпустили въ Москву по торговой части, къ людямъ, кажется, хорошимъ.

— Что говорить, что говорить, мать моя,— подхватила еще разъ хозяйка.

— Что же онъ, загулялъ тамъ?—спросилъ я.

— Богъ знаетъ, сударь, какъ сказать, хозяева ли обижали, или самъ себя не поберегъ,— отвѣчала старушка.

Старикъ горько улыбнулся и перебилъ жену:

— Онъ еще съ дѣтства себя не берегъ, отъ того что въ баловствѣ родился и выросъ; другіе промышленники по этому же дѣлу, еще въ мальчикахъ живши, въ дома присылаютъ, а нашъ все изъ дому пишетъ да требуетъ: посылали, посылали, наконецъ, сами въ разоренье пришли. А тутъ слышимъ, что по такимъ дѣламъ пошелъ, что, пожалуй, и въ острогъ попадетъ. Стали писать и звать, такъ только черезъ два года явился;

пришелъ нагъ и босъ. Обули, одѣли, думая, что въ нашихъ глазахъ исправленье будетъ, а вмѣсто того, съ первой же недѣли потащилъ все изъ дому въ кабакъ...

Съ каждымъ словомъ въ голосѣ старика слышалось болѣе и болѣе строгости, а на глазахъ старушки навернулись слезы.

— Чьихъ же вы господъ были?—спросилъ я, чтобы прекратить этотъ, видимо, тяжелый для нихъ разговоръ.

— Господъ мы были: госпожи гофъ-интендантши Пасмуровой,—отвѣчалъ слѣпецъ внушительно.

— Гофъ-интендантши Пасмуровой, — повторилъ я, припоминая, что мнѣ еще матушка разсказывала что-то такое о гофъ-интендантшѣ Пасмуровой, какъ о большой по-тогдашнему барынѣ.

— Ваша госпожа была здѣсь довольно знатное и извѣстное лицо?—спросилъ я.

При этомъ вопросѣ лицо старика окончательно просвѣтлѣло.

— Госпожа наша,—началъ онъ, не торопясь и съ удареніемъ,—можетъ, была наипервая особа въ Россіи; только званье имѣла, что женщина была; а что супротивъ ихъ ни одинъ мужчина говорить не могъ. Какъ ими сказано, такъ и быть должно. Умнѣйшаго ума были дама.

— Хорошо, говорятъ, жила, открыто?—спросилъ я.

— По-царски, или какъ бы фельдмаршалшѣ какой подобаетъ. Своей братьи помѣщиковъ круглый годъ неразъѣздная была. Въ домѣ сорокъ комнатъ, и то по годовымъ праздникамъ тѣсно бывало. Словно саранчи налетитъ съ мамками, съ дѣтками, съ няньками, всѣмъ пріемъ былъ,—заключилъ старикъ какимъ-то чехвальнымъ тономъ.

Я понялъ, что передо мной одинъ изъ тѣхъ старыхъ слугъ прежнихъ баръ, которые росли и старѣлись, съ одной стороны, въ модномъ по-тогдашнему тонѣ, а съ другой—подъ палкой...

— Ты вѣрно управителемъ былъ?—спросилъ я.

— Я былъ, сударь,—отвѣчалъ старикъ, зажимая глаза и какъ бы сбираясь съ мыслями:—былъ, по-нашему, по-старинному сказать, главный дворецкій; одно дѣло—вся лакейская прислуга,—а ихъ было человѣкъ двадцать съ музыкантами,—всѣ подъ моей командой были, а паче того сервировка къ столу; покойная госпожа наша не любила, чтобы попросту это было: каждый день парадъ! А другое: зрѣніе онѣ слабое имѣли, и по той причинѣ письма подъ диктовку ихъ писалъ; по дѣламъ тоже въ присутственныхъ мѣстахъ хожденіе имѣлъ, такъ какъ я грамотѣ хорошо обученъ и хоть законовъ доподлинно не знаю, а все съ чиновниками могъ разговаривать, умѣлъ какъ и что сказать. До пятидесяти лѣтъ, сударь,

моей жизни, окромѣ шелковыхъ чулковъ и тонкаго англійскаго сукна фрака, другого платья не нашивалъ. Дай Богъ царство небесное, пользовался милостями госпожи моей!

— Нынче ужъ такихъ господъ нѣтъ,—сказалъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ, да и быть, сударь, не можетъ. Не имѣю чести знать, кто вы такіе, а по слѣпотѣ моей и лица вашего не вижу; такихъ господъ ужъ нѣтъ!—отвѣчалъ старикъ, какъ бы удерживаясь говорить со мною откровенно.

— Я здѣшній помѣщикъ, и мнѣ бы очень хотѣлось поразспросить тебя о старыхъ господахъ.

Старикъ вздохнулъ.

— Девяносто седьмой годъ, сударь, живу на свѣтѣ и большую вижу во всемъ перемѣну: старые господа, такъ надо сказать, противъ нынѣшнихъ орлы передъ воробьями!—проговорилъ онъ, значительно мотнувъ головою.

— Отчего же это?—спросилъ я.

Старикъ въ раздумьѣ развелъ руками.

— Первое дѣло,—началъ онъ,—что всѣ состояніемъ-то какъ-то поразстроились, да и духу ужъ такого не имѣютъ; у нынѣшнихъ господъ какъ-то ужъ совсѣмъ поведенье другое, а прежде жили просто; всего было много: хлѣба, скота, винная сѣдка тоже своя, однѣхъ наливокъ—такъ

бочками заготовлялось, медовъ этихъ, брагъ сладкихъ! Веселились да гуляли; или теперь, бывало, этихъ шутовъ и шутихъ свезутъ всѣхъ вмѣстѣ у кого-нибудь на праздникѣ, да и напустятъ другъ на дружку, тѣ и дерутся, забавляютъ господъ, а нынче дворянство какъ-то и компаніи другъ съ другомъ мало ведутъ, все больше въ книгахъ забаву имѣютъ.

На этомъ мѣстѣ старикъ пріостановился, но потомъ другъ началъ съ одушевленіемъ:— Да и много-ли нынче господъ по усадьбамъ проживаютъ? Развѣ какой старый да хворый, а то всѣ почесть на службѣ состоятъ, а ужъ изъ этакихъ-то большихъ персонъ, такъ и нѣтъ никого. Хошь бы теперь взять: госпожа наша гофъ-интендантша,—продолжалъ онъ почти съ умиленіемъ:—какой она гоноръ по губерніи имѣла: по-старинному намѣстника, а по-нынѣшнему, губернатора новаго назначаютъ, онъ еще въ Петербургѣ, а она ужъ тамъ своимъ знакомымъ министрамъ и сенаторамъ пишетъ, что такъ какъ ѣдетъ къ намъ новый губернаторъ, вы скажите ему, чтобы онъ меня зналъ, и я его знать буду. А какъ теперь дали ей за извѣстіе, что пріѣхалъ, сейчасъ изволитъ кликать меня. Я явлюсь, дѣлаю мой реверансъ. «Слушай, говоритъ, Яковъ Ивановъ!—въ носъ всегда изволили немного выговаривать.—Слушай: пріѣхалъ новый

губернаторъ, возьми ты лучшую тройку, поѣзжай ты въ Кострому, ступай ты къ такому-то золотыхъ дѣлъ мастеру, возьми по моей запискѣ серебряную лохань, отыщи ты, гдѣ хочешь, самолучшихъ мѣрныхъ стерлядей, а еще пріятнѣе того—живаго осетра, явись ты отъ моего имени къ губернатору, объяви о себѣ: что такъ и такъ, госпожа твоя гофъ-интендантша, по слабости своего здоровья, сама пріѣхать не можетъ, но заочно дѣлаетъ ему поздравленіе съ пріѣздомъ и, какъ обывательница здѣшняя, кланяется ему, вмѣсто хлѣба-соли, рыбой въ лохани». Тотъ принимаетъ, мнѣ сейчасъ отличнѣйшее угощеніе дѣлаютъ, госпожѣ нашей изволятъ они писать письмо.

— Дружелюбіе, значитъ, и началось,—замѣтилъ я въ тонъ старику.

— Именно что дружелюбіе, слово ваше справедливое!—подхватилъ онъ.—По той причинѣ, что какъ теперь его превосходительство начальникъ губерніи изволятъ на ревизію поѣхать, такъ и къ намъ въ гости, и наѣзды бывали богатѣющіе: нынѣшніе вотъ губернаторы, какъ видали и слыхали, съ форсомъ тоже ѣздятъ, пріема и уваженія себѣ большого требуютъ; страхъ хоша бы маленькимъ чиновникамъ отъ нихъ великій бываетъ, но, знавши все это по старинѣ, нынѣшніе противъ того ничего не значатъ.

— А прежде что-жъ?—спросилъ я.

Яковъ Ивановъ пригнулъ на нѣкоторое время голову на сторону и началъ:

— Прежде, сударь, бывало, губернаторъ по губерніи ѣхалъ, аки владыко земной: что однихъ чиновниковъ этихъ при особѣ его состояло, что этого дворянства по дорогѣ пристанетъ! Одинъ былъ, не смѣю имени его наименовать, такъ съ супругой еще всегда изволили по губерніи ѣздить, а тѣ, съ позволенія сказать, по женской своей слабости, къ собачкамъ пристрастіе имѣли. Про собачекъ этихъ особый экипажъ шелъ, а для охраненія ихъ нарочный исправникъ ѣхалъ, да какъ-то, по нечаянности, одну собачку и потерялъ, такъ ея превосходительство, губернаторша, не взирая на свой великій санъ, по щекѣ его ударила при всей публикѣ да изъ службы еще за то выгнали,—времена какія были-съ.

— Хорошія были времена, простыя!—замѣтилъ я.

— Просто было-съ,—заключилъ Яковъ Ивановъ, потомъ, подумавъ, продолжалъ:—бывало, сударь, вся эта компанія наѣдетъ къ намъ, сутки трои, четыре, недѣлю гостятъ, и теперь какую бы губернаторъ въ домѣ вещь ни похвалилъ: часы ли, картину ли, мису ли серебряную, я ужъ заранѣе такой приказъ имѣю, что какъ вечеръ, такъ и несу къ нимъ въ опочивальню, докладываю, что

госпожѣ нашей очень пріятно, что такая-то вещь имъ понравилась, и просятъ принять ее.

— Неужели же старуха все это изъ чехвальства дѣлала?—спросилъ я.

— Чехвальство чехвальствомъ, — отвѣчалъ Яковъ Ивановъ:—конечно, и самолюбіе онѣ большое имѣли, но паче того и выгоды свои изъ того извлекали: примѣрно такъ доложить, по губернскому правленію имѣнье теперь въ продажу идетъ, и госпожа наша хоть бы по дружественному расположенію начальниковъ губерніи на какое только окомъ своимъ взглянутъ, то и будетъ наше. Коли хоша я, повѣренный госпожи Пасмуровой, никто ужъ изъ покупателей не сунется, всякъ знаетъ, что начальникъ губерніи того не желаетъ. Поблагодаришь кого и чѣмъ слѣдуетъ; а за имѣнье что дали, то и ладно. Бѣлогривское имѣнье намъ, сударь, этакъ попало по сто двадцати рублей въ тѣ времена, а я пріѣхалъ принимать вотчину, да по двѣсти рублей съ мужиковъ старой недоимки собралъ, и извольте считать: во что оно намъ пришло!

Яковъ Ивановъ потупился и вздохнулъ.

— Старикъ, вѣдь это грѣхъ, вѣдь это то же воровство!—воскликнулъ я.

— Грѣхъ, сударь; въ нищенствѣ и слѣпотѣ моей все теперь вижу и чувствую. Въ заповѣди Господней сказано: не пожелай дома ближняго

твоего, ни села его, ни раба его, а старушка наша имѣла къ тому зависть, хотя и то надобно сказать, всѣ—люди, всѣ человѣки не безъ слабости.

На послѣднія слова онъ сдѣлалъ болѣе сильное удареніе.

— Выгодчики были съ барышей-то своей, еще какіе!—вмѣшалась возившаяся около печки Грачиха.—Про имѣнье разсказываешь; нѣтъ, ты лучше разскажи, какъ вы дворянина за свою вотчину въ рекруты отдали,—продолжала она, выходя изъ-за перегородки и вставая подъ полати, при чемъ взялась одной рукой за брусъ, а другою уперлась въ жирный бокъ свой.

Яковъ Ивановъ немного нахмурился.

— Какъ дворянина?—спросилъ я.

— А и сдали,—отвѣчала Грачиха;—не любила, сударь, ихъ госпожа генеральша мужиковъ своихъ подъ красную шапку отдавать, всѣ ей были нужны да надобны, такъ дворянинъ на ту пору небогатенькой прилучился: дурашной этакой съ роду, маленькаго что ли изурочили, головища большая, плоская была, а разума очень мало имѣлъ: ни счету, ни дней, ничего не зналъ. Ну, а дворянствомъ своимъ занимался тоже, разумѣлъ это. Вотъ соколики эти и подъѣхали къ нему и стали его уговаривать: «ты, говорятъ, баринъ, а живешь по работникамъ у мужиковъ,

лучше бы въ службу шелъ. Теперь, говоритъ, ты грамотѣ не поученъ и тебя по дворянскому роду не примутъ, а ступай за нашу вотчину, а послѣ и объявишь объ себѣ, тебя какъ дворянина и поведутъ». Тотъ сдуру-то, родныхъ тоже никого не было, чтобы разговорить, да посовѣтовать, а они его винищемъ поили да пряниками кормили, сдуру и согласился. Привели баринка въ присутствіе, объявили за простого мужика, крикнули: лобъ! надѣли лямку, и ступай, значитъ, маршъ заодно съ рекрутами. Года черезъ три али четыре, тотъ и заявляетъ своему начальнику: «я, говоритъ, дворянинъ».—«Какой, говоритъ, ты дворянинъ...», попугалъ его маленько, а онъ все свое: дворянинъ да и только; и пошелъ къ начальтсву выше, объявляетъ то же. Тѣ смотрятъ по бумагамъ—видятъ—мужикъ, отрапортовали его ужъ какъ надо. Сердечный баринокъ нашъ видитъ, что какъ о дворянствѣ объявитъ, хлещутъ, взялъ да и отступился, оттрубилъ за ихъ вотчину тридцать пять годковъ. Докуменщики какіе были. Може за эти выдумки родной кровью своей теперь и платится!—заключила Грачиха вполголоса, указавъ глазами на Якова Иванова, который, въ свою очередь, весь ея разсказъ слушалъ, потупивъ голову и ни слова не возражая. Я постарался опять перемѣнить разговоръ и спросилъ старика:

— Кому-жъ имѣнье госпожи вашей досталось? Я видѣлъ, усадьба какая-то разоренная, запущенная, домъ развалился..

— Въ опекѣ, сударь, наше имѣнье состоитъ,— отвѣчалъ онъ, видимо довольный этимъ переходомъ.—Ну, и опекуны тоже люди чужіе: либо заняться ничѣмъ не хотятъ, либо себѣ въ карманъ тащатъ, не то, что ужъ до хозяйства что касается, а оброшниковъ и тѣхъ въ порядкѣ не держатъ: пьяницы да мотуны, живутъ безъ страха, а которые дома побогатѣе были, къ тѣмъ прижимы частые: то сына, говорятъ, въ рекруты отдадимъ, то самого во дворъ возьмемъ.

— И откупайся, значитъ, мужичокъ. Прежде-то ужъ вы больно много денегъ нажили,—подхватила Грачиха.

Яковъ Ивановъ не обратилъ никакого вниманія на ея слова и продолжалъ:

— Противъ чиновниковъ тоже вотчина никакой заступы не имѣетъ. Прежде, бывало, при покойной госпожѣ, дворовые наши ребята ужъ точно что народъ буйный... храмового праздника не проходило, чтобы буйства не сдѣлали, цѣлые базары разбивали, и тутъ начальство, понимаючи, чьи и какой госпожи эти люди, больше словомъ что упросятъ, то и есть; а нынче, небольшой бы, кажется, человѣкъ, нашъ становой приставъ, командуетъ, наказуетъ у насъ по деревнямъ, все

изъ интересу этого поганаго, къ которому, кажется, такое пристрастіе имѣетъ, что тотъ самый день считаетъ въ жизни своей потеряннымъ, въ который выгоды не имѣлъ по службѣ. Я, какъ-то разъ, встрѣтивши его въ городѣ, говорю: «за что и за какія вины, говорю, сударь, вы такъ ужъ очень вотчину покойной госпожи моей обижаете?» «Ахъ, говоритъ, старецъ почтенный, гдѣ нынче намъ, земской полиціи, стало поначальствовать, какъ не въ опекунскихъ имѣніяхъ; времена пошли строгія: за дѣла брать нельзя, а что безъ дѣла сорвешь, то и поживешь», смѣется-съ!

— Тою и стоите; на крапиву надоѣнъ и морозъ, а то бы она долго жглась,—проговорила, подмигнувъ глазомъ, Грачиха.

— На какомъ же основаніи имѣнье ваше въ опекѣ, за долги что ли?—спросилъ я.

— Малолѣтнихъ, сударь, теперь наше имѣніе. За малолѣтними, за правнуками госпожи нашей числится оно,—отвѣчалъ Яковъ Ивановъ.

— А сыновья и внучата гдѣ же?

— Сынъ ихъ единородный,—началъ старикъ съ грустною, но внушительною важностью:—единая ихъ утѣха и радость въ жизни, паче всего тѣмъ, что, бывши еще въ молодыхъ и цвѣтущихъ лѣтахъ, а уже въ большихъ чинахъ состояли, и службу свою продолжали больше въ

иностранныхъ земляхъ, гдѣ, надо полагать, лишившись тѣмъ временемъ супруги своей, потеряли первоначально свой разсудокъ, а тутъ и жизнь свою кончили, оставивши на рукахъ нашей старушки свою дочь, а ихъ внучку; но и той Господь Богъ, по волѣ своей, не далъ долгаго вѣку.

Съ каждымъ словомъ старика, я видѣлъ, что лицо Грачихи больше и больше принимало насмѣшливое выраженіе.

— Эхъ, полно, полно, Яковъ Иванычъ, не ты бы говорилъ, не я бы слушала!—воскликнула она, махнувъ рукою.

У слѣпца какъ-будто бы уши поднялись при этомъ восклицаніи.

— Что-жъ вамъ такъ слова мои не по нраву пришли?—проговорилъ онъ.

— А то не по нраву, что не люблю, коли говорятъ неправду,—отвѣчала Грачиха:—не отъ Бога ваши молодые господа померли; про сынка, пускай ужъ, не знаемъ, въ Питерѣ дѣло было, хоть тоже слыхали, что изъ-за денегъ все вышло: онъ думалъ такъ, что маменька богата, не пожалѣетъ для него, взялъ да казеннымъ денежкамъ глаза и протеръ, а выкупу за него не сдѣлали. За неволю съ ума спятишь, може не своей смертью и померъ, а принялъ что-нибудь,—слыхали тоже и знаемъ!

— Вотъ вы что знаете, чего и мы не знаемъ,— возразилъ Яковъ Ивановъ.

— Шалишь, дѣдушка, знаешь и ты, только не сказываешь. А что про вашу барышню, такъ уже старая ваша барыня во гробъ ее гнала, подсылы дѣлала, да съ мужемъ ссорила и разводила, пошто вотъ вышла не за такого, за какого я хотѣла; а чѣмъ баринъ былъ худъ? Изъ себя красивый, въ рѣчахъ складный, какъ быть служащій.

Яковъ Ивановъ насильно улыбнулся.

— По вашему, сударыня, женскому разсудку, можетъ быть, и такъ,—произнесъ онъ съ полупрезрительной миной:—а что какъ мы понимаемъ, такъ этотъ господинъ былъ нашей барышнѣ не пара.

— Знаемъ, сударь, Яковъ Иванычъ,—перебила Грачиха:—понимаемъ, батюшка, что вы со старой госпожей вашей мнѣніемъ своимъ никого себѣ равнаго не находили. Фу ты, ну ты, на, смотри! руки въ боки, глаза въ потолоки, себя носили, а какъ по другому тоже посудить, такъ все ваше чванство въ богатствѣ было, а деньги, любезный, дѣло нажитое и прожитое: ты вотъ былъ больно богатъ, а сталъ бѣденъ, дочку за купца выдавалъ было, а внукъ подъ красну шапку поспѣлъ.

При этомъ намекѣ все молчавшая до того

старушка, жена Якова Иванова, вспыхнула и проговорила:

— И вамъ, сударыня, не сказано, какъ вѣкъ проживете: теперь вотъ при состояніи, а можетъ тоже не лучше насъ дойдете.

— Да что мнѣ знать-то? Знать мнѣ, матушка, Алена Игнатьевна, нечего: коли по міру идти—пойду, мнѣ ничего! Э, не такая моя голова, завивай горе веревочкой: лапотницей была, лапотницей и стала! А ужъ кто, любезная, изъ салоповъ и бархатовъ надѣлъ поневу, такъ ужъ нѣтъ, извини: тому тошно, ахъ, какъ тошно!—отрѣзала Грачиха и ушла изъ избы, хлопнувъ дверью.

Алена Игнатьевна еще болѣе покраснѣла; старый дворецкій продолжалъ насильно улыбаться. Мнѣ сдѣлалось его жаль; понятно, что плутовка Грачиха въ прежнія времена не стала бы и не посмѣла такъ съ нимъ разговаривать. Нѣсколько времени мы молчали; но тутъ я вспомнилъ тоже разсказы матушки о томъ, что у старухи Пасмуровой было какое-то романическое приключеніе, что внучка ея влюбилась въ молодого человѣка и бѣжала съ нимъ ночью. Интересуясь узнать подробности, я началъ издалека.

— Что эта дура Грачиха вретъ, что барыня ваша заѣла внучкинъ вѣкъ!—сказалъ я, будто къ слову.

— На вѣтеръ лаять все можно,—отвѣчалъ

Яковъ Ивановъ:—а коли человѣкъ въ разсудкѣ, такъ онъ никогда сказать того не можетъ, чтобъ госпожа наша внучки своей не любила всѣмъ сердцемъ; только, конечно, что по своей привязанности къ нимъ ожидали, что какой-нибудь принцъ или графъ будетъ имъ супругомъ, и сколь много у нашей барышни ни было жениховъ по губерніи, всѣмъ генеральша одно отвѣчала: «ищите себѣ другой невѣсты, а Оленька моя вамъ не пара: если быть ей въ замужествѣ, такъ быть за придворнымъ». И было бы такъ: невѣста наша была не заурядная, хоть бы насчетъ состоянія, полторы тысячи душъ впереди, сама ученая по-французски, по-нѣмецки, изъ себя красавица.

— Красоты, кажется, была такой,—вмѣшалась Алена Игнатьевна:—что рѣдкостно на картинахъ такихъ красавицъ изображаютъ. Пріѣхала тогда изъ ученья изъ Петербурга къ бабенькѣ: молоденькая, розовая, румяная, платья тогда, по-старинному сказать, носили безъ юбокъ, перетянутая, волосы уберутъ, причешутъ,—братецъ мой родной, парикмахеръ былъ нарочно для того выписанъ изъ Петербурга; заглядѣнье для насъ, рабынь, было: словно солнце выйдетъ поутру изъ своихъ комнатъ.

— За кого же она вышла?—спросилъ я.

Яковъ Ивановъ при этомъ вопросѣ только покачалъ головой.

— Сосѣдка тутъ была около насъ, бѣдная дворянка,—отвѣчалъ онъ:—такъ за сына ея изволила выйти, молодого офицера, всего еще въ прапорщичьемъ чинѣ, и такъ какъ крестникомъ нашей старой госпожѣ приходился, пріѣхалъ тогда въ отпускъ, является: «маменька да маменька крестная, не оставьте вашими милостями, позвольте бывать у васъ». Ну, и генеральша наша принимала, разумѣя такъ, что еще мальчикъ. «Поди, Ѳеденька, подай моську, позови Якова, вели давать чай»... почесть, что держала на посылкахъ, а онъ вообразилъ себѣ другое. Барышнѣ нашей, по молодости ея лѣтъ, также приглянулся. . дѣвица была еще неспытная, хотя въ богатствѣ родилась и выросла, а людей тоже мало видала.

— Какъ же у нихъ все это шло, хотѣлось бы мнѣ знать,—сказалъ я.

— Вначалѣ я и не знаю хорошенько, безъ меня это было, въ Петербургѣ тогда цѣлый годъ по дѣламъ госпожи хлопоталъ,—отвѣчалъ Яковъ Ивановъ.—Вонъ она вамъ лучше разскажетъ, на ея глазахъ все это происходило,—прибавилъ онъ, указавъ головой на жену.

— Какъ же это, Алена Игнатьевна, а?—обратился я къ старушкѣ.

Она потупила жеманно голову и начала:

— Дѣло, сударь, происходило: ѣздилъ да

ѣздилъ къ намъ молодой баринъ Ѳедоръ Гаврилычъ, и сердце сердцу вѣсть подаетъ—не то, что въ барскомъ родѣ, а и въ нашемъ холопскомъ. Барышня наша, такъ доложить, на фортепьянахъ была большая музыкантша, а Ѳедоръ Гаврилычъ на флейтѣ играли, ну и стали тѣшить себя, играли вмѣстѣ, старушка даже часто приказывала: «подите, дѣти, побрянчите что-нибудь», или когда вечеромъ музыкантамъ прикажутъ играть, а ихъ заставитъ танцовать разныя мазурки и лекосезы, а не то въ карты займутся, либо книжку промежъ собой читаютъ. Садъ былъ тоже у насъ большой, аллеи темныя, въ другую солнце круглый день не заглянетъ; бабинька послѣ обѣда лягутъ почивать, а они по аллеямъ этимъ пойдутъ гулять съ глазу на глазъ, очень было замѣтно даже для насъ, для прислуги,—всѣ почесть видѣли и знали.

— Если бы я тѣмъ временемъ дома былъ, дѣло бы не пошло такъ далеко; я на первыхъ бы порахъ доложилъ госпожѣ,—перебилъ Яковъ Ивановъ.

— Докладывать госпожѣ, Яковъ Иванычъ, какъ бы еще изволили онѣ принять; сами знаете, не любили, чтобъ ихъ учили, а больше того и барышню за ихъ ангельскую доброту и кротость жалѣли,—возразила вполголоса Алена Игнатьевна и снова потупила свои мягкіе и добрые глаза.

— Какимъ же образомъ открылось?—спросилъ я.

— Черезъ маменьку Ѳедора Гавриловича, Аграфену Григорьевну,—продолжала Алена Игнатьевна,—люди ихъ тоже послѣ разсказывали, такъ какъ стала она говорить сыну: «пріѣхалъ ты черезъ кои вѣки къ матери на побывку, а все свое время проводишь у Катерины Евграфовны»; а онъ ей на это говоритъ: «маменька, говоритъ, я долженъ вамъ сказать, что мнѣ очень нравится Ольга Николаевна, а также и я имъ». Аграфена Григорьевна очень тому обрадовалась.

— Еще бы,—замѣтилъ съ насмѣшкою Яковъ Ивановъ:—по пословицѣ: залетѣли вороны въ большія хоромы! Только бы прежде надо было подумать, что такое они значатъ и что значитъ наша барышня.

— Свое дѣтище, Яковъ Иванычъ, до кого ни доведись, всякому дорого и мило,—скромно и съ почтеніемъ возразила Алена Игнатьевна и потомъ снова обратилась ко мнѣ.—Думавши, можетъ быть, такъ что госпожа наша Ѳедора Гавриловича изволятъ ласкать и принимать, они и понадѣялись.

Старый дворецкій, какъ бы не утерпѣвшій съ досады, опять перебилъ жену.

— Деревня, деревня и есть: барыня эта Аграфена Григорьевна только что изъ дворян-

ского рода шла а женщина была самаго деревенскаго бабьяго разсудку.

— Что-жъ, они сватались?—спросилъ я.

— Какъ же съ,—отвѣчалъ Яковъ Ивановъ, и лицо его окончательно приняло какое-то озлобленное выраженіе.—Въ самый, кажется, лѣтній Николинъ день пріѣхала къ намъ эта Аграфена Григорьевна и что-то ужъ очень нарядная. Генеральша наша и смѣется ей: «что это, мать моя, какъ расфрантилась?» Она поцѣловала у нея ручку и говоритъ: «какъ же, говоритъ, ваше превосходительство, мнѣ въ этакой домъ ѣхать не нарядной». Сѣвши послѣ этихъ словъ, по приглашенію нашей госпожи, въ кресла, заводитъ разговоръ о сынѣ своемъ. «Очень, говоритъ, Катерина Евграфовна, вамъ благодарна, что вы моего Ѳеденьку изволите такъ принимать». «Отчего, говоритъ на это госпожа наша, мнѣ его не принимать: чѣмъ у тебя тамъ по глупымъ вашимъ посѣдкамъ по избамъ бѣгать, пускай лучше у меня бываетъ, по крайней мѣрѣ насчетъ обращенія чѣмъ-нибудь заняться можетъ, а онъ мальчикъ неглупый и кажется добрый». Похвалила, знаете, больше изъ жалости, а это еще больше придало гонору этой госпожѣ Аграфенѣ Григорьевнѣ. «Да, говоритъ, матушка Катерина Евграфовна, должна я, грѣшница, благодарить Бога: хотя въ супружествѣ большого счастія не

имѣла (потому что, съ позволенія доложить, покойный мужъ ея, занимаясь самъ хмелемъ, черезъ два дни въ третій билъ ее за ея глупость). Весь свой вѣкъ изжила въ горестяхъ и недостаткахъ (простѣе того сказать, на постныхъ щахъ круглый годъ); но за то, говоритъ, за все это въ сынѣ моемъ имѣю теперь утѣшеніе. Службу свою, по желанію моему, онъ оставляетъ и будетъ жить при мнѣ, и теперь бы такое съ нимъ наше намѣреніе, чтобы онъ женился». Госпожа наша только плечами пожала, и такъ какъ просто и строго съ этакими маленькими и необразованными дворянами изволила обращаться, прямо ей и говоритъ, «что ты, глупая Ѳефела, вздумала? Малый безъ году недѣля изъ яйца вылупился, а она ужъ изъ службы его взяла и женить хочетъ. Да развѣ нищихъ разводить и безъ васъ мало? И кто теперь, какая дура за него пойдетъ?» Ну, кабы эта безразсудная барыня Аграфена Григорьевна имѣла хоть сколько-нибудь разуму, ей бы и замолчать, а она стала продолжать разговоръ и ужъ прямо: «матушка, говоритъ, Катерина Евграфовна, дѣло ужъ сдѣлано и теперь бы для насъ было большое счастіе, если бы Ѳеденька мой удостоился получить руку вашей Ольги Николавны». Старушка наша, по своему великодушію, и тутъ стерпѣла и только уставила на нее свои очки, покачала головой и тихо сказала:

— Вонъ изъ моего дома!..

«Ахъ, ты, говоритъ, дурища набитая, понимаешь ли ты, что ты говоришь? Твоему отродью жениться на моей Оленькѣ? Да какъ вы осмѣлились такія мысли имѣть!» По глупому человѣку, видно, хоть колъ на головѣ теши, ему все равно. Аграф на Григорьевна и этого ничего не поняла и все продолжаетъ свое.

«Матушка, говоритъ, Катерина Евграфовна, какъ намъ этакихъ мыслей не имѣть, когда ваша Ольга Николавна дали ужъ Ѳеденькѣ слово, а если, говоритъ, насчетъ состоянія, такъ онъ не нищій, у него послѣ моей смерти будетъ двадцать душъ».—Удивить и плѣнить чѣмъ госпожу нашу думала! Я тогда чай подавалъ и только обмеръ, видѣвши, что у нашей и пѣнка ужъ на губахъ выступила. Господи, что только будетъ, думаю; но онѣ и тутъ себя сдержали, стукнули своей клюкой и только крикнули: «вонъ изъ моего дома!» Сваха, какъ сидѣла, такъ и вскочила, накинула себѣ на голову свою шаль и почесть, что безъ салопу уѣхала; мы, лакеи, ужъ и не провожали, и этого почету даже не отдали.

Проговоривъ это, старикъ утомился и замолчалъ; и только, по выраженію его лица, можно было догадаться о волновавшей его глубокой досадѣ на то, что все шло и дѣлалось не такъ, какъ разсчитывали и желали госпожа его и онъ.

— Вотъ, я думаю, гроза-то разразилась надъ

бѣдной вашей барышней?—сказалъ я, обращаясь болѣе къ Аленѣ Игнатьевнѣ.

— Не безъ того, сударь,—отвѣчала она, взглянувъ на мужа и какъ бы желая угадать, нравятся ли ему ея слова.

— Сами мы не слыхали,—продолжала Алена Игнатьевна вполголоса:—а болтали тоже послѣ, что Ольга Николаевна прямо бабинькѣ сказали, что ни за кого, кромѣ Ѳедора Гаврилыча, не пойдутъ замужъ, что будто бы, не знаю, правда или нѣтъ, старушка, такъ очень разсердившись, ударила ихъ по щекѣ.—Послѣднія слова Алена Игнатьевна произнесла ужъ почти шопотомъ и потомъ снова начала прежнимъ голосомъ:

— Пришедши послѣ того въ гостиную, смотримъ, Катерина Евграфовна ушла въ свою моленную, а барышня лежитъ середь полу безъ всякихъ чувствъ. Словно мертвую, отнесли мы ихъ въ мезонинъ, а отъ Катерины Евграфовны слышимъ такой приказъ, чтобы и ходить за ними никто не смѣлъ; но, видѣвши ихъ въ такомъ положеніи, я осталась при нихъ, стала имъ голову уксусомъ примачивать. Поопамятывались, узнали меня. «Гдѣ я, говоритъ, Аленушка, и что со мной было?» Я имъ докладываю. «Ахъ, говоритъ, Аленушка, зачѣмъ я, несчастная, ожила опять на бѣлый свѣтъ», а сами всплеснули ручками, да такъ и залились слезами. Я стою у

нихъ въ ножкахъ у кровати и что вѣдь мы, сударь, рабы дуры, какіе наши разговоры могуть быть... сказки мои Ольга Николавна любили слушать! «Не прикажете ли, говорю, сударыня, сказочку вамъ разсказать?» Онѣ сначала разсмѣхнулись и только головкой помотали, а потомъ опять заплакали. Чѣмъ ихъ утѣшать да уговаривать— и сама не знаю—взяла да Ѳедора Гаврилыча и похвалила, что уменъ и хорошъ онъ очень, такъ не повѣрите, сударь, словно барышня моя ожила, дыханье даже перевести хорошенько не могутъ. «Нравится, говоритъ, онъ тебѣ, Аленушка?»—«Нравится, говорю, сударыня, и вся наша прислуга ихъ любитъ и хвалитъ». «Вотъ, видишь, говоритъ, вы—служанки, а хвалите его, а бабушка такъ нѣтъ... видно, она, говоритъ, не хочетъ моего счастія, а хочетъ уложить меня въ могилу. Богъ съ ней».—«Полноте, говорю, сударыня, какъ это можетъ быть: бабинька васъ любитъ и такъ только, можетъ быть, на первыхъ порахъ изволили разгнѣваться, а послѣ сердце ихъ отойдетъ. Коли, говорю, Ѳедоръ Гаврилычъ вамъ милъ, что-жъ ей тому препятствовать».—«Ахъ, нѣтъ, говоритъ, Аленушка, онъ бѣдный и незнатный, а бабушка моя гордая».

— Что же ваша старая барыня?—спросилъ я.

— Старушка съ виду ничего не показывали: скрытны чрезвычайно были-съ!—отвѣчала Алена

Игнатьевна.—Барышня пролежали въ постели цѣлый день, на другой день тоже: пищи никакой не принимаютъ, что ни на есть чашка чаю, такъ и той въ день не выкушаютъ, сами изъ себя худѣютъ, блѣднѣютъ, а бабинька хоть бы спросили, точно ихъ совсѣмъ и на свѣтѣ не бывало; потому только и примѣтно, что сердце ихнее болѣло, что еще, кажется, больше прежняго строги стали къ намъ, прислугѣ. Старая дѣвица за ними ходила, любимица ихняя; бывало, всѣхъ насъ, дѣвушекъ, кличкой кликали, а ту всегда по имени и отечеству называли: и на ту изволили за что-то разгнѣваться и сослали со своихъ глазъ въ скотную; приказчику тоже—что-то неладно на докладѣ доложилъ, того изъ своихъ рукъ изволили клюкой поучить. Мы ужъ, горничныя дѣвушки, не знаемъ какъ и ступить, того и ждемъ, что надъ кѣмъ-нибудь гнѣвъ сорвутъ.

— Все бы это ничего, ничего бы дальше этого не пошло, если бы не эта мерзкая дѣвчонка, фрелина нашей барышни: отъ ней весь сыръ боръ потомъ и загорѣлся,—перебилъ рѣзкимъ тономъ Яковъ Ивановъ.

Въ старческомъ дрожащемъ его голосѣ такъ и слышалась накипѣвшая желчь.

— Что-жъ тутъ горничная сдѣлала?—спросилъ я.

— Передатчицей стала,—отвѣчалъ Яковъ Ива-

новъ прежнимъ тономъ:—записки стала переносить туда и оттуда къ барышнѣ — вѣтреная, безнравственная была дѣвчонка, и теперь, сударь, сердце кровью обливается, какъ подумаешь, что барышня наша была передъ тѣмъ, истинно сказать, почтительной и послушной внукой, какъ слѣдуетъ истинной христіанкѣ, а тутъ что изъ нея вдругъ стало: сама къ бабинькѣ не является, а пишетъ письмо, что либо бѣгутъ съ своимъ нареченнымъ женихомъ, либо руки на себя наложатъ. Каково было старушкѣ читать эти строки! Конечно, что онѣ и тутъ своего геройскаго духа не потеряли. При мнѣ это было, стукнули своей табакеркой золотой по столу: «такъ не бывать же, говорятъ, ни тому, ни другому», а надобно спросить, что чувствовала ихъ душа, зная, что онѣ дѣлали, и видя, чѣмъ имъ за это платятъ. Ваше высокоблагородіе, сами, можетъ быть, имѣете дѣтей и можете понять, сколь легка была для ихъ родительскаго сердца неблагодарность за всѣ объ нихъ попеченія! Можетъ быть, до сей поры кости нашей госпожи и благодѣтельницы содрогаются въ могилѣ отъ этого!

Старикъ произнесъ послѣднія слова эти съ какой-то драматическою торжественностью и снова поникнулъ головою, но губы его шевелились и, какъ мнѣ казалось, онъ шепталъ молитву за упокой души его благодѣтельницы. Я, между тѣмъ,

смотрѣлъ внимательно на Алену Игнатьевну. Лицо у нея горѣло, и она сидѣла, потупивъ свои добрые глаза. Я видѣлъ, что нравственное участіе ея было на сторонѣ барышни Ольги Николаевны, и она не смѣла только возражать мужу, но, кажется, думала иначе, какъ онъ думаетъ. А между тѣмъ, вспомнилось мнѣ, у этихъ стариковъ на плечахъ ихъ собственный внукъ, пропившійся и продавшійся въ солдаты; но они объ немъ какъ будто бы и забыли, какъ забываютъ на минуту старую и давно терзающую болѣзнь. При этой мысли мнѣ сдѣлалось какъ-то совѣстно разспрашивать ихъ о господахъ, и бесѣда наша вѣроятно бы прекратилась, но спасибо Грачихѣ: какъ и когда она вернулась въ избу, я не видѣлъ, только вдругъ опять явилась изъ-за перегородки и съ лицомъ, еще болѣе покраснѣвшимъ.

— Подъ карауломъ барышню держали, словно арестантку какую,—начала она съ какой-то цинической усмѣшкой:—три старухи были приставлены въ надсмотрщицы, чтобы, коли одна спитъ али дремлетъ, такъ чтобъ другая стерегла; на молодыхъ ужъ не надѣялись: горничную дѣвушку ея на поселенье присудили было сослать.—При послѣднихъ словахъ Грачиха кивкомъ головы указала на Якова Иванова.—Да та тоже не глупа дѣвка, хвостъ имъ показала, черезъ двадцать лѣтъ ужъ послѣ въ скитахъ нашли. Не мало

страму было на весь околотокъ, и сколь, кажется, ни скрытно дѣлали, а тоже всѣ знали и всѣ молодую барышню и Ѳедора Гаврилыча жалѣли.

— Всѣ жалѣли,—подтвердила шопотомъ Алена Игнатьевна, вздохнувъ и поднявъ глаза кверху.

— Какъ, мать, не жалѣть-то!—подхватила Грачиха:—хоть бы нашъ баринъ Михайло Максимычъ любилъ Ѳедора Гаврилыча: какъ въ городъ ѣхать, все ужъ вмѣстѣ, и у покойнаго тятеньки кажиный разъ приставали. Я еще молода-молодехонька была, а тоже помню: покойный Михайло Максимычъ разъ и говоритъ: «Катюшка, говоритъ, научи насъ, какъ намъ изъ Богородскаго барышню украсть?»—«А я, говорю, почемъ знаю».—«Али, говоритъ, дура, тебя не воровывали, а ты все своей волей ходишь?»—«Все, говорю, своей волей хожу»; такъ оба и покатились со смѣху. Врунья я смолоду была, а, пожалуй, и теперь такая.

— И теперь такая,—подтвердилъ я:—впрочемъ, ты про себя не разсказывай, а говори, какъ барышню украли, если знаешь.

— Знаю, все знаю, не такой человѣкъ Грачиха, чтобъ она чего не знала,—отвѣчала толстуха, ударивъ себя рукой по жирной груди.

— Украли!—продолжала она, встряхнувъ головой и приподнявъ брови.—Хитрое было дѣло

экимъ господамъ украсть. Старикъ правду говорилъ, что прежніе баре были соколы. Какъ бы теперь этакъ они на фатеру пріѣхали, не стали бы стариковскія сказки слушать, а прямо—нѣтъ ли гдѣ бесѣды, молодыхъ бабенокъ да дѣвушекъ оглядывать. Барину нашему еще бы не украсть, важное дѣло... Какъ сказалъ онъ: «другъ Ѳеденька! надѣйся на меня, я тебѣ жену украду и перваго сына у тебя окрещу!» какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

— Сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ. Семь крестовъ носилъ онъ за свое молодечество... въ полку дали! Тройка лошадей у него была отличнѣйшая, курьеркой такъ и звалась... «моя, говоритъ, курьерка изъ воды сухого, изъ огня непаленнаго вынесетъ»—и вынашивала! Кучеренко, Мишутка былъ тогда, на семь верстъ свисталъ, слышно было. Подъѣхали къ Богородскому ночнымъ временемъ, а метелица, вьюга поднялась, такъ вьетъ и вьетъ, какъ въ котлѣ кипитъ. Мишутка самъ послѣ разсказывалъ: свистъ разъ... другой, нѣтъ толку—вѣтромъ относитъ. Свѣчка, глядитъ, горитъ еще въ мезонинѣ: а уговоръ такой съ барышней былъ, что какъ свѣчка погаснетъ, значитъ, она на крыльцо вышла. Баринъ нашъ, какъ шаркнетъ его по шиворотку. «Свисти, говоритъ, каналья, по-настоящему, по-разбойничьи!» Мишутка какъ

вереснетъ, только грачи въ рощѣ съ гнѣздъ поднялись и закаркали. Глядь, свѣчка потухла: Ѳедоръ Гаврилычъ сейчасъ изъ пошевней вонъ, суметомъ черезъ садъ на красный дворъ и въ сѣни. Глядитъ, барышня выскочила въ одномъ капотчикѣ. «Ахъ, говоритъ, душечка, Оленька, какъ это вы безъ теплаго платья!» Сейчасъ долой съ своихъ плечъ свою медвѣжью шубу, завернулъ въ нее свою миленькую съ ручками и съ ножками, поднялъ, какъ малаго ребенка, на руки и въ пошевни. «Пошелъ!» говорятъ. Мишутка тронулъ было сразу, коренная хватила, трахъ, обѣ завертки пополамъ. «Батюшка баринъ, говоритъ, завертки выдали!» Баринъ нашъ только вскочилъ на ноги, выхватилъ у него вожжи да какъ крикнетъ: «курьерка, грабятъ!» и каковы только эти лошади были: услыхавъ его голосъ, двѣ выносныя три версты цѣликомъ по суметы несли, а тамъ ужъ, смотрятъ, народъ изъ усадьбы высыпалъ верхами и съ кольями, не тутъ-то было: баре наши въ первый приходъ въ церковь и повѣнчанье сдѣлали: здравствуйте, значитъ, честь имѣемъ васъ поздравить.

— Славно, старуха, разсказала! — воскликнулъ я.

— Э!—воскликнула въ свою очередь Грачиха:— ты разбери-ка еще эту старуху; меня всѣ баре любятъ, ей Богу.

— Постой, погоди,—перебилъ я:—священникъ, значитъ, былъ уже подговоренъ.

— Не знаю, чего не знаю, такъ не скажу, не знаю,—отвѣчала Грачиха.

— Какое, сударь, подговоренъ,—началъ Яковъ Ивановъ, какъ бы погруженный, повидимому, въ свои размышленія, но, кажется, не пропустившій ни слова нашего разговора.—Знавши нашу госпожу,—продолжалъ онъ,—кто бы изъ духовенства рѣшился на это. Просто силой взяли. Баринъ ихній, Михайло Максимычъ, буянъ и самодуръ былъ извѣстный.

— Буянъ не буянъ, а вашей барынѣ, сколь ни обидчица она была, не уступалъ, извините насъ на томъ. Тягаться тоже съ нимъ за Полянскіе луга вздумала, много взяла! Шалишь-мамонишь, на грѣхъ наводишь! Ничего, говоритъ, ваша взяла, только смотрите, чтобы послѣ рыло не было въ крови...

— Кому-нибудь одному ужъ, сударыня, рѣчь вести, либо вамъ, либо мнѣ,—возразилъ съ чувствомъ собственнаго достоинства старикъ.

— Перестань, Грачиха,—прикрикнулъ я;—разсказывай, Яковъ Иванычъ.

— Что, сударь, разсказывать,—продолжалъ онъ,—не вѣнчанье, а грѣхъ только былъ. Село Вознесенское, можетъ быть, и вы изволите знать, какъ тамъ это происходило; вбѣжалъ этотъ ба-

ринъ Михайло Максимычъ къ священнику. Отецъ Александръ тогда былъ, Крестовоздвиженской прозывался, священникъ изъ простыхъ, ненаучный, а жизни хорошей и смирной. Молебенъ, батюшка, говоритъ, желаю отслужить, выѣзжаю сейчасъ въ Петербургъ, такъ сдѣлайте милость, пожалуйте въ Божій храмъ. Священникъ, никакого подозрѣнія не имѣвшій, идетъ и видитъ, что церковь отперта, у клироса стоитъ какая-то дама, платкомъ сглуха закутанная, и Ѳедоръ Гаврилычъ. Какъ только они вошли, Ѳедоръ Гаврилычъ двери церковныя на замокъ и ключъ кладетъ себѣ въ карманъ, а Михайло Максимычъ вынимаетъ изъ кармана пистолетъ и прямо говоритъ: «ну, говоритъ, отецъ Александръ, что вы желаете: сто рублей денегъ получить, али вотъ этого? Вы, говоритъ, должны сейчасъ обвѣнчать Ѳедора Гаврилыча на Ольгѣ Николаевнѣ, а безъ того мы васъ изъ церкви живого не выпустимъ». Что тутъ священнику прикажете передъ экимъ страхомъ дѣлать? Сталъ первоначально усовѣщевать— ничего во вниманіе не берутъ, только пуще еще грозятъ.

Тутъ старый слуга пріостановился, покачалъ нѣсколько разъ головой, вздохнулъ и снова продолжалъ:

— Отецъ Александръ на другой же день пріѣзжалъ послѣ того къ нашей госпожѣ, чуть

не въ ноги ей поклонился. «Матушка, говоритъ, Катерина Евграфовна, не погубите, вотъ что со мной случилось, и сколь ни прискорбно вашему сердцу, я, какъ пастырь церкви, прошу милости новобрачнымъ: Богъ соединилъ, человѣкъ не разлучаетъ, молодые завтрашній день желаютъ быть у васъ». Генеральша наша на это ему и сказала: «Васъ, говоритъ, отецъ Александръ, я не виню, но какъ поступить мнѣ съ моей внучкой, я ужъ это сама знаю».

— Что-жъ, молодые пріѣзжали?—спросилъ я.

Яковъ Ивановъ усмѣхнулся.

— Какъ же-съ,—отвѣчалъ онъ:—пріѣзжали, прямо явиться не смѣли, около саду все колесили, человѣка напередъ себя прислали съ письмомъ отъ Ольги Николавны, но только ошиблись немного въ расчетѣ. Старушка даже и не прочитала его, а приказала черезъ меня сказать, что какъ Ольга Николаевна ихъ забыли, такъ и онѣ имъ той же монетой платятъ, хотя, конечно, сердце ихъ родительское никогда не забывало. Это, можетъ быть, знаетъ одинъ только Богъ, темныя ночи да я, ихъ довѣренный слуга. Ольгѣ Николаевнѣ за то, что онѣ свою бабушку, за всю ихъ любовь, разогорчили и, можно сказать, убили, не далъ тоже Богъ счастья въ ихъ семейной жизни.

— Неправда, неправда, грѣхъ на душу,

старичокъ, берешь, коли такъ говоришь,—воскликнула вдругъ Грачиха. — Молодые господа начали жить, какъ голубь съ голубкой, кабы не бѣдность да не нужда!

— А очень бѣдно они жили?—перебилъ я.

— Еще бы не бѣдно! На какіе капиталы было жить?—отвѣчала съ озлобленнымъ смѣхомъ Грачиха —Старушка, мать Ѳедора Гаврилыча, вѣстимо, все имъ отдала, сама ужъ въ своей усадьбишкѣ, почесть, что съ людишками въ избѣ жила, спала и ѣла. Имѣніе небогатое было, всего-навсе три оброшника, да и тѣ по міру ходили. Больше все нашъ баринъ вспомоществованіе дѣлалъ, и квартиру имъ въ городѣ нанималъ, отоплялъ ее, запасу домашняго, что было, посылалъ зачастую. Ольгу Николавну онъ больно ужъ любилъ, и послѣ часто говаривалъ: «я бы, говоритъ, самъ женился на Ольгѣ Николавнѣ, да ужъ только бабушка ея мнѣ противна, и она полюбила другого». Баринъ нашъ простой вѣдь былъ и къ намъ, мужикамъ, милостивый—только гулящій.

— Жизнь ужъ самая бѣдная молодыхъ господъ была,—вмѣшалась Алена Игнатьевна:—голубушка наша, Ольга Николавна, рукодѣльемъ своимъ даже стали промышлять, кружева изволили плести и въ пяльцахъ вышивали и продавали это другимъ господамъ; дѣтей тоже изволили двойниковъ родить на первый годъ, сами

обоихъ и кормили; какъ еще силъ ихъ хватило, на удивленье наше!

— За чѣмъ пошла, то и нашла!—замѣтилъ Яковъ Ивановъ.

— Мало ли, любезный, кто за чѣмъ ходитъ, да не всѣ-то находятъ!—возразила ему Грачиха, разводя руками.—Ѳедоръ Гаврилычъ по первоначалу ни за чѣмъ дурнымъ не ходилъ, и все его стараніе было, чтобы хоть какую-нибудь службу дали, да ужъ только заранѣе струменты были всѣ подведены. Баринъ нашъ все вѣдь намъ разсказывалъ. Думалъ было также онъ, чтобы исправникомъ Ѳедора Гаврилыча сдѣлать, ну и дворянство обѣщать обѣщали, а какъ пошло дѣло къ баллотировкѣ, и не выбрали: генеральши ихней испугались, чтобы въ противность ей не сдѣлать! Покойный Михайло Максимычъ пыталъ на себѣ волосы рвать и прямо дворянству сказалъ: «послѣ того вы хуже мужиковъ, коли, согрѣшила, грѣшная, старой вѣдьмы испугались». Каменнаго сердца человѣкъ госпожа ваша была, хоть ты и хвалишь ее больно; губила ни за что ни про что молодыхъ баръ, а вы, прислуга, въ угоду ей, тоже противъ ихъ ехидствовали,— заключила Грачиха и опять ушла изъ избы.

— И пить-то ужъ не мы ли его заставили, коли ужъ вы все на насъ сворачиваете,—прого-

ворилъ ей вслѣдъ Яковъ Ивановъ, съ обычнымъ своимъ покачиваніемъ головы.

— А онъ попивать началъ?—спросилъ я.

— До безобразія: вмѣсто того, чтобы въ бѣдности и недостаткахъ поддержать себя, онъ первоначально въ карты ударился, а тутъ, знакомство свелъ съ самыми маленькими чиновниками; пьянство да дебоширство пошло, а можетъ, и другое прочее, и генеральша наша, дѣйствительно, слышавши все это самое, призываетъ меня, и прежде, бывало, съ ближайшими родственниками никогда не изволила говорить объ Ольгѣ Николавнѣ, имени даже ихъ въ домѣ произносить запрещено было, тутъ вдругъ прямо мнѣ говоритъ: «Яковъ Ивановъ, наслышана я, что внучка моя очень несчастлива въ семейной жизни, и я желаю, чтобы она была разведена со своимъ мужемъ».— «Слушаю, говорю, ваше превосходительство, но только какимъ манеромъ вы полагаете это сдѣлать?»—«Это ужъ не твое дѣло, ты долженъ исполнять, что тебѣ будетъ приказано». Я кланяюсь. «Поѣзжай, говоритъ, сейчасъ въ городъ и проси ко мнѣ пріѣхать сегодня же городничаго». Я ѣду, и такъ какъ господинъ этотъ городничій, почесть, что нашей госпожей былъ опредѣленъ, угождалъ ей во всемъ. Сейчасъ пріѣзжаетъ, и какой промежъ ихъ разговоръ былъ, я не знаю, потому что не былъ къ тому допущенъ.

Супруговъ хитростью развели, и Ольга Николаевна съ дѣтьми вернулись къ бабушкѣ.

— Старушка, какъ услыхала ихъ голосъ, сейчасъ встала съ кресель и скорымъ этакъ шагомъ пошли имъ навстрѣчу, и такое, сударь, было промежъ ихъ это свиданіе и раскаяніе, что, можетъ быть, только заклятые враги будутъ такъ встрѣчаться на страшномъ судѣ Божіемъ. Ольга Николавна ничего ужъ и говорить не могла, пала только къ бабинькѣ на грудь, а старушка прижала ихъ одной рукой къ сердцу, а другой внучатъ ловятъ; мы всѣ, горничная прислуга, какъ стояли тутъ, такъ ревомъ и зарсвѣли. «Бабинька, говоритъ Ольга Николавна, простите ли вы меня?»—«Ничего, говоритъ, другъ мой, ни противъ тебя, ни противъ дѣтей твоихъ я не имѣю, во всѣхъ васъ течетъ моя кровь, только объ злодѣѣ этомъ слышать не могу».—«Бабушка; говоритъ, я сама объ немъ слышать не могу».

Послѣднія слова жены старикъ сопровождалъ одобрительнымъ киваньемъ головы; на его мутныхъ зрачкахъ и покраснѣлыхъ вѣкахъ показались даже слезы.

— И надо, сударь, было видѣть,—почти воскликнулъ онъ, дребезжащимъ голосомъ,—радость нашей генеральши: только въ золото не одѣла своихъ правнуковъ. Призываютъ тутъ меня сейчасъ къ себѣ и заставляютъ писать въ Петер-

бургъ, чтобы самая лучшая мадамъ француженка была выслана; за Ольгой Николавной, какъ самая усердная рабыня, стали ходить. Узнавъ, что онѣ ночи не изволятъ почивать, въ свою спальню ихъ перевела, и какъ только Ольга Николавна вздохнутъ или простонутъ, на босу ножку старушка вставали съ своей постели и только спрашивали: «что такое, Оленька, дружокъ мой, что такое съ тобой?» Но ничѣмъ этимъ, видно, передъ Ольгой Николаевной не могли они заслужить, никто имъ, видно, не былъ милѣй Ѳедора Гаврилыча.

— Что-жъ она дѣлала?—спросилъ я.

— А дѣлала то, что черезъ недѣлю же стала говорить и поступать все вопреки бабушкѣ!—отвѣчалъ порывисто Яковъ Ивановъ.—Что бы тѣ ни предприняли и ни сдѣлали, все имъ было непріятно; что есть подарки, такъ и за тѣ не то, чтобы, какъ слѣдуетъ, поблагодарили, а въ руки даже взять не хотѣли хорошенько и все кидкомъ да швыркомъ.

— Не отъ грубости хоть бы это дѣлали Ольга Николавна,—скромно возразила Алена Игнатьевна.

— Отъ чего-жъ?—спросилъ я.

Алена Игнатьевна опять уставила глаза на свои пальцы и отвѣчала:

— Тосковать ужъ очень стали объ Ѳедорѣ Гаврилычѣ. Сколь, можетъ быть, онъ ни виноватъ былъ противъ ихъ, но онѣ, кажется, больше

жизни своей его любили, ну, и Ѳедоръ Гаврилычъ тоже разъ десять, можетъ, приходили пѣшкомъ къ нашей усадьбѣ, чтобъ только свиданье съ супругой своей имѣть. Цѣлые дни, сидючи въ полѣ, проплакивали, такъ какъ приказаніе отъ старушки было, чтобъ ихъ на красный дворъ даже не допускать, не то что ужъ въ комнаты. Ольга Николавна, все это слышавши и знавши тоже, въ какой они бѣдности проживаютъ, призовутъ бывало тайкомъ мужичковъ, которые побогатѣе: «милые мои, говоритъ, дайте мнѣ хоть сколько-нибудь денегъ, я вамъ послѣ отдамъ». Ну и мужички кто синенькую, кто рубль серебромъ, четвертачекъ дадутъ имъ по своему состоянію; онѣ сейчасъ ихъ пошлютъ Ѳедору Гаврилычу, но тѣ тоже не принимали этихъ денегъ. «Если, говоритъ, мое сокровище Оленьку у меня отняли, мнѣ ничего не надо. Я буду ходить по міру и подъ окномъ собирать милостыню».

Яковъ Ивановъ, при послѣднихъ словахъ, взглянулъ на жену своими слѣпыми глазами сердито и прямо обратился ко мнѣ.

— Про деньги генеральша наша ничего бы не сказала, я самолично возилъ Ѳедору Гаврилычу двадцать пять тысячъ въ своемъ карманѣ, чтобъ только онъ али бы въ Сибирь, или хоть въ иностранныя земли уѣхалъ, но онъ и того не почувствовалъ. Нашей госпожи было одно жела-

ніе: чтобъ только онъ не былъ мужемъ нашей барыни, такъ какъ онъ недостоинъ того.

При послѣднихъ словахъ Грачиха какъ изъ-подъ земли выросла и появилась.

— Да кто можетъ мужа-то съ женой судить али разлучать?—начала она своимъ рѣзкимъ тономъ.—Что это говорите, грѣховодники? Гдѣ Богъ-то у васъ былъ въ тѣ поры? Баринъ нашъ, какъ тогда изъ Питера пріѣхалъ и услыхалъ, только руками всплеснулъ. «Какъ!» говоритъ, и сейчасъ же за Ѳедоромъ Гаврилычемъ лошадей въ городъ. «Ѳедя! дуракъ, какъ у тебя жену отняли?» Тотъ, сердечный, только всплакалъ, смирный вѣдь баринъ былъ, а отъ дѣловъ-то ихнихъ словно и разуму лишился.

Яковъ Ивановъ вздохнулъ.

— Доброму и хорошему наставлялъ и научалъ его вашъ баринъ. Дай ему Богъ царство небесное, вѣкъ его поминаемъ,—проговорилъ онъ.

— Да научилъ же. На вотъ вамъ: изъ-подъ носу было опять украли Ольгу Николаевну,—подхватила Грачиха.

— Разбойники еще и не такія дѣла дѣлаютъ, и людей рѣжутъ,—возразилъ Яковъ Ивановъ.

Старикъ съ грустною улыбкою покачалъ головой.

— И разсказывать, сударь,—началъ онъ,—такъ вы, можетъ быть, не повѣрите, судя по-

нынѣшнему, что дѣлалось въ прежнія времена. Нельзя и старину за все похвалить: безурядицы много было. Разбойникъ тогда по губерніи сталъ ходить, по имени Иванъ Ѳадѣичъ, и разбойникъ сильнѣющій: можетъ быть, болѣе трехсотъ человѣкъ шайка его была, словно въ непріятельскихъ земляхъ разъѣзды дѣлалъ и грабилъ по Волгѣ и другимъ судоходнымъ рѣкамъ. На большихъ дорогахъ то же: почесть, что проѣзду не стало, и не то, чтобъ одиночниковъ изъ простого народа обиралъ, а ладилъ, нельзя ли экипажъ шестерикомъ, восьмерикомъ, даже самыя почты остановить, или къ помѣщикамъ, которые побогатѣе, наѣдетъ съ шайкой въ усадьбу и сейчасъ денегъ требуетъ; если господинъ не даетъ или запирается, просто дѣлали муки адскія: зажгутъ вѣники и горячими этими прутьями парятъ. По всѣмъ деревнямъ, гдѣ бы ни захотѣлъ, пріемъ ему былъ, какъ въ своей вотчинѣ. Начальство тоже, Богъ его знаетъ, подкуплено ли было, али боялось, только года три воинская команда не могла его изловить и арестъ ему сдѣлать. Страхъ былъ на всѣхъ великій, и такимъ дѣломъ сидятъ господа наши—генеральша съ Ольгой Николавною и своими внучатами—вечеромъ въ своей малой гостиной, горятъ передъ ними двѣ восковыя свѣчи, а прочія комнаты почесть что не освѣщены, окромя нашей офиціантской и дѣвичьихъ

комнатъ. Вдругъ слышимъ свистъ, гагайканье въ полѣ. Что такое? Первоначально думали, что пьяные мужики съ базару ѣдутъ. Однако, глядимъ—въ окнахъ зарево, выбѣжали на крыльцо: овины наши горятъ. Всѣ мы, лакеи, бросились, конечно, туда, усадебный народъ тоже бѣжитъ. Господа, слышавши шумъ, изволятъ спрашивать: «что такое? Что случилось?» На эти ихъ слова ружейный выстрѣлъ, разъ, два, рамы въ ихней самой гостиной затрещали, зазвенѣли, вламываются въ окна двое мужчинъ, въ поддевкахъ, съ бородой и съ усами. Старушка наша, по своему геройству, встаютъ. «Кто вы такіе?»—говоритъ. Одинъ изъ этихъ мужчинъ отвѣчаетъ ей: «Я Иванъ Ѳадѣичъ, и вы, госпожа генеральша, пожалуйте вашу внуку, которую вы у мужа отняли». Ну, и старушка, поослабнувши, конечно, опустились въ кресло и только вскрикнула: «люди, гдѣ вы?» А Ольга Николавна, прижавшись тѣмъ временемъ съ дѣтьми за бабинькины плечи, видятъ, что у одного изъ мужчинъ борода и усы спали,—глядь, это Ѳедоръ Гаврилычъ. Какъ вскрикнула: «ахъ!» да такъ и пала замертво. Не взирая на это, Ѳедоръ Гаврилычъ хватаетъ ихъ на свои руки, а другой мужчина—вернулись было двѣ горничныя дѣвицы и лакей—какъ рѣзнетъ ихъ всѣхъ наотмашь кулакомъ, такъ тѣ головами назадъ въ двери и улетѣли, и послѣ оба опять въ окошко,

и слѣдъ простылъ. Я ужъ и самъ не знаю какъ очутился въ комнатахъ, слышу только, что Ольгу Николавну украли. Генеральша безъ памяти, дѣти плачутъ и только ужъ на другой день, когда старушка изволили придти нѣсколько въ себя, получаю я отъ нихъ такое приказаніе, чтобъ ѣхать сейчасъ въ уѣздный городъ, на квартиру Ѳедора Гаврилыча, и если Ольга Николавна тамъ, то вручить ей письмо, въ противномъ же случаѣ подать въ подлежащій земскій судъ законное объявленіе обо всемъ случившемся. Я пріѣзжаю, выходитъ ко мнѣ Ѳедоръ Гаврилычъ. «Поздно, говоритъ, Яковъ Иванычъ, опоздали вы съ вашей барыней, Оленька моя лежитъ на столѣ, а вмѣстѣ съ ней и я лягу».—«Ну, говорю, Ѳедоръ Гаврилычъ, вы себѣ сами все это предуготовили, сами и отвѣчайте за то Богу».

— Отчего же она такъ вдругъ ужъ и умерла?—перебилъ я старика.

— Въ тягости онѣ изволили быть, ну и съ этакихъ страховъ и ужасовъ и не перенесли.

— Неужели же онъ, въ самомъ дѣлѣ, съ разбойникомъ, съ Иваномъ Ѳадѣичемъ пріѣзжалъ?—спросилъ я.

Грачиха на это всплеснула руками.

— Нѣту, батюшка, нѣту; что онъ, старая лиса, говоритъ!—воскликнула она.—Ну, просто тебѣ сказать, нашъ баринъ шутку хотѣлъ сшу-

тить. Онъ самъ этимъ разбойникомъ Иваномъ Ѳадѣичемъ и наряженъ былъ; кто зналъ, что экой грѣхъ будетъ. Чѣмъ бы старухѣ со страху окостенѣть, а тутъ на-ка, молодая барыня лишилась оттого жизни. Баринъ нашъ тогда, послѣ похоронъ, пріѣхалъ и словно съ ума спятилъ: три недѣли пилъ мертвую, изъ пистолета себя все хотѣлъ застрѣлить. Трое лакеевъ такъ и ходили по слѣдамъ его, чтобъ чего не сдѣлалъ надъ собой, только и утѣшеніе было, что на могилу къ Ольгѣ Николаевнѣ ѣздитъ: пріѣдетъ туда, да головой себя объ памятникъ и начнетъ колотить. А что ужъ на Ѳедора Гаврилыча приходитъ, такъ это извини, не онъ будетъ отвѣчать Богу, а вы, вы, вы... вотъ вамъ что—да! Вмѣсто того, чтобы вамъ съ вашей старой барыней дѣлать поминовеніе за упокой праведной души Ольги Николавны, вы по начальству пошли и стали доказывать, аки бы Ѳедоръ Гаврилычъ съ настоящимъ разбойникомъ Иваномъ Ѳадѣичемъ пріѣзжалъ, деньги всѣ обралъ и внучку укралъ. Баринъ нашъ пыталъ заявлять всѣмъ начальникамъ, что это не разбойникъ какой, а онъ пріѣзжалъ: «ну, когда я виноватъ, говоритъ, такъ и спрашивай съ меня...» такъ и вѣры, паря, никто не хотѣлъ имѣть. Что ужъ тутъ говорить: самъ Иванъ Ѳадѣичъ, разбойникъ бы кажись, такъ и тотъ, передъ кобылой стоявши, говорилъ:

«православные, говоритъ, христіане, можетъ быть, мнѣ живому изъ-подъ кнута не встать, въ семидесяти душахъ человѣческихъ убитыхъ я покаянье сдѣлалъ, а что, говоритъ, у генеральши въ Богородскомъ не бывалъ и барина Ѳедора Гаврилыча не знаю».

— Этого, сударыня, мы не знаемъ и знать того не могли,—возразилъ Яковъ Ивановъ.—Не мы его судили, а законъ.

— Сами вы, любезный, законы-то хорошо знали да подводили... На-ка, какой законъ нашелъ! Присудили хоть бы Ѳедора Гаврилыча, ни за что, ни про что, за одно смиренство его, присудили на поселенье; экіе, паря, законы нашли.

— Того и стоилъ, туда ему и дорога была,— произнесъ Яковъ Ивановъ, какъ бы самъ съ собой.

— Богъ знаетъ, кому туда дорога-то шла,— возразила Грачиха;—не тотъ, можетъ, только туда попалъ. Старой вашей барынѣ, на нашихъ глазахъ еще, въ сей жизни плата Божья была. Не въ мою мѣру будь сказано, какъ померла, такъ языкъ на два аршина вытянулся, три раза въ гробу повертывалась, не скроешь этого дѣла-то; похоронъ совершать, почесть, не могли по-должному, словно колдунью какую предавали землѣ, страхъ и ужасъ былъ на всѣхъ

При этихъ словахъ Грачихи, избеная дверь съ шумомъ растворилась, стоявшій на полочкѣ около задней стѣны штофъ повалился и зазвенѣлъ, дремавшій на голбцѣ котъ фыркнулъ, махнулъ однимъ прыжкомъ черезъ всю избу и спрятался подъ лавку. Мы всѣ невольно вздрогнули, Яковъ Ивановъ поблѣднѣлъ. Въ полумракѣ въ дверяхъ показалась фигура, съ растрепанными волосами, съ истощеннымъ лицомъ, въ пальто сверху, а подъ нимъ въ красной рубашкѣ, въ плисовыхъ штанахъ и въ козловыхъ съ высокими голенищами сапогахъ. За нимъ выступала другая физіономія, съ рыжеватой клинообразной бородой и съ плутоватыми, уплывшими внутрь глазами, одѣтая въ аккуратно подпоясанную бекешку.

— Ой, чтобы васъ, псы, испугали!—воскликнула Грачиха.

— Кто мнѣ смѣетъ водки не давать?—осипло проговорила растрепанная фигура.

Я догадался, что это былъ охотникъ съ хозяиномъ.

— Пошелъ, пошелъ въ свое мѣсто; господа здѣсь,—проговорила Грачиха.

Охотникъ обвелъ избу своими воспаленными глазами и остановилъ ихъ на мнѣ; потомъ, приложивъ руку къ фуражкѣ, проговорилъ:

— Честь имѣю явиться: гусарскаго Ермалан-скаго полка рядовой! Здравствуйте, дѣдушка и

бабушка! —прибавилъ онъ и потомъ опустился на лавку около старушки, схватилъ ее за руки и поцѣловалъ; при этомъ у него навернулись слезы.

— Дѣдушка у меня умная голова—министръ! Дѣдушка мой министръ!—говорилъ, хватая себя за голову и съ какой-то озлобленной улыбкой, гуляка.

— Вы дуракъ, хозяинъ мой, подай торбанъ,— продолжалъ онъ и тотчасъ же, обратившись ко мнѣ, присовокупилъ:—позвольте мнѣ поиграть на торбанѣ.

Клинъ образный мужикъ стоялъ въ недоумѣніи.

— Пошелъ! Маршъ! — крикнулъ охотникъ. Хозяинъ ушелъ.

— Дѣдушка мой, министръ, изволилъ приказанье отдать, чтобъ быть ему по торговой части: «галстуки, платки, помада самолучшіе; пожалуйте сюда, господинъ, сдѣлайте милость, пожалуйте сюда!»—говорилъ охотникъ, вставъ и представляя, какъ купцы зазываютъ въ лавку: плутовать, народъ, значитъ, обманывать,—не хочу! — Володька Топорковъ пьяница, но плутомъ вотъ этакимъ не бывалъ,—воскликнулъ онъ, указывая одною рукою на дѣдушку, а другой на возвращающагося хозяина, который смиренно подалъ ему торбанъ.

— Мы у Мясницкихъ воротъ въ трактирѣ жили,—продолжалъ онъ.—Тамъ наверху, въ со-

бачьей конурѣ, ничего—играть можемъ, а ужъ плутовать не станемъ,—шалишь! А сыграть—сыграемъ,—заключилъ онъ и дѣйствительно взялъ нѣсколько ловкихъ аккордовъ, а потомъ, пожимая плечами, запѣлъ осиплымъ голосомъ:

Куманекъ, побывай у меня,
Разголубчикъ, побывай у меня!
Чтожъ такое побывать у тебя,
У тебя, кума, вороты скрипучи.
Скрипучи, пучи, пучи, пучи, пучи.

— Ну, паря, хороша пѣсня, эку выучилъ! У насъ пьяный мужикъ лучше того споетъ,—отозвалась Грачиха.

— Погоди, постой, слушай!—произнесъ мрачно Топорковъ и потомъ опять, сдѣлавъ нѣсколько аккордовъ, запѣлъ:

«Изъ Москвы я прибылъ въ Питеръ,
Все по собственнымъ дѣламъ;
Шелъ по Невскому проспекту
Самъ съ перчаткой разсуждалъ,
Что за чудная столица,
Расприкрасный Питембургъ.

— Хорошо?—спросилъ Топорковъ, остановясь.

— Нѣтъ, и это не хорошо, на балалайкѣ хорошо играешь, а поешь нескладно!—отвѣчала Грачихи.

— Постой, садись около меня,—проговорилъ гуляка и, взявъ Грачиху за руку, посадилъ ря-

домъ съ собой.—Слушай,—произнесъ онъ и началъ заунывнымъ тономъ.

Туманы сѣдые плывутъ
Къ облакамъ,
Пастушки младыя спѣшатъ
Къ пастушкамъ.

По эта пѣсня ужъ, кажется, и самому Топоркову не понравилась: по крайней мѣрѣ онъ всталъ, подалъ съ пренебреженіемъ торбанъ хозяину и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Позвольте на тіатрѣ разыграть?—и потомъ, не дожидаясь отвѣта, снова сталъ въ позу трагиковъ и началъ:

«Спи, стая псовъ!
Спи сномъ непробуднымъ до страшнаго Суда,
Тогда воскресни и прямо въ адъ, измѣнники!
И Богъ на русскую державу ополчился!
Онъ попустилъ холопей нечестивыхъ
Торжествовать надъ русскою землей».

Говоря послѣднія слова, Топорковъ опять указалъ на дѣда своего и на хозяина.

— Экъ его благуетъ, словно лѣшій,—замѣтила Грачиха, покачавъ только головой.

Топорковъ посмотрѣлъ на нее мрачно, опустился на скамейку около бабушки и положилъ къ ней голову на плечо; потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то, ударилъ себя по лбу и проговорилъ, какъ бы больше самъ съ собой:

— Гдѣ мои деньги? Кто мнѣ смѣетъ водки не давать?

— Батюшка, Володюшка, тебѣ вредно,—говорила старуха, приглаживая растрепанные волосы внука:—деньги твои у меня, да я тебѣ не даю, тебѣ на службѣ пригодится.

— Бабушка! не у тебя деньги!—воскликнулъ Топорковъ:—я знаю, у кого деньги, ну, Богъ съ нимъ! Меня продали, Богъ съ нимъ. Іосифа братья тоже продали, Богъ съ нимъ; не надо мнѣ денегъ!—заключилъ гуляка и потомъ, ударивъ себя въ грудь, запѣлъ:

Русской грудью и душою
Служитъ Богу и царямъ,
Кротокъ въ мирѣ, но средь бою
Страшенъ, пагубенъ врагамъ.

Оглушенный этимъ пѣніемъ и монологами, я, впрочемъ, не переставалъ глядѣть на слѣпца. Ни мои разспросы, ни колкіе намеки Грачихи, ничто не могло такъ поколебать его спокойствія, какъ безобразіе внука. Съ каждой минутой онъ началъ болѣе и болѣе дрожать, и потомъ вдругъ всталъ, засунулъ дрожащую руку за пазуху, вытащилъ оттуда бумажникъ и, бросивъ на столъ, проговорилъ своимъ ровнымъ тономъ:

— На-те, возьмите ваши деньги!.. Алена Игнатьевна, уведите меня отсюда куда-нибудь, уведите,—проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Будто?—произнесъ съ насмѣшкою внукъ.

Старикъ ничего ему не отвѣтилъ и, не ощупавъ даже палкою, перешагнулъ черезъ скамью и быстро пошелъ по избѣ. Алена Игнатьевна послѣдовала за мужемъ.

— Покойной ночи, королева!—проговорилъ имъ вслѣдъ Топорковъ.

Грачиха съ своей неизмѣнной правдой начала тотчасъ же бранить его.

— Пошто, песъ, дѣдушекъ обижаешь и печалишь? Балда, балда и есть, не дастъ тебѣ Богъ счастья и въ службѣ, коли стариковъ не почитаешь, пьяный дуракъ!

Топорковъ слушалъ ее, понуривъ голову.

— Деньги вы возьмете, или мнѣ прибрать прикажете?—спросилъ клинобородый хозяинъ.

— Самъ приберу,—проговорилъ Топорковъ и спряталъ бумажникъ въ карманъ.—Іосифа братья продали, а я эти деньги бабушкѣ отдамъ. Хозяинъ-дуракъ, пойдемъ, куда сказано.

— Пойдемте-съ,—проговорилъ смиренно мужикъ, и они ушли. Я тоже ушелъ въ свою комнату. Изъ-за дощатой перегородки въ сосѣднемъ нумерѣ слышались, вмѣсто крикливыхъ возгласовъ гуляки, истовыя слова молившагося старика: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Боже, очисти грѣхи мои и помилуй!»

И затѣмъ все смолкнуло, и только повреме

намъ долеталъ до меня голосъ бранившейся или просто разговаривавшей Грачихи съ подъѣхавшими мужиками-обозниками. Черезъ четверть часа заложили моихъ лошадей, и Грачиха содрала съ меня денегъ сколько только могла, и когда я ей замѣтилъ:

— Старая, много берешь.

— Полно-ка, полно, много берешь; ишь, во какихъ енотахъ ходишь, а я вонъ цѣлый вѣкъ въ полушубчишкѣ бѣгаю. Много съ него взяла,— отвѣчала она и, впрочемъ, усадила меня съ почтеніемъ въ сани, а когда я поѣхалъ, она только что не перекрестила меня вслѣдъ.

ГИМНАЗИСТЪ И СТУДЕНТЪ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

(Изъ повѣсти «Старческій грѣхъ»).

Какъ ни давно это было, но мы еще очень хорошо помнимъ сквернѣйшій сентябрьскій день, сырой, холодный; помнимъ длинную залу, тоже сырую и холодную, съ распростертыми надъ нами по потолку ея всевозможными богами Олимпа,—залу почти безъ всякихъ слѣдовъ жилья человѣческаго. Посреди нѣ ея стоялъ огромный столъ, покрытый краснымъ сукномъ. По двумъ стѣнамъ шли сплошь шкапы съ книгами и со стоявшими на верху ихъ греческими мудрецами.

Тщетно старался я прочитать заглавія нѣкоторыхъ книгъ и ничего не понялъ. Какая-то экзегетика, герменевтика и тому подобное... Богъ знаетъ что такое. По третьей стѣнѣ, подъ портретомъ Государя, нарисованнаго въ коронѣ и порфирѣ, стояли мы, человѣкъ тридцать мальчиковъ, въ новенькихъ вицмундирчикахъ, и съ глубокой тоской на сердцѣ отъ грядущей намъ будущности. По четвертой стѣнѣ, у оконъ, размѣщались на креслахъ наши родители. Маменька Сокальскаго, напримѣръ, очень полная и нарядная дама, чрезвычайно важничала: развалившись въ креслахъ, она съ такимъ видомъ играла своей лорнеткой, которымъ ясно хотѣла сказать, что она дѣлаетъ величайшую честь этому мѣсту, въ которое, по чувству материнской любви, рѣшилась придти и просидѣть полчаса. Папенька Арнаутова, кривой помѣщикъ, сдавалъ сына на выучку, кажется точно съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ онъ засыпалъ и рожь на мельницѣ. «Было-бы-де всыпано, а тамъ и баста; само смелетъ, какъ надо!» Вице-губернаторскихъ дѣтей, двухъ братьевъ, привелъ худощавый французъ гувернеръ и, видимо не желая, чтобы они смѣшались съ плебеями, поставилъ ихъ вдали отъ нашей группы, а самъ присѣлъ на окнѣ и съ какимъ-то особеннымъ эффектомъ вывернулъ голени у ногъ. Я съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на его узенькія,

нѣжно-пепельнаго цвѣта брюки, и невольно сравнивъ ихъ съ сильно-вытянутыми на колѣняхъ штанами учителя математики, а также и съ толстыми, сосиско-подобными ногами учителя нѣмецкаго языка, я тутъ же убѣдился, что одна только французская нація достойна носить узенькія панталоны, тогда какъ прочему человѣчеству рѣшительно слѣдуетъ ходить въ шароварахъ. Дѣтей жандармскаго полковника, тоже двухъ братьевъ, привелъ солдатъ-жандармъ и почему-то очутился тутъ же въ залѣ между родителями. Онъ преспокойно стоялъ въ простѣнкѣ и стѣснялся отчасти только тѣмъ, что носъ его, болѣе привыкшій находиться на улицѣ и въ холодныхъ сѣняхъ, чѣмъ въ теплыхъ апартаментахъ, очень ужъ разнѣжился, такъ что онъ безпрестанно принужденъ былъ подтирать его своей бѣлой рукавицей. Вблизи отъ него, и даже очень дружелюбно обращаясь къ нему съ разнаго рода семейными разговорами, сидѣлъ секретарь гражданской палаты, тоже приведшій сынишку, съ отгнившими почти отъ золотухи ушами.

— Ты, вѣрно, дядькой при дѣтяхъ? — говорилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я на кухнѣ, при поварахъ; поварамъ подсобляю, — отвѣчалъ жандармъ.

— Такъ, такъ!—заключалъ секретарь и начи-

налъ играть серебряной табакеркой, внушавшей сильное подозрѣніе, что это былъ даръ за измѣну Ѳемидѣ.

Между всѣми этими лицами, надобно сказать, болѣе всѣхъ поразилъ мое дѣтское вниманіе мизерный чиновничишко въ поношенномъ вицмундиришкѣ, въ худенькихъ штанахъ и въ дырявыхъ сапогахъ. Онъ безпрестанно ежился, шевелился, какъ будто бы его сейчасъ только круто посолили и посыпали сверху перцемъ. Онъ то садился на самый краешекъ стула, то вскакивалъ и подбѣгалъ къ секретарю, кланялся передъ нимъ, что-то такое разсказывалъ ему, и тотъ на все это отвѣчалъ ему съ обязательнымъ полупрезрѣніемъ. Не ограничиваясь секретаремъ, чиновничишко относился даже къ m-me Сокальской, но та ужъ ему ничего не отвѣчала. Отъ родителей чиновникъ перебѣгалъ къ нашей группѣ и, обдавъ насъ сильнымъ запахомъ водки, прямо обращался къ довольно шершавому малому, лѣтъ 16-ти, одѣтому тоже въ вицмундирчикъ; но, Боже мой! въ какой вицмундирчикъ: сшитый не только что изъ толстаго, но даже разноцвѣтнаго сукна, такъ что туловище у него приходилось темносинее, а рукава голубые. Чиновничишко съ самымъ строгимъ видомъ что-то такое, должно быть, внушалъ ему. Мальчикъ, въ свою очередь, тоже строго смотрѣлъ на него и сохранялъ упорное молчаніе. Во-

Чиновникъ со строгимъ видомъ что-то такое внушалъ...

шли директоръ (черноволосый мужчина, съ необыкновенно густыми и длинно отросшими бровями), и за нимъ, какъ гіена, выступалъ сутуловатый и какъ бы вся и все высматривающій инспекторъ. Мы всѣ невольно сдѣлали движеніе вытянуть руки по швамъ. Родители привстали. Жандармъ проворно отнялъ отъ носу бѣлую рукавицу. Чиновничишко поклонился ученому начальству самымъ унизительно-подлымъ образомъ. Директоръ началъ читать списокъ поступившихъ въ гимназію:

— Павелъ Аксановъ?

— Я!—пискнулъ бѣлокуренькій мальчикъ.

— Гавріилъ Бѣляевъ?

— Я!—отвѣчалъ еще тоньше уже черноволосый мальчикъ.

— Михаилъ Гавренко?

— Я!—отвѣчалъ тоже тонко и тоже брюнетикъ.

Словомъ, постоянно почти слышались нѣжные дисканты, но вдругъ директоръ, нѣсколько замявшись въ языкѣ, произнесъ:

— Іосафъ Ферапонтовъ?

— Я!—отвѣчалъ на это почти мужской уже басъ, такъ что мы всѣ невольно оглянулись. Это откликался мальчикъ съ разными рукавами. Директоръ тоже, кажется, былъ озадаченъ.

— Г. Ферапонтовъ?—повторилъ онъ.

— Я-съ,—отвѣчалъ мальчикъ тѣмъ же возмужалымъ голосомъ.

— Подойдите сюда.

Ферапонтовъ подошелъ.

Въ это время, нѣсколько съ боку, къ директору приблизился и чиновничишко.

На лицѣ почтеннаго педагога вдругъ изобразился ужасъ. Пожимая плечами и все болѣе и болѣе закидывая голову назадъ, онъ произнесъ:

— Что такое? Что такое? Гдѣ мы? Не въ эѳіопскихъ ли степяхъ? Какіе у васъ рукава? Гимназистъ вы или арлекинъ?

Все лицо мальчика загорѣлось стыдомъ. Видимо, это была самая больная для него струна. Вмѣсто него сталъ отвѣчать чиновничишко.

— Ну, батюшка, что-жъ? Виноватъ, не имѣю состоянія. Не погубите, благодѣтель: не имѣю чѣмъ одѣть лучше,—проговорилъ онъ и, не много, не мало, бухъ директору въ ноги.

Я видѣлъ, что мальчикъ при этомъ вздрогнулъ. Директоръ тоже возмутился подобнымъ самоуниженіемъ.

— Встаньте, я не Богъ вашъ и не царь!— произнесъ онъ недовольнымъ голосомъ и, обращаясь къ мальчику, прибавилъ:—который вамъ годъ?

— Шестнадцатый,—отвѣчалъ онъ.

Директоръ нѣсколько времени смотрѣлъ ему прямо въ лицо самымъ оскорбительнымъ образомъ.

— Гм!.. Шестнадцатый годъ и всего только въ первомъ классѣ!— произнесъ онъ насмѣшливо.— Зачѣмъ ужъ было въ такомъ случаѣ поступать къ намъ и своей шерстью портить цѣлое стадо?

— Говорено было, благодѣтель, это ему, такъ вѣдь упрямецъ,—подхватилъ вмѣсто сына чиновничишко, чуть не до земли кланяясь директору.— Лучше бы въ службу шелъ да помогалъ бы чѣмънибудь отцу, а я что? Не имѣю состоянія,— виноватъ!

— Ступайте на свое мѣсто!—обратился директоръ къ мальчику.

Тотъ пошелъ. Какъ ни старался онъ смигнуть слезы, но онѣ противъ воли текли по его щекамъ!

Когда насъ распустили, и мы стали въ прихожей надѣвать наши шинельки, мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, что надѣнетъ на себя Ферапонтовъ, но онъ пошелъ такъ, въ одномъ только вицмундирчикѣ. «Такъ вотъ отчего,—подумалъ я,— отъ него такъ пахнетъ сыростью. Онъ и въ гимназію, видно, пришелъ насквозь пробитый дождемъ». Чиновничишко, накинувъ на себя какое-то вретище вмѣсто шинели, поплелся тоже за нимъ и началъ опять ему что-то толковать и внушать. Мальчикъ пошелъ, потупя голову.

Очень скоро послѣ того между всѣми нами узналось, что гадкій чиновничишко былъ нѣкогда

служившій въ консисторіи архиваріусъ, исключенный изъ службы за пьянство и дебоширство, а *разношерстный* Ферапонтовъ (прозвище, которое мальчикъ получилъ на самыхъ первыхъ порахъ) былъ родной сынъ его. Жили они въ слободѣ, версты за четыре отъ гимназіи, въ маленькомъ развалившемся домикѣ, и мальчикъ, говорятъ, даже стряпалъ у отца за кухарку. Каждое утро онъ являлся въ классъ, облитый потомъ, хотя попрежнему ходилъ въ одномъ только вицмундирчикѣ. Нанковая чуйка, съ собачьимъ воротникомъ, появилась на его плечахъ только въ началѣ ноября. Онъ приходилъ обыкновенно съ обѣдомъ, и мнѣ всегда очень хотѣлось узнать, что такое онъ приносилъ съ собою, старательно завернутое въ сахарную бумагу. Мы всѣ, напримѣръ, очень хорошо знали, что дѣтямъ жандармскаго полковника, съ тѣмъ же жандармомъ, присылали всегда изъ родительскаго дома и котлетъ, и жареной курицы, вкусный запахъ которыхъ, пробиваясь изъ оловянной миски, сильно раздражалъ наши голодныя ноздри; но что ѣлъ Іосафъ и гдѣ совершалъ этотъ актъ, никому не было извѣстно!

Однажды мы сидѣли въ классѣ математики. Учитель ея, жестокосерднѣшій меланхоликъ, сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость. Собственно ученіемъ онъ насъ не обременялъ, но наблюдалъ болѣе всего тишину и спокойствіе въ

классѣ. Мы всѣ сидѣли какъ мухи, прихваченныя морозомъ. Вдругъ бѣлобрысый Аксановъ, оказавшійся ужасно гадкимъ мальчишкой, всталъ.

— Никита Григорьичъ,—началъ онъ пищать своимъ тоненькимъ голосомъ: —позвольте мнѣ пересѣсть. Съ Ферапонтовымъ сидѣть нельзя-съ: онъ луку наѣлся.

Учитель мрачно и вопросительно взглянулъ на него.

— Лукомъ дышитъ на меня-съ, сидѣть около него невозможно-съ,—объяснилъ Аксановъ.

Учитель, наконецъ, понялъ его.

— Ферапонтовъ, подите сюда, — проговорилъ онъ.

Ферапонтовъ, весь вспыхнувъ, подошелъ.

— Дохните на меня.

Ферапонтовъ дохнулъ.

— Фай!—произнесъ учитель, проворно отворотивъ носъ.—И не стыдно вамъ это?... Не стыдно благородному мальчику дѣлать такія гадости?

Ферапонтовъ молчалъ.

— Подите на колѣни.

Ферапонтовъ, не поднимая глазъ, пошелъ и сталъ, а учитель снова погрузился въ свою задумчивость.

Съ ударомъ звонка Ферапонтовъ всталъ и сѣлъ было на свое мѣсто, но Аксановъ опять къ нему привязался:

— Луковникъ, луковникъ!—дразнилъ онъ его, вертясь передъ нимъ.

— Отстань! — повторялъ ему нѣсколько разъ Іосафъ, съ тѣмъ терпѣливымъ выраженіемъ, съ какимъ обыкновенно большія собаки гонятъ маленькихъ шавокъ. Но Аксановъ не унимался.

— Луковникъ, луковникъ... разноперый луковникъ!..—говорилъ онъ и дернулъ Ферапонтова за его голубой рукавъ.

Движенія этого было достаточно. Я видѣлъ, какъ лицо Іосафа мгновенно вспыхнуло, и въ ту же минуту раздался страшнѣйшій ударъ пощечины, какой когда-либо я слыхивалъ, и, мнѣ кажется, что въ этомъ безпощадномъ ударѣ у Іосафа выразилась не столько злоба къ врагу, сколько ненависть и отвращеніе къ гадкому человѣчишку. Аксановъ перелетѣлъ черезъ скамейку. Изо рта и изъ носу его брызнула кровь. Заревѣвъ во все горло, онъ бросился жаловаться къ инспектору, отъ котораго и снизошло приказаніе: стать Ферапонтову на колѣни на цѣлую недѣлю. Іосафъ снесъ это наказаніе, ни разу не попытавшись ни оправдаться, ни попросить прощенія. А между тѣмъ учиться онъ началъ лучше всѣхъ насъ: запинаясь, заикаясь и конфузясь, онъ обыкновенно начиналъ отвѣчать свои уроки и всегда ихъ зналъ, такъ что къ концу года за прилежаніе, а главное, я думаю, за возмужалый возрастъ онъ и сдѣланъ

былъ у насъ въ классѣ *старшимъ*. Какъ теперь помню я его неуклюже-добродушную фигуру, когда онъ становился у каѳедры наблюдать за нашимъ поведеніемъ, повторяя изрѣдка: «пожалуйста, перестаньте, право, придутъ!» Въ черновую книгу онъ никогда никого не записывалъ, и только когда какой-нибудь шалунъ начиналъ очень ужъ бѣситься, онъ подходилъ къ нему, самолично схватывалъ его за волосы, стягивалъ ихъ такъ, что у того кровью наливались глаза, и молча сажалъ на мѣсто; потомъ снова становился у каѳедры и погружался въ ему только извѣстныя мысли.

Съ третьяго класса насъ вдругъ начали учить маршировать и кричать въ одинъ голосъ: «ура!» и «здравія желаемъ!» Инспектору (особѣ, кажется, по происхожденію своему изъ духовнаго званія) чрезвычайно это понравилось. Онъ мало того, что лично присутствовалъ на нашихъ ученьяхъ, но и самъ пожелалъ упражняться въ сихъ экзерціяхъ и нарочно пришелъ для этого въ одну изъ перемѣнъ между классами.

— Погодите, дѣти,—сказалъ онъ, сдѣлавъ намъ лукавую мину.—Я взойду къ вамъ, аки бы генералъ, и вы привѣтствуйте м ня единогласнымъ: ура!

Распорядясь такимъ образомъ, онъ ушелъ.

— Не вставать! Не откликаться ему!—раздалось

со всѣхъ сторонъ. Іосафъ почесалъ только голову.

Между тѣмъ два сторожа торжественно отворили дверь, и инспекторъ въ полномъ мундирѣ, при шпагѣ, съ треугольной шляпой и съ глупо-улыбающимся лицомъ вошелъ.

— Здравствуйте, дѣти!—произнесъ онъ добродушнѣйшимъ голосомъ.

Никто ни слова.

Инспекторъ позеленѣлъ.

— Говорятъ вамъ, здравствуйте, скоты этакіе,—повторилъ онъ.

Новое молчаніе.

— А, заговоръ!—могъ только выговорить онъ и ушелъ.

«Въ третьемъ классѣ бунтъ, заговоръ!»—разнеслось страшнымъ гуломъ по всей гимназіи.—«Завтра будетъ разборка», — послышалось затѣмъ.—И дѣйствительно, на другой день насъ позвали въ залу съ олимпійскими богами. Проходя переднюю, мы замѣтили всѣхъ трехъ сторожей въ новыхъ вицмундирчикахъ и съ сильно нафабренными усами. Между ними виднѣлась и зловѣщая скамейка, а въ углу лежало такое количество розогъ, что ихъ достало бы запороть на смерть цѣлую роту. Сердца наши невольно екнули. Когда мы вошли въ залу, директоръ, инспекторъ и весь сонмъ учителей были уже въ сборѣ. Су-

ровое выраженіе лицъ ихъ не предвѣщало ничего добраго. Насъ построили въ три шеренги.

— Поступокъ вашъ,—началъ директоръ, насупливая свои густыя брови и самымъ зловѣщимъ тономъ,—выше всякой мѣры, всякаго описанія!.. Это не простая шалость, которую можно простить и наказать. Тутъ стачка!.. заговоръ!.. Это дѣйствіе противъ правительства... шагъ противъ царя. Вы всѣ пойдете подъ красную шапку. Не разсчитывайте на то, что вы дворяне и малолѣтки. Мы всѣхъ васъ упечемъ въ кантонисты! *)

Произнеся послѣднія слова, онъ пріостановился и нѣсколько времени наблюдалъ эффектъ, который произвелъ этой рѣчью. Что это за дѣйствіе противъ правительства, и почему это шагъ противъ царя, мы рѣшительно ничего не поняли, но сочли за нужное тоже имѣть съ своей стороны лица мрачныя.

— И только святая обязанность, — продолжалъ директоръ, — которую мы, присягая крестомъ и евангеліемъ, приняли на себя... (при этихъ словахъ онъ указалъ на образъ)... обязанность,—повторилъ онъ съ удареніемъ: — исправлять вашу нравственность, а не губить васъ, заставляетъ насъ предполагать, что большая часть изъ васъ были вовлечены въ это преступленіе

*) Кантонистами въ старину назывались малолѣтніе солдаты.

неумышленно, а потому хотимъ только наказать зачинщиковъ. Извольте выдать ихъ.

Прошло нѣсколько минутъ, но отвѣта на этотъ вызовъ не послѣдовало.

— Г. Ферапонтовъ, выдьте на средину!— проговорилъ директоръ, какъ бы на что-то рѣшившись.

Ферапонтовъ вышелъ.

— Вы, какъ старшій класса, должны отвѣчать первый.

Іосафъ сначала посмотрѣлъ ему въ лицо, потомъ отвелъ глаза въ уголъ на печку, потупилъ ихъ и ни слова не отвѣчалъ.

— Я васъ спрашиваю: кто зачинщики?—повторилъ директоръ.

— Я не знаю-съ,—проговорилъ наконецъ Ферапонтовъ.

— А! не знаете? Розогъ!—произнесъ директоръ, сколько только могъ спокойнымъ голосомъ.

Іосафъ слегка поблѣднѣлъ, но молчалъ.

— Розогъ!—повторилъ директоръ, уже болѣе грознымъ голосомъ.

Учитель чистописанія и рисованія поспѣшилъ исполнить его приказаніе. Вошли сторожа со скамейкой и съ лозами.

— Я васъ спрашиваю въ послѣдній разъ: кто зачинщики? Извольте или отвѣчать, или раздѣваться.

Ферапонтовъ не дѣлалъ ни того, ни другого.

— Раздѣваться! — крикнулъ наконецъ директоръ, стукнувъ по столу.

— Нѣтъ-съ, я не дамся сѣчь, — произнесъ вдругъ Іосафъ. Мы всѣ невольно вздрогнули. Директоръ откинулся на задокъ кресла. Инспекторъ сдѣлалъ только жестъ удивленія руками, а законоучитель возвелъ очи свои горѣ и вздохнулъ.

— Раздѣть его! — произнесъ директоръ уже шипящимъ голосомъ.

Два сторожа подошли къ Ферапонтову.

— Что-жъ, ваше благородіе, разболокайтесь! — проговорилъ одинъ изъ нихъ и взялъ было его за бортъ сюртука. Но Іосафъ въ ту же минуту ударилъ его наотмашь по мордѣ, а другого толкнулъ въ грудь, такъ что тотъ едва устоялъ на ногахъ; а самъ, перескочивъ черезъ скамейку, убѣжалъ. Двое остальныхъ сторожей погнались за нимъ. Мы слышали ихъ тяжелые и быстрые шаги по коридору.

Весь ученый комитетъ поднялся на ноги. Директоръ и инспекторъ нѣсколько времени стояли другъ противъ друга и ни слова не могли выговорить, до того ихъ сердца преисполнились гнѣва и удивленія. Учителя, которые были поумнѣе, незамѣтно усмѣхались. Прошло по крайней мѣрѣ четверть часа тяжелаго и мрачнаго ожиданія. Наконецъ, двое запыхавшихся сторожей возвра-

тились и донесли, что Ферапонтовъ сначала перескочилъ черезъ одинъ заборъ, потомъ черезъ другой, черезъ третій и скрылся въ переулкѣ.

— А! хорошо!—проговорилъ директоръ, снова совладѣвъ съ собой.—Хорошо!—повторилъ онъ, и затѣмъ началась разборка; стали сѣчь черезъ четвертаго пятаго: Ахтуровъ указалъ на Вистулова и Пеклиса; Вистуловъ сказалъ, что зачинщиками были Кантыревъ и Жиловъ; Жиловъ оговорилъ Пеклиса; словомъ, всѣ сподличали и всѣхъ пересѣкли. Обильное количество розогъ было сполна употреблено въ дѣло. Мы всѣ разошлись по домамъ, кто прихрамывая, кто всхлипывая, и всѣ съ глубоко-ожесточенными сердцами, а когда на другой день насъ снова потянули въ залу, мы дали другъ другу смертельную клятву поступить такъ же, какъ и молодецъ Ферапонтовъ. Но насъ ожидало совершенно другое зрѣлище. Директоръ, инспекторъ и учителя сидѣли попрежнему на своихъ мѣстахъ. Попрежнему въ залѣ была скамейка и розги, а нѣсколько въ сторонѣ три сторожа держали связаннаго по рукамъ и ногамъ Ферапонтова. Отецъ его, въ изорванномъ вицмундиришкѣ, былъ тутъ же и безпрестанно кланялся директору.

— Я, батюшка-благодѣтель, только и прошу о томъ: накажите его, подлеца, хорошенько!.. Хорошенько его!..

— Вы будете видѣть, какъ этотъ господинъ будетъ примѣрно наказанъ,—объяснилъ намъ коротко директоръ и сдѣлалъ знакъ рукой сторожамъ. Іосафу на этотъ разъ не было никакой возможности сопротивляться. Съ нимъ мгновенно распорядились. Оказалось, что на немъ бѣлья порядочнаго не было: полинялая, ситцевая, рѣденькая рубашенка висѣла на немъ хлопьями и больше ничего. Наказаніе послѣдовало дѣйствительно примѣрное. До сихъ поръ я не могу забыть этого возмущающаго душу зрѣлища. Бѣднаго мальчугана привязали крѣпчайшими веревками за руки, за голову, за ноги къ скамейкѣ. Двое огромныхъ сторожей начали наказывать. Директоръ съ всклоченными волосами и съ разсвирѣпѣвшимъ лицомъ всталъ на ноги.

— Говорятъ вамъ, назовите зачинщиковъ и просите прощенія!—говорилъ онъ по временамъ задыхающимся отъ бѣшенства голосомъ, но, не получая отвѣта, махалъ рукой, и сторожа продолжали свое дѣло.

Отецъ Іосафа тоже повторялъ за нимъ: «Хорошенько его, хорошенько!» Иногда онъ подбѣгалъ къ сторожамъ и, выхвативъ у нихъ розги, самъ начиналъ сѣчь сына жесточайшимъ образомъ. Все это продолжалось около получаса. Ручьи крови текли по полу. Іосафъ отъ боли изгрызъ цѣлый уголъ скамейки, но не сказалъ

ни одного слова и не произнесъ ни одного стона.

— Бросьте этого скота,—проговорилъ наконецъ директоръ. Ферапонтовъ-старикъ бросился ему въ ноги, умоляя его: «батюшка, не погубите, отецъ мой, благодѣтель, не погубите навѣки». И когда директоръ пошелъ изъ залы, онъ поползъ за нимъ на колѣняхъ.

Іосафа тоже на той же скамьѣ куда-то унесли, и насъ распустили.

Три недѣли потомъ онъ не являлся. Мы слышали, что онъ больной лежитъ въ пансіонной больницѣ, и когда пришелъ, то былъ блѣденъ и замѣтно похудѣлъ. О томъ, что съ нимъ случилось, онъ почти ни съ кѣмъ не проговорилъ ни слова, хоть и былъ рѣшительно героемъ денька. Не говоря ужъ о насъ, маленькихъ, начавшихъ смотрѣть на него съ какимъ-то благоговѣніемъ, даже шестиклассники и семиклассники проходили и спрашивали: «который у васъ Ферапонтовъ?» и мы имъ показывали. Я далъ себѣ рѣшительное слово, во что бы то ни стало, сблизиться и подружиться съ нимъ. Но какъ было это сдѣлать? Единственнымъ пріятелемъ и другомъ Іосафа былъ и оставался, тоже зарѣчный житель, пятиклассный гимназистъ Мученіковъ. Малый этотъ, весьма тупой на ученье, отличался тѣмъ, что постоянно ходилъ въ широчайшихъ

шальварахъ, стригся въ кружокъ и накалывалъ себѣ сзади шею булавкой для того, чтобы она распухала и казалась болѣе толстою, и все это съ единственною цѣлью быть похожимъ на казака, а не на гимназиста. Каждую перемѣну между классами они сходились и все время ходили по коридору, разговаривая между собою задушевнѣйшимъ образомъ. Я нѣсколько разъ пытался подслушать ихъ бесѣду. Они толковали то о томъ, гдѣ лучшія мѣста для грибовъ, то продавали или покупали что-то такое одинъ у другого и при этомъ всегда платили другъ другу самыми мелкими монетами: денежками, полушками. Оказалось потомъ, что оба они были птицеловы.

— На конопляное сѣмя лучше всего идетъ птица!—говорилъ Мученіковъ.

— Ну, нѣтъ! Ужъ это сколько разъ испытано было: овсяная крупа скуснѣй для нихъ всего!—возражалъ ему басомъ Іосафъ.

— Чижу!—возражалъ въ свою очередь Мученіковъ.

— Не чижу, а вообще всякой птицѣ,—говорилъ настойчиво Іосафъ.—У меня, слава Богу!.. Я запасся этимъ добромъ!—прибавлялъ онъ съ удовольствіемъ и вытаскивалъ изъ кармана цѣлую пригоршню овсяной крупы, которую они съ Мученіковымъ сейчасъ же раздѣляли и тутъ же ее съѣдали.

Однажды Іосафъ какъ-то особенно таинственно былъ вызванъ своимъ пріятелемъ изъ класса. Я потихоньку тоже вышелъ за ними. Сначала они походили по коридору, поговорили между собой о чемъ-то шопотомъ и прошли въ физическій кабинетъ. Тамъ Мученковъ сначала вытащилъ изъ своихъ широчайшихъ штановъ какой-то ящичекъ съ дырочками, осторожно открылъ его, и изъ него выпрыгнула мышь на ниточкѣ; потомъ вынулъ онъ оттуда что-то завернутое въ бумажку,—развернулъ—оказалось, что это былъ варганчикъ, на которомъ онъ и началъ потихоньку наигрывать, а мышка стала на заднія лапки и принялась какъ бы плясать. Ферапонтовъ смотрѣлъ на все это съ пожирающимъ вниманіемъ. Меня нѣсколько удивило, что такіе большіе гимназисты и чѣмъ занимаются! Самъ я, хотя и былъ гораздо моложе ихъ, давно уже отсталъ отъ всякихъ дѣтскихъ игръ и даже презиралъ ихъ...

Такъ дѣло шло до 5-го класса. Къ этому времени у Іосафа сильно уже проросъ подбородокъ бородою: середину онъ обыкновенно пробривалъ, оставляя на щекахъ довольно густыя бакенбарды, единственныя между всѣми гимназистами. Разъ мнѣ случилось наконецъ идти съ нимъ по одной дорогѣ.

— Ферапонтовъ! зайдите ко мнѣ,—сказалъ я почти умоляющимъ голосомъ.

— Что? Нѣтъ-съ! Зачѣмъ?—отвѣчалъ онъ.

— Мы покуримъ, потолкуемъ.

— Я не курю-съ.

— Ничего, вы попробуете! Пожалуйста, зайдемте.

— Пожалуй-съ,—проговорилъ наконецъ Іосафъ, какимъ-то нерѣшительнымъ тономъ и зашелъ, но какъ-то чрезвычайно робко. Встрѣтившей насъ нашей дворовой женщинѣ Авдотьѣ онъ поклонился самымъ почтительнымъ образомъ, и когда мы вошли въ мою комнату, онъ кажется, не рѣшался сѣсть.

— Садитесь, пожалуйста, Ферапонтовъ,—сказалъ я и началъ старательно выдувать и закуривать для него трубку.

Іосафъ два раза курнулъ и возвратилъ ее мнѣ.

— Нѣтъ-съ, горько, я не умѣю!—сказалъ онъ.

— Да вы вотъ какъ!—объяснялъ я ему и, ради поученія его, отчаянно затянулся.

— Я не умѣю-съ,—повторилъ Іосафъ. Онъ, видимо, болѣе всего въ эту минуту былъ занятъ тѣмъ, чтобы спрятать подъ кресло свои дырявые и сильно загрязненные сапоги.

— Послушайте,—сказалъ я, небрежно разваливаясь на диванѣ:—что вы дома дѣлаете, когда изъ класса приходите?

— Да что? Уроки учу; ну, и по дому тоже кое-что подѣлаешь.

— А читать вы любите?—спросилъ я, никакъ не предполагая, что Іосафъ даже не пойметъ моего вопроса.

— Что читать-съ?—спросилъ онъ меня самымъ невиннѣйшимъ тономъ.

— Повѣсти, романы, вотъ какъ этотъ,—сказалъ я, показывая на лежавшій въ то время у меня на столѣ «Фрегатъ Надежда», который я только что наканунѣ проглотилъ съ неистовою жадностью.

— Нѣтъ-съ, я не читывалъ,—отвѣчалъ Ферапонтовъ.

Въ это время Авдотья подала намъ чай. Іосафъ вдругъ сталъ отказываться.

— Отчего же вы не пьете? Пейте!—сказалъ я.

Ферапонтовъ, конфузясь, взялъ чашку, проворно выпилъ ее и, покрывъ, возвратилъ, неловко раскланиваясь передъ Авдотьей.

— Кушайте еще,—сказала та, улыбаясь.

Іосафъ окончательно растерялся.

— Пейте, Ферапонтовъ. Налей! — проговорилъ я.

Іосафъ и эту чашку такъ же поспѣшно выпилъ и, закрывъ, возвратилъ, снова расшаркавшись передъ Авдотьей.

— Знаете что, Ферапонтовъ,—сказалъ я, рѣшившись ни за что не выпускать изъ рукъ новаго пріятеля:—давайте заниматься вмѣстѣ по-латыни.

Вы вотъ этакъ заходите ко мнѣ послѣ класса, и мы станемъ переводить.

— Хорошо-съ, пожалуй, — отвѣчалъ подумавши Іосафъ и взялся за фуражку.

Я предложилъ ему покурить. Онъ сдѣлалъ это, кажется, болѣе для моего удовольствія и ушелъ.

— Что это у васъ какой баринъ-то былъ?— сказала мнѣ Авдотья, послѣ его ухода.

— Что же?—спросилъ я.

— Да и на барчука-то совсѣмъ непохожъ, словно лакеишка какой,—рѣшила она.

— Напротивъ, это славный малый!—возразилъ я и не счелъ за нужное объяснять ей болѣе.

Дня черезъ два мы принялись съ Ферапонтовымъ за латынь. Оказалось, что въ этомъ дѣлѣ онъ гораздо дальше меня ушелъ. Знанія входили туго въ его голову, но, разъ уже попавши туда, никогда оттуда не выскакивали: всѣ знакомыя ему слова онъ помнилъ точнѣйшимъ образомъ, во всѣхъ ихъ значеніяхъ; таблицы склоненій, спряженій, всѣ исключенія были у него какъ на ладони.

Мы принялись: Іосафъ началъ съ невозмутимымъ вниманіемъ скандовать стихи, потомъ разбивалъ ихъ на предложеніе, отыскивалъ подлежащее, сказуемое. Переводъ онъ писалъ аккуратнѣйшимъ почеркомъ, раза два принимался для

этого чинить перо, прописывалъ сполна каждое слово и ставилъ всѣ грамматическіе знаки.

— Вы, Ферапонтовъ, конечно, въ университетъ поступите?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, гдѣ же-съ! Я состоянія не имѣю.

— Да вамъ только доѣхать до Москвы, а тамъ васъ сейчасъ же примутъ на казну.

— Нѣтъ-съ, невозможно это... Я несмѣлый такой! Гдѣ мнѣ!—отвѣчалъ онъ и вздохнулъ.

Вскорѣ, около этого времени съ нимъ случилась по гимназіи новая бѣда. Пріятель его Мученниковъ, и съ виду, какъ мы знаемъ, довольно суровый, имѣлъ при этомъ рѣшительно какія-то кровожадныя наклонности. Не проходило почти ни одной на площади казни, на которой бы онъ не присутствовалъ, и обыкновенно стоялъ, молодцовато подбоченившись рукой, и съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ прислушивался, какъ стоналъ преступникъ. Во всѣхъ кулачныхъ бояхъ между фабричными онъ непремѣнно участвовалъ и нерѣдко возвращался оттуда съ сильно помятыми боками, но всегда очень довольный. Любимой его прогулкой было ходить на городскую скотобойню и наблюдать тамъ, какъ убивали скотину. Говорятъ даже, онъ иногда самъ выпрашивалъ у мясниковъ топоръ и собственными руками убивалъ огромнѣйшихъ быковъ.

Не имѣя вѣроятно долгое время подобныхъ

развлеченій, онъ придумалъ новую штуку: былъ въ гимназіи нѣкто маленькій и ужасно паршивый гимназистикъ Красноперовъ, который, чтобы какъ-нибудь отбиться отъ ученія, вдругъ вздумалъ притвориться нѣмымъ: его и упрашивали, и лечили; но онъ показывалъ только знаки руками, дѣлалъ гримасы, какъ бы усиливаясь говорить, но не произносилъ ни одного звука. Мученіковъ все это намоталъ себѣ на усъ и разъ, когда они, по обыкновенію, проходили по бульвару съ Іосафомъ домой, впереди ихъ шелъ именно тотъ самый гимназистикъ, очень печальная фигурка, въ дырявой шинелькѣ и съ сумкой черезъ плечо; но ничто это не тронуло Мученикова.

— Попытаемъ его!—сказалъ онъ вдругъ Іосафу, сдѣлавъ знакъ глазами.

— Ну, нѣтъ, что!—отозвался было тотъ сначала.

— Право, попробуемъ... — проговорилъ Мученіковъ.

Іосафъ отвѣчалъ на это уже только одной улыбкой, и Мученіковъ, понагнавъ Красноперова, сталъ его приманивать.

— Поди-ка сюда, поди, я тебѣ пряничка дамъ!—говорилъ онъ, и когда тотъ, не совсѣмъ довѣрчиво, подошелъ, онъ схватилъ его за шиворотъ, повернулъ у себя на колѣнѣ и, велѣвъ Іосафу нарвать тутъ же растущей крапивы, насо-

валъ ее-бѣдному нѣмому за пазуху, подъ рубашонку, въ штанишки, въ сапоги, а потомъ началъ его щекотать. Тотъ закорчился, зашевелился; крапива принялась его жечь во всевозможныхъ мѣстахъ Сначала онъ визжалъ только на цѣлый бульваръ, наконецъ не вытерпѣлъ—заговорилъ и забранился.

— А! Такъ ты, бестія, не нѣмой... говоришь!— проговорилъ Мученіковъ и затѣмъ, давъ своей жертвѣ еще нѣсколько шлепковъ въ задъ, отпустилъ. Несчастный мальчикъ, забывъ всякую нѣмоту, прибѣжалъ къ отцу и все разсказалъ. Тотъ поѣхалъ къ директору. Мученикова сейчасъ же исключили изъ гимназіи, а Іосафъ спасся только тѣмъ, что былъ первымъ ученикомъ. Его однако смѣнили изъ старшихъ и записали на черную доску.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?—спросилъ я его однажды.

Ферапонтовъ покраснѣлъ.

— Такъ, чортъ знаетъ зачѣмъ!—отвѣчалъ онъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ, щупая у себя голову:—у меня впрочемъ, кажется, есть шишка жестокости. Я, пожалуй, способенъ убить и себя, и кого другого.

Взглянувъ на его нѣсколько сутуловатую и широкоплечую фигуру, я невольно подумалъ, что врядъ ли онъ говоритъ эту фразу.

Въ дальнѣйшемъ моемъ сближеніи съ Ферапонтовымъ онъ оставался тѣмъ же и, бывая у меня уже довольно часто, попрежнему или ничего не отвѣчалъ на всѣ мои разспросы, которыми я пробовалъ его со всѣхъ сторонъ, и только однажды, когда какъ-то случайно рѣчь зашла о рыбной ловлѣ, онъ вдругъ разговорился.

— Ночь теперь если тихая...—началъ онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ,—вода не колыхнется, какъ зеркало... Смола на носу у лодки горитъ... огромнымъ такимъ кажется пламенемъ... Воду всю освѣщаетъ до самаго дна: какъ на тарелкѣ, все разсмотрѣть можно, каждый камешекъ... и рыба теперь попадается... спитъ... щука всегда противъ воды... ударишь ее острогой... встрепенется... кровь изъ нея брызнетъ въ воду—розовая такая...

— Вамъ бы, Ферапонтовъ, на вакацію куда-нибудь въ деревню ѣхать,—перебилъ я его, рѣшившись тоже напридумать и насказать ему, какъ и я ловлю рыбу.

— Что деревня; мы теперь съ Мученковымъ все равно—почесть что всю вакацію дома не живемъ... Разъ такъ на Авоньковской горѣ цѣлую недѣлю съ нимъ жили,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Что-жъ вы дѣлали тамъ?

— Ничего не дѣлали... извѣстно... по ягоды ходимъ, молока себѣ потомъ купимъ, съѣдимъ ихъ

съ нимъ. Виды тамъ отличные; верстъ на 60 кругомъ видно. Городъ здѣшній, какъ на ладони, да окромя того селъ двадцать еще видно.

— А какъ вы птицъ ловите?—спросилъ я.

— Птицы что!.. Тоже охоту на это надо имѣть,—отвѣчалъ Іосафъ уклончиво.

Я какъ-то передъ тѣмъ имѣлъ неосторожность посмѣяться надъ его птицесловствомъ, и онъ постоянно по этому предмету отмалчивался.

Другой разъ, это было впрочемъ въ 7-мъ уже классѣ, Іосафъ пришелъ ко мнѣ, чего съ нимъ прежде никогда не бывало, часу въ одиннадцатомъ ночи. На лицѣ его была написана тревога. Съ первыхъ же почти словъ онъ спросилъ меня робкимъ голосомъ:

— А что, можно у васъ ночевать?

— Сдѣлайте одолженіе. Но что такое съ вами, Ферапонтовъ? Вы какой-то разстроенный.

Іосафъ сначала ничего было мнѣ не отвѣчалъ, но я повторилъ свой вопросъ.

— Да такъ!.. Съ отцомъ неудовольствіе вышло... пришелъ пьяный... разсердился на меня, да взялъ мои гусли и разбилъ топоромъ... на мелкіе куски изрубилъ... а у меня только и забавы по зимамъ было.

— И что-жъ вы? Играли на нихъ?

— Игралъ немного!..

— Кто-жъ васъ училъ?

— Кое-что самъ дошелъ, а другое отецъ дьяконъ отъ Преображенія поучилъ... Есть же, Господи, такіе на свѣтѣ счастливые люди,—продолжалъ онъ съ горькой улыбкой:—вонъ Пеклису отецъ и скрипку новую купилъ, и учителя нанимаетъ, а мой благовѣрный родитель только и выискиваетъ, нельзя ли какъ-нибудь разобидѣть... Лучше бы меня избилъ, какъ хотѣлъ, чѣмъ это сдѣлалъ. Никакого терпѣнья не достаетъ... Богъ съ нимъ.

На глазахъ Іосафа навернулись слезы. Прежде онъ никогда на отца не жаловался и вообще ничего не говорилъ о немъ. Я сталъ его утѣшать, говоря, что ему лучше на чемъ-нибудь другомъ выучиться, что нынче на гусляхъ никто уже не играетъ.

— Что-жъ мнѣ дѣлать, коли у меня ничего другого нѣтъ. И то спасибо, послѣ покойнаго дѣдушки достались... Берегъ ихъ, какъ зѣницу ока, а теперь что изъ нихъ стало?.. Однѣ щепки!

Всю ночь потомъ, какъ я прислушивался, Іосафъ не спалъ и на другой день куда-то очень рано ушелъ: врядъ ли не пріискивать мастера, который бы взялся у него починить гусли.

— Вотъ чудакъ-то!—подумалъ я, очень еще смутно въ то время понимая, что мой высокорослый другъ, такъ уже сильно поросшій боро-

дою, былъ совершенный еще ребенокъ и въ то же время чистѣйшій идеалистъ.

Спустя полгода послѣ выпуска Ферапонтовъ, какъ я слышалъ, поступилъ въ Демидовскій лицей. Онъ пришелъ для этого въ Ярославль пѣшкомъ, и здѣсь его на самыхъ первыхъ порахъ выбрали въ пѣвчіе—пѣть самую низкую октаву. Это очень заняло Іосафа. Боже мой, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ обыкновенно поджидалъ подпраздничной всенощной. Встанетъ, бывало, на клиросъ, нѣсколько въ глубь его. Церковь между тѣмъ начинаетъ наполняться народомъ. Впереди становятся дамы, хоть и разодѣтыя, и раздушенныя, но старающіяся придать своимъ лицамъ кроткое и постное выраженіе. За ними слѣдуютъ купцы съ сильно намасленными головами и сзади нихъ лакеи въ ливреяхъ или солдаты въ своихъ сермягахъ. Выходятъ изъ алтаря дьяконъ со свѣчей и священникъ съ кадиломъ. Оба они въ дорадоровыхъ ризахъ. Обоняніе Іосафа начинаетъ пріятно щекотать запахъ ладана; съ какимъ-то самоуслажденіемъ онъ тянетъ свою ноту и въ то же время прислушивается къ двумъ мягкимъ и складнымъ тенорамъ.

Наступившая потомъ Страстная недѣля принесла ему еще бо́льшія наслажденія. Почти съ восторгомъ онъ ходилъ на эти маленькія вечерни. Весеннее солнце, свѣтившее съ западной стороны

въ огромныя и уже выставленныя окна, обливало всю церковь яркимъ, янтарнымъ блескомъ, такъ что синеватые и едва колеблющіеся огоньки зажженныхъ передъ иконостасомъ свѣчей едва мерцали въ немъ. Говѣльщики стояли по большей части съ потупленными головами: одни изъ нихъ слегка и едва замѣтно крестились, а другіе, напротивъ, дѣлали огромныя крестныя знаменія и потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего начинали до поту лица кланяться въ землю. Іосафъ вмѣстѣ съ хоромъ пѣлъ столь любезныя ему пѣсни Дамаскина. «*Блюди убо, душе моя, да не сномъ отяготишися*», или «*Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный*» держалъ онъ крѣпко на своей октавѣ, ни разу не срываясь. Но вотъ въ пятницу вынесли плащаницу. Хоръ запѣлъ: «*Не рыдай мене, мати, зряще во гробѣ*». Іосафъ, нѣсколько прячась въ воротникъ своей шинели, тоже басилъ, стараясь смигнуть навернувшіяся на глазахъ слезы. Онъ чувствовалъ, что изъ груди его выходятъ хотя и низкіе, но одушевленные звуки.

Помнилъ онъ также и Троицынъ день. Народу въ церкви было—яблоку упасть негдѣ: все больше женщины, и всѣ, кажется, такія хорошенькія, всѣ въ бѣлыхъ или свѣтлоголубыхъ и розовыхъ платьяхъ и всѣ съ букетами въ рукахъ благоухающей сирени—прекрасно.

За этими почти единственными поэтическими

для бѣднаго студента минутами слѣдовала бурсацкая жизнь въ казенныхъ номерахъ, безъ семьи, безъ всякаго развлеченія, кромѣ вѣчнаго долбленія профессорскихъ лекцій, мрака и смерти преисполненныхъ, такъ что Іосафъ почти несомнѣнно полагалъ, что всѣ эти мелкіе примѣры изъ исторіи Греціи и Рима, весь этотъ строгій разумъ математики, всѣ эти толки въ риторикахъ объ изящномъ—сами по себѣ, а жизнь съ колотушками въ дѣтствѣ отъ пьяныхъ папенскъ, съ безтолковой школой въ юности и, наконецъ, съ этой вѣчной бѣдностью, обрывающей малѣйшій расцвѣтъ вашихъ юношескихъ надеждъ,—тоже сама по себѣ, и что между этимъ нѣтъ да и быть никогда не можетъ ничего общаго.

Въ этомъ нравственномъ полуусыпленіи не суждено было, однако, Іосафу заглохнуть навсегда: на второмъ, кажется, курсѣ онъ какъ-то вечеромъ вышелъ прогуляться и на одной изъ главныхъ улицъ встрѣтилъ цѣлую ватагу студентовъ. Впереди всѣхъ шелъ нѣкто своекоштный студентъ Охоботовъ, присланный въ училище на выучку отъ Войска Донского и остававшійся въ оном лѣтъ уже около пяти, такъ что начальство его, наконецъ, спросило бумагой училищное начальство: какъ и что Охоботовъ и скоро ли, наконецъ, выучится? Его призвали въ совѣтъ и спрашиваютъ: что отвѣчать на это?

— Да пишите, что начинаю подавать надежды,—отвѣчалъ онъ очень спокойно. Всѣ разсмѣялись, но такъ и написали. Охоботовъ же попрежнему продолжалъ почитывать и заниматься, чѣмъ ему хотѣлось, а главное—пребывать въ извѣстномъ студенческомъ трактирѣ «Бычокъ», гдѣ онъ съ другими своими товарищами, тоже постоянно тутъ пребывавшими, игралъ на бильярдѣ, спорилъ, разсуждалъ и вообще слылъ между ними за очень умнаго и душевнаго малаго.

Въ настоящемъ случаѣ онъ шелъ что-то очень мрачный, скоро шагая и нахлобучивъ фуражку. Поравнявшись съ Ферапонтовымъ, онъ остановилъ его.

— Пушкинъ раненъ на дуэли и умеръ,—сказалъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

Іосафъ молча посмотрѣлъ на него: онъ не безъ удивленія замѣтилъ, что глаза у Охоботова были какъ-бы воспалены отъ слезъ.

— Сейчасъ идемъ къ Вознесенью служить панихиду по немъ. Идемъ съ нами!—проговорилъ Охоботовъ.

Іосафъ механически повернулъ и все еще хорошенько не могъ понять, что это значитъ. На улицахъ между тѣмъ царствовала совершенная тишина. Неторопливо и въ какомъ-то молчаніи прошли всѣ до самой церкви. Передъ домомъ священника Охоботовъ взялся вызвать его и дѣй-

ствительно черезъ нѣсколько минутъ вышелъ со священникомъ, который только моталъ отъ удивленія головой.

— Ну, ужъ вы, господа студенты, народецъ!— говорилъ онъ, отпирая огромнымъ ключомъ огромную церковную дверь. Вошли. Всѣхъ обдало мракомъ и сыростью. Засвѣтили нѣсколько свѣчекъ. Іосафу и другому еще студенту, второму басу послѣ него, поручили исполнять обязанности дьячковъ. Священникъ надѣлъ черныя ризы и началъ литію. Послѣ возгласа его: «*упокой, Господи, душу усопшаго раба Александра*», Ферапонтовъ и товарищъ его, громко, такъ что потряслись церковные своды, запѣли: «вѣчная память!» Прочіе студенты тоже имъ подтягивали, и всѣ почти навзрыдъ плакали.

— Ну, панихида—не лицемѣрная.... не фальшивая!—говорилъ священникъ, кончивъ службу и пожимая руку то того, то другого изъ студентовъ.

Выйдя изъ церкви, Охоботовъ распорядился, чтобы всѣ шли въ извѣстный ужъ намъ «Бычокъ». Іосафъ тоже послѣдовалъ туда. Въ заведеніи этомъ была даже отведена для студентовъ комната, въ которую не многіе уже изъ посторонней публики рисковали входить.

— Господи!—проговорилъ Охоботовъ, садясь на свое обычное мѣсто на диванъ и грустно

склоняя голову:—вчера еще только я читалъ съ Машей его «Онѣгина»... точно онъ напророчилъ себѣ смерть въ своемъ Ленскомъ... Гдѣ теперь «и жажда знанья и труда... и вы, завѣтныя мечтанія, вы—признакъ жизни неземной, вы—сны поэзіи святой»—все кончено! Кусокъ мяса и глины остался только, и больше ничего!

— Это ужасно!—воскликнулъ молоденькій студентъ, тоже садясь и ероша волосы.

— Да, скверниссимо, — подтвердилъ второй басъ.

Іосафъ на все происходившее смотрѣлъ, выпуча глаза.

— Не скверниссимо, а подлиссимо!—воскликнулъ вдругъ Охоботовъ:—Вотъ онъ!—прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по лежавшему на столѣ номеру «*Сѣверной Пчелы*»: — этотъ паукъ, скорпіонъ *), жалившій всю жизнь его, живъ еще, когда онъ умеръ...

— Это чортъ знаетъ, что такое!—опять повторилъ молоденькій студентъ, застучавъ руками и ногами.

— Да разстрѣляемте-жъ, коли то... портретъ его собачьяго сына, якъ робятъ-то въ Хранціи съ дурнями, якій убѣгъ, — проговорилъ вдругъ

*) Редакторъ «Сѣверной Пчелы» Булгаринъ, противникъ Пушкина.

Священникъ началъ литію ...

смирнѣйшій студентъ хохолъ, все время до того молчавшій.

Всѣ посмотрѣли на него съ недоумѣніемъ.

— Онъ же тутъ виситъ! — объяснилъ онъ, показывая на одну изъ стѣнъ, на которой, дѣйствительно, между нѣсколькими портретами писателей, висѣлъ и портретъ извѣстнаго антагониста Пушкина. Мысль эта всѣмъ очень понравилась.

— Отлично, безподобно,—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Охоботовъ, хоть и не совсѣмъ довольный этой полумѣрой, тоже согласился.

Молоденькій студентъ взялся домой сбѣгать за ружьемъ. Пришли было половые и самъ хозяинъ трактира и стали упрашивать господъ: сдѣлать милость, не буянить. Но имъ объявили, что за портретъ имъ заплатятъ, а самихъ прогнали только что не въ шею. Ружье было принесено. Оказалось, что это былъ огромный старинный карабинъ. Послѣдовалъ вопросъ—кому стрѣлять?

Всѣмъ хотѣлось.

— Ферапонтову,—распорядился Охоботовъ.

— Пожалуй-съ!—отвѣчалъ тотъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ и, взявъ ружье, неторопливо прицѣлился и выстрѣлилъ. На мѣстѣ лица очутилась пуля.

— Ура Ферапонтову! Браво!—прокричала почти въ одинъ голосъ вся ватага.

Іосафъ продулъ ружье и поставилъ его къ сторонкѣ. Попадись, кажется, въ эту минуту ему и самъ оригиналъ, онъ и съ тѣмъ бы точно такъ же спокойно распорядился. Домой онъ пришелъ въ сильномъ раздумьѣ: какъ человѣкъ умный, онъ хорошо понималъ, что подобнаго энтузіазма и такой неподдѣльной горести нельзя было внушить даромъ; но почему и за что все это? Къ стыду своему, Іосафъ долженъ былъ признаться самому себѣ, что онъ ни одного почти стихотворенія и не читывалъ, кромѣ тѣхъ, которыя задавались ему въ гимназіи по риторикѣ Кошанскаго. Онъ на другой же день потихоньку сходилъ къ библіотекарю и выпросилъ у него всѣ, какія были, сочиненія Пушкина и принялся: читалъ онъ день... два, и—странное дѣло, какъ будто бы цѣлый міръ новыхъ ощущеній открылся въ его душѣ, и больше всего ему понравились эти благородныя и въ высшей степени поэтичныя отношенія поэта къ женщинѣ. Искусившись такимъ образомъ, Іосафъ рѣшительно уже сталъ не въ состояніи зубрить лекціи и безпрестанно канючилъ то у того, то у другого изъ своихъ товарищей дать ему что-нибудь почитать: будь-то романъ, или рукописная въ стихахъ поэма, или книжка какого-нибудь разрозненнаго журнала. Долго и потомъ Іосафъ

вспоминалъ это время, какъ счастливѣйшее въ своей жизни. Почти въ лихорадкѣ отъ нетерпѣнія онъ запасался обыкновенно отъ сторожа на цѣлую ночь свѣчкой и, улегшись на своей койкѣ, принимался читать. Сколько прелестныхъ мѣстностей возсоздалось въ его воображеніи; передъ нимъ проходили, какъ бы живыя, совершенно новыя и незнакомыя ему лица, но понятныя по общечеловѣчности страстей людскихъ. И только черезъ полгода такого какъ-бы запоя читательскаго онъ отвлеченъ былъ нѣсколько въ другую сторону. Къ нимъ присланъ былъ новый профессоръ, молодой, энергичный. Онъ на первой же лекціи горячо заговорилъ о равенствѣ людей, о Христѣ, ходившемъ по песчанымъ степямъ, посреди нищей братіи и блудницъ; кромѣ того, сталъ приглашать къ себѣ на домъ студентовъ, читалъ съ ними, толковалъ имъ разныя свои задушевныя убѣжденія. Главнымъ и почти единственнымъ оппонентомъ ему въ этихъ бесѣдахъ явился Охоботовъ, который, по свойству своей упрямой казацкой натуры идти всѣмъ и во всемъ напротивъ, вдругъ вздумалъ отстаивать то положеніе, что *все на свѣтѣ благо и истинно, что существуетъ*. Профессоръ страшно громилъ противъ этого. Топая ногами и стуча кулаками, онъ кричалъ, что подло и низко всякое ярмо, которое надѣнутъ на васъ и кото-

рое безпрестанно третъ вамъ шею, считать благомъ и истиною.

Желудки казенныхъ студентовъ, кажется, первые изъявили на эту мысль свое полное согласіе и подстрекнули своихъ владѣльцевъ объявить, наконецъ, протестацію экономy, начавшему ихъ кормить только что не осиновыми дровами, поджаренными на водѣ. Ферапонтовъ сначала было не принималъ никакого участія въ этомъ; но въ рѣшительную минуту, когда за однимъ изъ обѣдовъ начался заранѣе условленный шумъ, и когда экономъ началъ было кричать:—не будетъ вамъ другой говядины. Ѣдите и такую!.. Вотъ она, тутъ, на столѣ стоитъ... Что вы съ ней сдѣлаете?

— А вотъ что!—вскричалъ вдругъ Іосафъ и, схвативъ со стола блюдо, швырнулъ его въ окно, такъ что оно пролетѣло возлѣ самаго виска экономa, и затѣмъ, по тому же направленію, послѣдовали ломти хлѣба, солонки, тарелки и даже ножи. Экономъ едва спасся бѣгствомъ. Начальство было чрезвычайно сконфужено этимъ дѣломъ и потому ограничилось только тѣмъ, что студентовъ пожурило, экономa смѣстило, но зато на молодого профессора была послана такого рода бумажка и такъ здобно приправленная, что ему сейчасъ же предложили выйти въ отставку; но, какъ бы то ни было, толчокъ ужъ былъ данъ: въ головѣ Іосафа, какъ вѣроятно и у многихъ дру-

гихъ его товарищей, перевернулось многое. Онъ уже ясно сталъ понимать, что свойство жизни вовсе не таково, чтобы она непремѣнно должна быть гадка, а что напротивъ тутъ очень многое зависитъ отъ заведеннаго порядка. Кончивши курсъ такимъ образомъ, онъ очутился какъ бы на какомъ-то нравственномъ распутьи: въ немъ было множество возбуждено прекрасныхъ инстинктовъ но и только! Протестантъ почти противъ всего, но во имя какого знамени, и самъ того хорошенько не зналъ. Ненавидя до глубины души всякій начальствующій авторитетъ, я не знаю, врядъ ли бы и самъ удержался, если бы только случай выпалъ, обнаружить грубѣйшій произволъ. Зналъ онъ, пожалуй, и многое, но все какъ-то отрывочно, случайно и не пригодно ни для какого практическаго дѣла, а между тѣмъ угрожающее ему впереди житейское положеніе было почти отчаянное.

РУССКІЕ ЛГУНЫ.

(Очерки).

Люди, названные мною въ заголовкѣ, вѣроятно, знакомы читателю. Когда я встрѣчался съ ними въ жизни, они производили на меня скуку, тоску и озлобленіе; но теперь, отодвинутые отъ меня временемъ и обстоятельствами, они стали дороги моему сердцу. Въ нихъ я вижу столько національнаго, близкаго, роднаго мнѣ... Начавъ съ простѣйшихъ элементовъ, мнѣ, вѣроятно, придется перейти и къ гораздо болѣе высшимъ типамъ. Поле мое, такимъ образомъ, широко. Я только робѣю за свои силы, чтобы

Б эти фигуры отлить изъ достойнаго металла, съ искусствомъ и точностью, достойными самаго предмета, и въ этомъ случаѣ напередъ прошу читателя обращать вниманіе не столько на тѣхъ добрыхъ людей, про которыхъ мнѣ придется разсказывать, какъ на тѣ мотивы, на которые они лгали.

Выдумывая, всякій человѣкъ, разумѣется, старается выдумывать и приписать себѣ самое лучшее, и это лучшее, по большей части, беретъ изъ того, что и въ обществѣ считается за лучшее. Лгуны временъ Екатерины лгали совсѣмъ по другой модѣ, чѣмъ лгутъ въ наше время. Прислушиваясь со вниманіемъ къ тѣмъ темамъ, на которыя извѣстная страна, въ извѣстную эпоху, лжетъ и фантазируетъ, почти безошибочно можно опредѣлить степень умственнаго, нравственнаго и даже политическаго развитія этой страны.

I.

Конкурентъ.

Антонъ Ѳедотычъ Ступицынъ, носившій довольно странный чинъ штыкъ-юнкера въ отставкѣ, въ собраніи. Онъ проходитъ изъ буфета въ залу, съ удовольствіемъ втягивая въ себя запахъ накуреннаго одеколона. Публики еще никого нѣтъ, и только у колонны стоитъ молодой человѣкъ, Не-

труша Ко обовъ, закинувъ голову назадъ и вообще въ довольно отчаянной позѣ. Антонъ Ѳедотычъ, находя въ немъ удобную для себя жертву, начинаетъ къ нему приближаться, но не вдругъ, а исподволь, какъ обходятъ обыкновенно охотники дрофу. Сначала онъ сдѣлалъ довольно большой полукругъ около него, потомъ поменьше, наконецъ въ третьемъ сталъ ужъ лицомъ къ лицу съ нимъ.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть Петрушу Коробова?—отнесся онъ къ нему, какъ-бы совершенно еще къ мальчику.

Антону Ѳедотычу и въ голову не приходило принять въ соображеніе, что сей юный птенецъ тринадцати лѣтъ бѣжалъ безъ позволенія родителей изъ корпуса, прожилъ затѣмъ въ Петербургѣ десять лѣтъ безъ копѣйки денегъ и даже безъ бумагъ для свободнаго проживанія, а потому зналъ жизнь и могъ понимать людей.

— Точно такъ-съ!—отвѣчалъ молодой человѣкъ совершенно развязно.

— Еще маменьки вашей пользовался расположеніемъ!..

— Ахъ, да! Очень радъ.

Антонъ Федотычъ, на всякій случай, взялъ легонько за руку своего новаго знакомаго.

— Неугодно-ли?—сказалъ онъ, показывая ему другой рукой на стоявшіе два стула.

Молодой человѣкъ повиновался, и оба они усѣлись.

— Хорошенькое зальцо!.. — началъ Антонъ Ѳедотычъ, недоумѣвая еще, въ которую сторону ему хватить.

— Да, но паркетъ нехорошъ!—замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Очень нехорошъ! — подхватилъ радостно Антонъ Ѳедотычъ: слова эти прямо навели его на тему:—а все вѣдь, ей-Богу, дворянство наше! Я предлагалъ имъ мой домъ, ничего-бы съ нихъ не взялъ—ѣздите, танцуйте; ну, а паркетъ у меня такой, что и въ московскомъ дворянскомъ собраніи, пожалуй, такого нѣтъ.

— Это вашъ домъ на Ивановской-то?—замѣтилъ ему насмѣшливо его собесѣдникъ.

— Да, на Ивановской!—отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ.

— Зачѣмъ-же тамъ паркетъ? И домъ то весь развалился.

— Случай!... — отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ, дѣлая видъ, что какъ-бы не слыхалъ послѣдняго замѣчанія:—пріѣхалъ я разъ въ Москву, и такъ какъ у меня всегда есть свободныя деньги, я люблю, знаете, шляться по разнымъ этимъ аукціонамъ (Антонъ Ѳедотычъ въ жизнь свою не бывалъ ни на одномъ аукціонѣ и даже хорошенько не зналъ, какъ это дѣлается); только разъ вдругъ

объявляютъ *паркетъ*: тамъ далъ кто-то какую-то цѣну, я далъ рубль больше, третій сказалъ еще рубль, я говорю два—за мной и остался. Чортъ знаетъ, зачѣмъ и для чего купилъ паркетъ!.. Ведутъ меня показывать, вижу, цѣлая комната завалена какими-то деревянными кусочками. Дѣлать, однако, нечего: велѣлъ я своему человѣку купить ящиковъ, собрали мы съ нимъ всю эту дрянь, повезли во-свояси... Домъ у меня тогда только еще отстраивался. Дай-ка, думаю, не будетъ-ли чего-нибудь изъ моего паркета? Призываю я мастера. «Можешь-ли, говорю, братецъ, собрать все это?»—«Могу-съ!» говоритъ...—«Ну, начинай съ Богомъ!» Только вижу, онъ работаетъ день, другой... Меня любопытство взяло; иду я къ нему. «Что же, говорю, братецъ?»—«Да, батюшка, говоритъ, и вольте посмотрѣть, какая штука выходитъ!» Смотрю я: все это ужъ у него разложено и какъ-бы на самой превосходнѣйшей картинѣ изображено *Бородинское сраженіе*... Лица всѣхъ извѣстныхъ генераловъ какъ живыя; все это, знаете, выдѣлано изъ дерева. «Батюшка, говоритъ паркетникъ: мнѣ за такой паркетъ рядной цѣны взять нельзя».—«Да бери, говорю, братецъ что хочешь, только увѣковѣчь ты мнѣ это сокровище».

— До сихъ поръ такъ съ генералами и стоитъ?—спросилъ Коробовъ, нисколько, повидимому, не удивленный разсказомъ Антона Ѳедотыча.

— До сихъ поръ съ генералами!—отвѣчалъ тотъ.

— Такъ какъ-же по генеральскимъ-то лицамъ танцовать и ходить ногами неловко.

— Очень неловко!—засмѣялся Антонъ Ѳедотычъ.

Молодой человѣкъ, между тѣмъ, придалъ какъ-бы мыслящее выраженіе своему лицу, потомъ тряхнулъ кудрями и началъ:

— У меня въ Петербургѣ тоже были всегда свободныя деньги, и я разъ тоже на аукціонѣ купилъ для маменьки часы; оказалось потомъ, что они съ будильникомъ...

— Быв стъ, съ такой, знаете, особенной машиной! — подтвердилъ Антонъ Ѳедотычъ и показалъ даже рукою какъ-бы нѣкоторое подобіе машины.

— Да дѣло не въ машинѣ, а въ томъ, что часы будили въ восемь часовъ, именно когда маменька привыкла вставать.

— Скажите! — произнесъ Антонъ Ѳедотычъ съ нѣкоторой дозой вниманія.

— И это ничего! Но они будили не шумомъ, какъ будятъ обыкновенные часы, а выкрикивали человѣческимъ голосомъ: «вставайте!... вставайте!...»

— Скажите!—произнесъ опять Антонъ Ѳедотычъ, возвысивъ на значительное число нотъ

свое вниманіе и даже показывая нѣкоторое удивленіе.

— И это еще ничего!—доколачивалъ его молодой человѣкъ:—будильникъ прибавилъ: вставайте, Клеопатра Григорьевна! — имя мамаши выговаривалъ.

— Да, это пріятно!—замѣтилъ Антонъ Ѳедотычъ, какъ-то насильственно улыбаясь.

Онъ поставленъ былъ въ странное положеніе. Весь его умъ и соображеніе какъ бы подернулись какимъ-то туманомъ. Въ молодомъ человѣкѣ онъ видѣлъ точно двойника своего, который могъ совершенно тоже дѣлать, что и онъ дѣлалъ.

— Вы вотъ справедливо сказали,—началъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья:—домъ у меня, точно что здѣсь старъ. Непріятна, знаете, ветхость эта, а потому я гораздо больше люблю жить въ усадьбѣ своей.

— А у васъ хорошая усадьба? — спросилъ Коробовъ.

— Превосходная-съ! Насчетъ угодій раскажу вамъ только одно. Разъ, лѣтомъ, погода этакая прекрасная стояла; сижу я съ семействомъ у себя на балконѣ; вдругъ слышу колокольчикъ. «Кто такой?» думаю. Оказывается, становой пріѣхалъ. Ну, очень радъ. «Антонъ Ѳедотычъ—говоритъ—къ вамъ архіерей сейчасъ пріѣдетъ. Услышалъ, что вы поблизости: «везите, везите,

говоритъ, меня къ нему»; я нарочно прискакалъ васъ предувѣдомить»... И точно что я со всѣми этими высокими духовными особами всегда былъ друженъ, потому что и въ молодости, и до сихъ поръ люблю заниматься этой богословіей; только дѣло въ томъ, что мы, съ семействомъ, по слабости нашихъ комплекцій, всегда ѣдимъ скоромное... Но вѣдь это—монахи; по званію своему, они не могутъ этого дѣлать. Призываю я управляющаго.—«Скачи, говорю, братецъ, въ городъ, плати тамъ сколько хочешь, только доставай намъ рыбы».—«Ничего-съ, говоритъ, и около дома найдемъ».—«Какъ около дома?»—«Да такъ ужъ, говоритъ, не извольте безпокоиться». Ну, я знаю, что онъ, дѣйствительно, человѣкъ расторопный, поуспокоился. Пріѣхалъ архіерей... сидимъ мы .. тарыбары распускаемъ, а меня, между тѣмъ, все червячокъ гложетъ: «ну какъ, думаю, не найдутъ рыбы?» Вдругъ этотъ самый управляющій меня вызываетъ.—«Пожалуйте, говоритъ, на прудъ, да и его-то преосвященство попросите». Возвращаюсь я къ гостямъ моимъ: «Вотъ, говорю, ваше преосвященство, дуракъ мой управляющій меня и васъ на прудъ выйти проситъ—тамъ что-то такое необыкновенное случилось». — «Хорошо, говоритъ, я очень радъ пройтись, а то все сидѣлъ». Выходимъ, и такъ-таки прямо намъ въ глаза, на берегу пруда—пуда въ два осетръ!..

— Бываетъ это! — подтвердилъ его слушатель. — Разъ мы съ мамашей тоже сидимъ на балконѣ, только слышимъ вдругъ колокольчикъ... Это чиновники изъ города ѣдутъ къ намъ, а между тѣмъ среда... Мы съ матушкой, по слабости нашего здоровья, ѣдимъ скоромное, а чиновники, по ихъ сану, всегда соблюдаютъ посты... (Повѣса на этотъ разъ не счелъ даже за нужное мѣнять фразъ Антона Ѳедотыча). Только я призываю къ себѣ управляющаго: «Скачи, говорю, плати что хочешь за рыбу».—«Достанемъ, говоритъ, и дома, да еще и съ дичью». Я сначала и повѣрилъ ему, но потомъ, когда чиновники пріѣхали, меня, какъ и васъ, сталъ тоже червячокъ погладывать: однако управляющій вскорѣ же вбѣгаетъ. «Пожалуйте, говоритъ, Бога ради съ гостьми на прудъ, да и винтовку ужъ захватите съ собой». — «Зачѣмъ винтовку?»—«Нужно», говоритъ... Бѣжимъ мы за нимъ. На берегу рѣки человѣкъ сорокъ мужиковъ тянутъ бредень... въ него попалъ медвѣдь, а бѣлуга ему въ ногу вцѣпилась!

Антонъ Ѳедотычъ даже ужъ и не усмѣхнулся на это; но тотчасъ же всталъ и отошелъ отъ своего собесѣдника и цѣлый вечеръ былъ какъ опущенный въ водѣ. Онъ [illegible], что занимаетъ своими ра[illegible]овѣка, а тотъ только см[illegible]!

II.

Богатые лгуны и бѣдный.

Наклонность полгать — въ какихъ она иногда кроткихъ душахъ живетъ! Я зналъ въ В...ѣ мѣщанина Петра Вакорина—чрезвычайно кроткаго малаго, обремененнаго огромнымъ семействомъ, неспособнаго ничего другаго дѣлать, какъ сходить за охотой, за грибами, рыбки поудить. Существовалъ онъ рѣшительно благодѣяніемъ одного подгороднаго помѣщика, Саврасова, честолюбивѣйшаго и надменнѣйшаго человѣка и въ то же время псоваго и ружейнаго охотника, который собственно и благодѣтельствовалъ Вакорину за то, что онъ выслѣживалъ ему иногда мѣста, удобныя для охоты, хоть тотъ по большей части и навиралъ въ этомъ случаѣ. Слабость попривирать въ Вакоринѣ, какъ въ существѣ загнанномъ, такъ умѣренно проявлялась, что ее почти никто и не замѣчалъ, а въ то же время она была, и очень была: придетъ иногда и разскажетъ женѣ, что видѣлъ орла съ орлятами, да улетѣли—канальство. А между тѣмъ никакихъ орлятъ не было, да и быть не могло. А то отправится въ сосѣдній монастырь къ обѣднѣ и тамъ, будто случайно, разскажетъ казначею: «Какую, ваше преподобіе, я на мельницѣ вашей щуку видѣлъ; пуда въ два,

надо полагать; вся сѣдая ходитъ, мохомъ ужь, значитъ, поросла»!.. Разгорятся жадностью казначейскія очи, велитъ онъ спустить омутъ—хотьбы пескарь! Начнутъ бранить Вакорина, непремѣнно тутъ присутствующаго; крестится, божится, что видѣлъ, тогда какъ самъ очень хорошо знаетъ, что видѣлъ нѣчто гораздо болѣе похожее на палку, чѣмъ на щуку.

Разъ его благодѣтель, Саврасовъ, на одной изъ своихъ осеннихъ охотъ, убилъ лисицу съ чернымъ хвостомъ. Можете себѣ представить, какъ это подѣйствовало на его гордую и самолюбивую душу! Со шкурой этой лисицы онъ сталъ по всѣмъ ѣздить, всѣмъ ее показывать. «Видали ли вы это?» говорилъ онъ, повертывая свой трофей передъ носомъ почти каждаго, и всякій благоразумный человѣкъ, разумѣется, придавалъ удивленное выраженіе своему лицу и говорилъ: «Да, да».

Случилось, что около того же времени Вакоринъ зашелъ къ исправнику, съ которымъ онъ состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ тоже по случаю рыбной ловли, такъ какъ всегда доставлялъ ему отличныхъ для удочки червяковъ, а когда самъ ходилъ съ нимъ зимою удить, такъ держалъ и отогрѣвалъ этихъ червяковъ у себя во рту.

Смиренно поклонясь хозяину и гостямъ его (у исправника въ это утро было человѣкъ нѣсколько изъ дворянства), Вакоринъ, въ своемъ

длинноломъ сюртукѣ, усѣлся въ уголку и, положивъ руки на колѣни, сталъ улыбаться своей доброй улыбкой всякому, кто только на него взглядывалъ. Хозяинъ, наконецъ, замѣтилъ его одинокое положеніе и обратился къ нему:

— Петруша, что ты тамъ все сидишь? Поди, выпей водочки!

Вакоринъ скромно всталъ, подошелъ къ закускѣ, несмѣлой рукой сталъ наливать себѣ рюмку. Въ это время двери съ шумомъ растворились, и въ гостиную вошелъ Саврасовъ съ лисьей шкурой въ рукахъ.

— Какъ вы это находите?—обратился онъ прямо къ хозяину, и ни съ кѣмъ почти не кланяясь.

— И словъ ужъ не нахожу, какъ это выразить!—отвѣчалъ тотъ, раболѣпно склоняя голову передъ гостемъ.

— Во всемъ европейскомъ ружейномъ мірѣ въ десять лѣтъ одинъ такой выстрѣлъ бываетъ!—сказалъ Саврасовъ.

На этотъ разговоръ ихъ Вакоринъ, не допивъ еще рюмки, отвелъ отъ нея свои кроткіе глаза и проговорилъ довольно громко:

— Каждый годъ по три такихъ штуки бью!

Хозяинъ уставилъ на дерзкаго удивленные глаза, а Саврасовъ сначала только попятился назадъ.

— Какъ, ты бьешь каждый годъ по три?— проговорилъ онъ, не могши еще придти въ себя.

— Бью-съ!—отвѣчалъ, покраснѣвъ, Вакоринъ.

— Бьешь?—проговорилъ опять Саврасовъ.

— Бью-съ!—повторилъ еще разъ Вакоринъ.

— Бьешь?—заревѣлъ уже, со вспыхнувшимъ, какъ зарево, лицомъ, оскорбленный честолюбецъ и схватилъ Вакорина за шиворотъ.

Хозяинъ и гости подбѣжали къ нимъ.

— Ну, полноте, бросьте его!—унимали они Саврасова.

— Дуракъ! Ну, гдѣ ты бьешь?—увѣщевалъ Вакорина исправникъ.

— Бью, батюшка,—и вторилъ онъ и тому.

— Господа! Возьмите его у меня; иначе я его задушу! — сказалъ Саврасовъ, отбрасывая отъ себя Вакорина.

— Что хотите, то и извольте дѣлать, а что бивалъ, — не унимался бѣднякъ, утирая съ лица катившійся потъ.

— Ну, такъ пошелъ-же вонъ!—крикнулъ на него ужь и хозяинъ, выведенный изъ терпѣнія такою ложью.

— Я уйду, сударь, уйду! — говорилъ Вакоринъ и пошелъ.

— Я тебѣ теперь, каналья, кости оглоданной не дамъ!—вскричалъ Саврасовъ, выбѣгая вслѣдъ за нимъ.

Какъ, ты бьешь каждый годъ по три?..

— И я тоже, и я!—повторилъ хозяинъ.

Вакоринъ блѣднѣлъ, дѣлалъ изъ лица препечальнѣйшую мину.

Въ лакейской его сталъ было даже лакей уговаривать:

— Полноте, Петръ Гаврилычъ, потѣшьте господъ; скажите, что неправду сказали.

— Что мнѣ тѣшить-то? Бивалъ сколько разъ!—отвѣчалъ ему Вакоринъ.

Лакей на это не стерпѣлъ и плюнулъ.

— Фу-ты, Господи Боже мой!—проговорилъ онъ.

Господа, между тѣмъ, разсуждали о нагломъ лжецѣ въ гостиной.

— Каковъ каналья? А? Каковъ?!—кричалъ Саврасовъ на весь домъ.

Его мелкое самолюбьишко было страшно оскорблено. Недѣли черезъ двѣ онъ, по наружности, какъ бы и простилъ Вакорина, сталъ даже принимать его къ себѣ въ домъ, но въ душѣ питалъ противъ него злобу. Разъ — это ужъ было у самого Саврасова—тоже собралось дворянство, въ томъ числѣ два брата Брыкины. Еще покойный отецъ этихъ господъ разсказывалъ, что поѣхалъ онъ однажды ночью черезъ Галичское озеро—вдругъ трахъ,- провалился въ прорубь; дыханье, разумѣется, захватило; глаза помутились; только черезъ нѣсколько секундъ дышать легче—глядитъ,

тройка его выскочила въ другую прорубь—и полнехоньки сани рыбы зачерпнулись въ озерѣ. Другой разъ заговорили о храмѣ Петра въ Римѣ. «Что это такое за важность этотъ храмъ!—воскликнулъ Брыкинъ:—говорятъ, великъ онъ очень! Вздоръ: великъ сравнительно, потому что вся-то Италія съ нашу губернію. Ну, а какъ наша матушка Россія раскинулась, такъ, что ни построй все мало. Вотъ у насъ приходъ, или, лучше сказать, приходишко; выстроили церковь—такъ псаломщикъ за всенощной съ клироса на клиросъ на жеребенкѣ верхомъ ѣздилъ.

— Батюшка! — воскликнулъ при этомъ укоризненно даже одинъ изъ сыновей.

— А длина церкви велика ли?— спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Длина?— отвѣчалъ нѣсколько опѣшенный замѣчаніемъ сына старикъ:—длина сажени три.

Такъ онъ вралъ, и всѣ его слушали, и даже почти вѣрили ему, потому что тысяча душъ была у него. Сынки тоже пошли по немъ. Въ настоящее собраніе одинъ изъ нихъ разсказывалъ: «Стали, говоритъ, мы спускаться съ Свиньинской горы—вѣдь вы знаете, это—стѣна, а не гора... что-то одна изъ лошадей плохо спускала—понесли. Заднее колесо заторможено было—однако, пи, пи, пи! ничто не помогаетъ; я, дѣлать нечего, говорю брату—мы съ нимъ сидѣли на пе-

редней лавочкѣ, а жены наши—на задней: «давай, говорю, тормозить переднія колеса»; нагнулись: я на одну сторону,—онъ на другую, взяли колеса въ наши лапки:—на одинъ камень колесо наскочитъ, на другой—въ рытвину сухую попадетъ; смотримъ, лошади наши ужъ не несутъ, а везутъ коляску».

— И я заторможу колесо,—отозвался вдругъ, чортъ знаетъ съ чего и для чего, Вакоринъ, тоже тутъ присутствовавшій.

Глаза хозяина загорѣлись бѣшенствомъ.

— Ты затормозишь?—спросилъ онъ.

— Я-съ.

— Да ты, каналья, не только коляску, а одной лошади на бѣговыхъ дрожкахъ обѣими твоими скверными руками и ногами не остановишь!—прошипѣлъ онъ.

— И такъ остановлю съ.

— Остановишь? Люди!—Саврасовъ хлопнулъ въ ладоши.

Вбѣжали люди.

— Сейчасъ заложить сѣраго въ бѣговыя дрожки. Останавливай!—обратился онъ къ Вакорину.

Тотъ только уже улыбался.

Лошадь была заложена и приведена къ крыльцу. Всѣ гости и хозяинъ вышли туда.

— Посмотримъ, посмотримъ!—говорили самолюбиво братья Брыкины.

Вакоринъ, какъ обреченный на казнь, шелъ впереди всѣхъ.

— Какъ же ты остановишь?—спрашивали его нѣкоторые изъ гостей, которые были подобрѣе.

— А вотъ какъ,—отвѣчалъ Вакоринъ, ложась грудью на дрожки и самъ, кажется, не зная хорошенько, что́ онъ дѣлаетъ:—вотъ руки сюда засуну, а ноги сюда!— сказалъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ, руки засунулъ въ переднія колеса, а ноги въ заднія.

— Отпускай!—крикнулъ онъ какимъ-то отчаяннымъ голосомъ державшему лошадь кучеру.

Тотъ отпустилъ. Лошадь бросилась, колеса завертѣлись; Вакоринъ какъ-то одну ногу и руку успѣлъ вытащить, дрожки свернулись на бокъ, лошадь ужъ совсѣмъ понесла, такъ что посланный за нею верховой едва успѣлъ ее остановить.

Вакоринъ лежалъ подъ дрожками.

— Вставайте!—сказалъ подъѣхавшій къ нему верховой.

— Немного, проклятая, наскакала — остановилъ же!—сказалъ Вакоринъ, и хотѣлъ было подняться, но не могъ: у него переломлена была нога.

* * *

Лѣтъ десять тому назадъ я встрѣтилъ его въ В... совсѣмъ уже старикомъ, хромымъ и почти

нищимъ. Онъ сидѣлъ на тротуарѣ и, мокая въ пустую воду сухую корку хлѣба, ѣлъ ее. Невдалекѣ отъ него стоялъ босоногій мальчишка и видимо подразнивалъ его: «Лисичій охотникъ!» повторялъ онъ безпрестанно. Это было прозвище, которое Вакорину дали въ городѣ послѣ перваго несчастнаго съ нимъ случая по поводу лисьей шкуры. Старикъ только по временамъ злобно взглядывалъ на шалуна. Я подошелъ къ нему.

— Что это, Петръ Гаврилычъ, до чего это ты дошелъ?—спросилъ я его.

— Что дѣлать, сударь! Старъ сталъ ужъ!.. А добрыхъ господъ, какъ прежде было, нынче совсѣмъ нѣтъ!—отвѣчалъ онъ, и слезы навернулись у него на глазахъ.

Кого онъ подъ «добрыми господами» разумѣлъ—Богу извѣстно!

III.

Кавалеръ ордена пур-ле-меритъ.

Прелестное іюльское утро свѣтитъ въ окна нашей длинной залы; по переднему углу ея стоятъ мѣстныя иконы, принесенныя изъ ближайшаго прихода. Священникъ, усталый и запыленный, сидитъ невдалекѣ отъ нихъ и съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ дожидается, чтобы его заставили поскорѣе отслужить всенощную, а тамъ, вѣроятно,

и водку подадутъ. Матушка, впрочемъ, еще не вставала, а отецъ ушелъ въ поле къ рабочимъ. Я (очень маленькій) стою и смотрю въ окно. Изъ поля и изъ саду тянетъ восхитительной свѣжестью. Тутъ же, по залу, ходитъ ночевавшій у насъ сосѣдъ, Евграфъ Петровичъ Хариковъ, мужчина чрезвычайно маленькаго роста, но съ густыми черными волосами, густыми бровями и вообще съ лицомъ неумнымъ, но выразительнымъ; съ шести часовъ утра онъ уже въ полной своей формѣ: брючкахъ, жилетикѣ, сюртучкѣ и *пур-ле-меритъ*. Орденъ сей Евграфъ Петровичъ получилъ за то, что въ чинѣ армейскаго поручика удостоился великаго счастія содержать почетный караулъ при королѣ прусскомъ въ бытность того въ Москвѣ. Раздражающее свойство утра замѣтно дѣйствуетъ на Евграфа Петровича: онъ проворно ходитъ, подшаркиваетъ ножкою, дѣлаетъ въ лицѣ особенную мину. Евграфъ Петровичъ—чистѣйшій холерикъ; его маленькой мысли безпрестанно надо работать, фантазировать и выражать самое себя. Въ настоящую минуту онъ не выдерживаетъ наконецъ молчанія и останавливается передъ священникомъ.

— Вы дядю моего Николая Степаныча знавали?

Священникъ поднимаетъ на него глаза и бороду.

— Нѣтъ-съ!—отвѣчаетъ онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ.

— Какъ же, гвардейскаго корпуса командиромъ былъ,—продолжалъ Хариковъ опять какъ бы случайно;—да вы знаете, что такое корпусный командиръ.

— Нѣтъ-съ!—отвѣчаетъ и на это священникъ и, въ то же время вытянувъ изъ своей бороды два волоска, начинаетъ ихъ внимательно разсматривать.

— Войско наше раздѣляется на роту, батальонъ, полкъ, дивизію и корпусъ—поняли?

Священникъ вытянулъ цѣлую прядь волосъ.

— Понялъ-съ,—произнесъ онъ.

— Ну, а слыхали ли вы,—продолжалъ Хариковъ чисто уже настальническимъ тономъ:—что покойный государь Александръ Павловичъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича держалъ строгонько?

Священникъ отрицательно покачалъ головой.

— Ну такъ это было!—произнесъ Хариковъ полутаинственно и полушопотомъ:—и что значитъ военная-то дисциплина...—продолжалъ было онъ, прищуривая глаза, но въ это время въ комнату вошелъ покойный отецъ, по обыкновенію мрачный и серьезный, и сѣлъ тутъ на стулъ.

Евграфъ Петровичъ употребилъ надъ собою все

усиліе, чтобы продолжать разговоръ въ прежнемъ тонѣ.

— И такъ какъ великій князь былъ бригаднымъ, дядя корпуснымъ, я—адъютантомъ...

— У кого это адъютантомъ?— перебилъ его отецъ.

— У дяди Николая Степановича,—отвѣчалъ ему скороговоркой и не повернувшись даже въ его сторону Хариковъ.

— А!...—произнесъ отецъ.

Всѣ очень хорошо знали, что Хариковъ никогда и ни у какого своего дяди адъютантомъ не бывалъ, и самъ онъ очень хорошо зналъ, что всѣ это знали, но останавливаться было уже поздно.

— Великій князь обыкновенно каждую недѣлю являлся къ дядѣ съ рапортомъ,—говоритъ онъ, стараясь скрыть волненіе въ голосѣ:—я, какъ адъютантъ, докладываю... Дядя выйдетъ и хоть бы бровью моргнулъ... Великій князь два пальца подъ козырекъ и рапортуетъ: «Ваше высокопревосходительство, то-то и то-то!...» Дядя иногда скажетъ: «хорошо, благодарю, ваше высочество!» а иногда и распеканье. Такъ не повѣрите вы,—продолжалъ Евграфъ Петровичъ, обращаясь ужъ болѣе, кажется, къ иконамъ, чѣмъ къ своимъ слушателямъ: — идетъ великій князь назадъ черезъ залу... Я его, разумѣется, провожаю... онъ возь-

метъ меня за руку, крѣпко, крѣпко сожметъ ее. «Тяжело,—говоритъ,—братецъ Хариковъ, жить такъ на свѣтѣ». Эти слова священника даже пробрали; онъ повернулся на стулѣ и почесалъ у себя за ухомъ. Въ лицѣ отца появляется какая-то злобная радость.

— А какъ вы съ нимъ кутить ѣздили?—спросилъ онъ, хоть бы съ малѣйшимъ слѣдомъ улыбки на лицѣ.

— Ѣздили!—отвѣчалъ Хариковъ слегка вспыхнувъ:—съ Николаемъ Павловичемъ впрочемъ не часто, а все съ Михаиломъ Павловичемъ... тотъ любилъ это... Пишетъ бывало записку: «Хариковъ, есть у тебя деньги?» Ну, разумѣется, пишу: есть, и отправимся, иногда и Николай Павловичъ съ нами...

— И какая, Господи, у Государя память была... въ послѣдній пріѣздъ свой къ намъ... Ну, разумѣется, мы всѣ, дворяне, собрались въ залѣ... Впереди вся эта знать наша... губернаторъ, предсѣдатель, предводитель... я, какой-нибудь ничтожный депутатишко отъ дворянства, стою тамъ гдѣ-то въ углу... Онъ идетъ, только вдругъ этакъ далеко, но прямо противъ меня останавливается. «Хариковъ, — говоритъ, — это ты?» — «Я, — говорю,—ваше величество»,—а у самого слезы такъ и льются. Вижу, у него на правомъ глазу слезинка показалась.—«Очень радъ,—говоритъ,—братецъ,

тебя видѣть, только смотри, не болтай много...»— «Ваше величество...» говорю.

— Это и я слышалъ! — подхватилъ вдругъ отецъ.

— Ну да, вотъ и вы, кажется, тутъ были!— обратился къ нему Хариковъ, видимо удивленный этой поддержкой.

— Еще тогда Государь поотошелъ немного, — продолжалъ серьезно отецъ,—да и говоритъ дворянству:—«вы господа, пожалуйста, не вѣрьте ни въ чемъ Харикову: онъ ужасный лгунишка и непремѣнно вамъ на меня что-нибудь налжетъ.

— О, вздоръ какой!—произнесъ со смѣхомъ Хариковъ:—станетъ Государь говорить.

— Какъ не вздоръ!—возразилъ ему отецъ:— я далъ тебѣ три короба нагородить, а ты мнѣ маленькій кузовочекъ не хочешь позволить.

Къ счастію Евграфа Петровича, въ то время вошла матушка. Онъ поспѣшилъ передъ ней модно расшаркаться, поцѣловалъ у ней ручку и освѣдомился объ ея здоровьѣ.

Во время всенощной онъ замѣтно молился на старинный офицерскій манеръ, т.-е. клалъ небольшой крестикъ и едва склонялъ голову, затѣмъ почему-то съ особеннымъ чувствомъ пропѣлъ: «*Отъ юности моея мнози борятъ мя страсти!*» Но когда начали «*Взбранной воеводѣ*», онъ под-

перся рукою въ бокъ, какъ будто бы держась за шарфъ, откуда басъ у него взялся, пропѣлъ цѣлый псаломъ, ни въ одной нотѣ не сорвавшись, и кончивъ проговорилъ со вздохомъ: «любимая стихира Государя!»

* * *

Мнѣ всего еще разъ удалось видѣть уже на смертномъ одрѣ этого невиннаго человѣка въ его маленькой усадьбѣ, маленькомъ домикѣ и въ маленькой спальнѣ, въ которой не было никакихъ слѣдовъ здороваго человѣка, всюду былъ удушливый воздухъ, вездѣ стояли баночки съ лекарствомъ, и только на столикѣ у кровати лежалъ пуръ-лемеритъ на совершенно свѣжей лентѣ.

Когда я сѣлъ около Евграфа Петровича, онъ крѣпко сжалъ мнѣ руку.

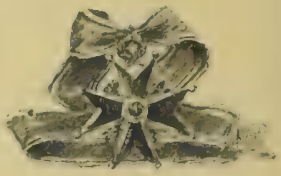
— Вы вѣроятно будете у меня на похоронахъ?—проговорилъ онъ довольно спокойнымъ голосомъ:—прикажите, пожалуйста, чтобы крестъ этотъ несли передъ моимъ гробомъ: я заслужилъ его кровью моею.

Евграфъ Петровичъ во всю жизнь свою капли не проливалъ ни своей, ни чужой крови.

Черезъ недѣлю онъ померъ. Я долгомъ себѣ поставилъ исполнить его предсмертное желаніе и даже самъ несъ крестъ на малиновой подушкѣ,

которую покойникъ задолго еще до смерти поспѣшилъ для себя приготовить.

— О, судьба!—думалъ я:—для чего ты не дала этому человѣку звѣзду... Любопытно бы было видѣть ту степень нѣжности, съ какою бы онъ относился къ этой высокой наградѣ служебныхъ заслугъ.



ПАША ВИХРОВЪ.

(Изъ романа «Люди сороковыхъ годовъ»).

I.

Въ началѣ 1830-хъ годовъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, на балконѣ господскаго дома въ усадьбѣ Воздвиженской сидѣло нѣсколько лицъ. Вся картина, которая рождается при этомъ въ воображеніи автора, носитъ на себѣ почти историческій характеръ: отъ деревяннаго, во вкусѣ итальянскихъ виллъ, дома остались теперь однѣ только развалины; вмѣсто сада, въ которомъ нѣкогда были и подстриженныя деревья, и гладко убитыя дорожки, вамъ представляются группы

безтолково растущихъ деревьевъ; въ лѣвой сторонѣ сада, самой поэтической, гдѣ прежде устроенъ былъ парнасъ, въ послѣднее время одинъ аферистъ построилъ винный заводъ; но и аферистъ ужъ этотъ лопнулъ, и заводъ его стоялъ безъ оконъ и безъ дверей; словомъ, все, что было дѣломъ рукъ человѣческихъ, въ настоящее время или полуразрушилось, или совершенно было уничтожено, и одинъ только созданный Богомъ видъ на подгорное озеро, на самый городокъ, на идущіе по другую сторону озера луга,—на которыхъ, говорятъ, охотился Шемяка,—оставался попрежнему прелестенъ.

Мысли и чувствованія, которыя высказывало сидѣвшее на балконѣ общество, тоже были совершенно несовременнаго свойства. Сама хозяйка, женщина лѣтъ за пятьдесятъ, вдова Александровскаго генералъ-адъютанта, Александра Григорьевна Абреева,—совершенная блондинка, съ лицомъ холоднымъ и малоподвижнымъ,—по тогдашней модѣ въ букляхъ, въ щеголеватомъ капотѣ-распашенкѣ, въ вышитой юбкѣ, сидѣла и вязала бисерный шнурокъ. Будучи отъ природы весьма обыкновенныхъ умственныхъ и всякихъ другихъ душевныхъ качествъ, она всю жизнь свою стремилась раскрашивать себя и представлять, что она была женщина и умная, и добрая, и съ твердымъ характеромъ; для этой цѣли она всегда говорила только

о серьезныхъ предметахъ, выражалась плавно и краснорѣчиво, довольно искусно вставляя въ свою рѣчь витіеватыя фразы и возвышенныя мысли, которыя ей удавалось прочесть или подслушать; не жалѣя ни денегъ, ни своего самолюбія, она входила въ знакомство и переписку съ разными умными людьми и, наконецъ, самымъ публичнымъ образомъ творила добрыя дѣла. Всѣ эти старанія ея, нельзя сказать, чтобы не вѣнчались почти полнымъ успѣхомъ: по крайней мѣрѣ, большая часть ея знакомыхъ считали ее безусловно женщиной умной; другіе именовали ее женщиною долга и святыхъ обязанностей.

У Александры Григорьевны былъ всего одинъ сынъ, Сережа, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, пажъ. Сережа былъ у матери въ Воздвиженскомъ на вакаціи, и сидѣлъ невдалекѣ отъ нея, закинувъ голову на задокъ стула. Онъ былъ красивъ собой, и шитый золотомъ пажескій мундирчикъ очень къ нему шелъ. Многіе, вѣроятно, замѣчали, что богатые дворянскіе мальчики и богатые купеческіе мальчики какъ-то схожи между собой наружностью: первые, разумѣется, нѣсколько поизящнѣй и постройнѣй, а другіе поплотнѣе и посырѣе; но какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ въ выраженіи лицъ есть нѣчто телячье, ротозѣватое: въ раззолоченныхъ палатахъ и на мягкихъ пуховикахъ плохо, видно, восходитъ и растетъ мысль человѣческая!

Нѣсколько въ сторону отъ хозяйки, и какъ бы въ тѣни, помѣщался небольшого роста пожилой, коренастый мужчина въ чиновничьемъ фракѣ. Несмотря на раболѣпный складъ всего его тѣла, выраженіе лица его было умное, солидное и нѣсколько насмѣшливое. Господинъ этотъ былъ мѣстный исправникъ Ардальонъ Васильевичъ Захаревскій, фактотумъ *) Александры Григорьевны по всѣмъ ея дѣламъ: она его, по преимуществу, уважала за знаніе русскихъ законовъ.

Напротивъ Александры Григорьевны, и особенно какъ-то прямо, сидѣлъ еще старикъ,—въ отставномъ военномъ сюртукѣ, въ петличкѣ котораго болтался Георгій, и въ военныхъ съ красными лампасами брюкахъ,—это былъ сосѣдъ ея по деревнѣ, Михаилъ Поликарповичъ Вихровъ, старый кавказецъ, курчавый, загорѣлый на южномъ солнцѣ, нѣкогда ординарецъ князя Циціанова, свидѣтель его коварнаго убійства, человѣкъ поля, боя и нужды. Первое время, какъ Вихровъ вышелъ въ отставку и женился, онъ чаю даже не умѣлъ пить... Не могъ ѣздить въ рессорномъ экипажѣ,—тошнило... Не могъ спать въ натопленной комнатѣ,—кровь носомъ шла... Теперь онъ былъ уже вдовъ и имѣлъ мальчика сына, лѣтъ четырнадцати.

Вихровъ всегда ѣздилъ къ Александрѣ Гри-

*) Исполнитель всевозможныхъ порученій.

горьевнѣ съ сынишкой своимъ: онъ его страстно любилъ и пока еще ни на шагъ не отпускалъ отъ себя. Мальчикъ стоялъ у отца за столомъ. Одѣтъ онъ былъ въ суконный домашняго шитья сюртучокъ и въ новыя, но нанковыя брючки; онъ былъ довольно уже высоконекъ и чрезвычайно, должно быть, нервенъ, потому что скука и нетерпѣніе, противъ воли его, высказывались во всей его фигурѣ, и чтобы скрыть это хоть сколько-нибудь, онъ постоянно держалъ свои умненькіе глазенки опущенными въ землю. Красивый пажикъ по временамъ взглядывалъ на него съ какой-то полуулыбкой. Мальчикъ не отвѣчалъ ему на это никакимъ взглядомъ.

— Сережа!.. — обратилась Александра Григорьевна къ сыну:—отчего ты Пашу не занимаешь?.. Поди, покажи ему на пруду, какъ рыбки по звонку выходятъ... Soyez donc aimable!—прибавила она по-французски.

Сережа нехотя всталъ, повытянулся немного и съ прежней полуулыбкой подошелъ къ Пашѣ.

— Пойдемте! — сказалъ онъ. Въ голосѣ его слышалась какъ бы снисходительность.

— Ступай, погуляй! — прибавилъ Пашѣ и отецъ его.

Ребенокъ съ укоромъ взглянулъ въ лицо старика и пошелъ за Сережей.

Оба они, сойдя съ балкона, пошли по аллеѣ,

Видимо, что имъ рѣшительно было не о чемъ между собой разговаривать.

— У васъ есть гувернеръ?—спросилъ Сережа, вспомня вѣроятно приказаніе матери.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Паша угрюмо: — у меня учитель былъ, но онъ уѣхалъ; меня завтра везутъ въ гимназію.

Сережа вопросительно взглянулъ на Пашу.

— А что такое это гимназія?—спросилъ онъ.

— Гдѣ учатся,— отвѣчалъ Паша прежнимъ серьезнымъ тономъ.

— А!—произнесъ Сережа.

Въ это время они подошли къ пруду. Сережа позвонилъ въ колокольчикъ.

— Вотъ и рыбки!—сказалъ онъ, когда рыбки въ самомъ дѣлѣ вышли на поверхность бассейна.

— Вижу!—отвѣчалъ Паша и сталъ глядѣть на воду: но врядъ ли это его занимало, а Сережа принялся высвистывать довольно сложный оперный мотивъ.

На балконѣ въ это время происходилъ довольно одушевленный разговоръ.

— Стыдно вамъ, полковникъ, стыдно!..—говорила горячась Александра Григорьевна Вихрову:—сами вы прослужили тридцать лѣтъ престолу и отечеству и не хотите сына вашего посвятить тому же!

— Онъ у меня, ваше превосходительство,

одинъ! — отвѣчалъ полковникъ: — здоровья слабаго... Тамъ, пожалуй, какъ разъ затрутъ... Знаю я эту военную службу; а въ нынѣшнихъ армейскихъ полкахъ и сопьется еще, пожалуй!

— Вашъ сынъ долженъ служить въ гвардіи!.. Онъ долженъ тамъ же учиться, гдѣ и мой!.. Если вы не генералъ, то ваши десять ранъ, я думаю, стоятъ генеральства; объ этомъ доложатъ Государю, отвѣчаю вамъ за то!

— Ну что жъ изъ того: и поучится въ пажескомъ корпусѣ, и выйдетъ въ гвардію?..

— Ну, да: и выйдетъ въ гвардію...

— А что потомъ будетъ? Бѣдному офицеру, ваше превосходительство, служить промежъ богатыхъ тяжело, да и просто невозможно!

Серьезное лицо Александры Григорьевны приняло еще болѣе серьезное выраженіе: она стороной слышала, что у полковника были деньжонки; но что онъ, какъ человѣкъ, добывавшій каждую копейку кровавымъ трудомъ, былъ страстно на нихъ скупъ. Александра Григорьевна вознамѣрилась дать ему маленькій урокъ и блеснуть передъ нимъ собственнымъ великодушіемъ.

— Не смѣю входить въ ваши расчеты, — начала она съ разстановкою и удареніемъ: — но, съ своей стороны, могу сказать только одно, что дружба, по-моему, не должна выражаться на однихъ словахъ, а доказываться и на дѣлѣ: если вы дѣй-

ствительно не въ состояніи будете поддерживать вашего сына въ гвардіи, то я буду его содержать,—нероскошно, конечно, но прилично!.. Умру я, сыну моему будетъ поставлено это въ первомъ пунктѣ моего завѣщанія

Александра Григорьевна замолчала, молчали и два ея собесѣдника. Захаревскій только съ удивленіемъ взглянулъ на нее, а полковникъ нахмурился.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, тяжело мнѣ принять, чтобы сыну моему кто-нибудь вспомоществовалъ кромѣ меня!.. Вы покуда живы, конечно, не потяготитесь этимъ; но за сынка вашего не ручайтесь!..

— Сынъ мой къ этому будетъ обязанъ не чувствомъ, но закономъ.

— А мой сынъ,—возразилъ полковникъ рѣзко:—никогда не станетъ по закону себѣ требовать того, что ему не принадлежитъ, или я его и за сына считать не буду!

Лицо Александры Григорьевны приняло какое-то торжественное выраженіе.

— Я сдѣлала все,—начала она, разводя руками:—что предписывала мнѣ дружба; а вы поступайте, какъ хотите и какъ знаете.

Полковникъ съ видимой досадой началъ постукивать ногою.

— Кому, сударыня, какъ назначено жить, пусть тотъ такъ и живетъ!

— Не для себя, полковникъ, не для себя, а это нужно для счастія вашего сына!. —воскликнула Александра Григорьевна:—я для себя шагу въ жизни моей не сдѣлала, который бы трогалъ мое самолюбіе; но для сына моего,—продолжала она съ смиреніемъ въ голосѣ: —если нужно будетъ поклониться, поклонюсь и я!.. И поклонюсь низенько!

При этихъ ея словахъ на лицѣ Захаревскаго промелькнула легкая и едва замѣтная усмѣшка: онъ лучше другихъ, по собственному опыту, зналъ, до какой степени Александра Григорьевна унижалась для малѣйшей выгоды своей.

— Да что же, и я пожалуй, поклонюсь!— возразилъ Вихровъ насмѣшливо. Ему ужъ очень стало надоѣдать слушаніе этихъ наставленій.

Въ это время дѣти опять возвратились на балконъ. Паша кинулъ почти умоляющій взглядъ на отца.

— Вижу, вижу, домой хочешь! Поѣдемъ!— проговорилъ старикъ и всталъ. Александра Григорьевна тоже встала.

— Ну, полковникъ, такъ вы завтра, значитъ, выѣзжаете и везете вашего птенца на новое гнѣздышко?

— Да, завтра!.. Позвольте вашу ручку поцѣловать!..—И онъ поцѣловалъ руку Александры Григорьевны.

Та отвѣчала ему почти страстнымъ поцѣлуемъ въ щеку.

— Прощай, мой ангелъ!—обратилась она потомъ къ Пашѣ,—дай я тебя перекрещу, какъ перекрестила бы тебя родная мать; не меньше ея желаю тебѣ счастья. Вотъ, Сергѣй, завѣщаю тебѣ отнынѣ и навсегда, что ежели когда-нибудь, этотъ мальчикъ, который со временемъ будетъ большой, обратится къ тебѣ (по службѣ ли, съ денежной ли нуждой), не смѣй ни минуты ему отказывать и сдѣлай все, что будетъ въ твоей возможности,— это приказываетъ тебѣ твоя мать.

— Благодарю, Александра Григорьевна,—произнесъ Вихровъ и поцѣловалъ у нея еще разъ руку; а она еще разъ поцѣловала его въ щеку.

— Ну, проститесь и вы, будущіе друзья!— обратилась она къ дѣтямъ.

Тѣ пожали другъ у друга руки и больше механически поцѣловались. Сережа, впрочемъ, какъ болѣе пріученный къ свѣтскому обращенію, проводилъ гостей до экипажа и, когда они тронулись, вѣжливо съ ними раскланялся.

Когда Вихровы выѣхали изъ воротъ Воздвиженскаго, самъ старикъ Вихровъ какъ будто бы свободнѣе вздохнулъ.

— Да, — произнесъ онъ протяжнымъ голосомъ:—въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!

— Зачѣмъ же, папаша, мы ѣздимъ въ Воздви-

женское? Тамъ очень скучно...—проговорилъ почти строгимъ голосомъ Павелъ.

— Ну да такъ, братецъ, нельзя же—сосѣди!.. И Александра Григорьевна все вонъ говоритъ, что очень любитъ меня, и поди-ка какой почетъ воздаетъ мнѣ супротивъ всѣхъ!

Павелъ задумался.

— А что, она добрая или нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Добрая, говорунья только, краснобайка!.. Все совѣтуетъ мнѣ теперь, чтобы я отдалъ тебя въ военную службу.

— Отчего же ты не хочешь отдать меня въ военную?..

— Да такъ, братецъ, что!.. Не велико счастье быть военнымъ. Она, впрочемъ, говоритъ, чтобы въ гвардіи тебѣ служить, а потомъ въ флигель-адъютанты попасть.

— Флигель-адъютантомъ быть хорошо!.. произнесъ ребенокъ съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Еще бы!—сказалъ старикъ:—да, вѣдь, на это, братецъ, состояніе надо имѣть.

Павелъ внимательно посмотрѣлъ на отца.

— А мы развѣ очень бѣдны?—спросилъ онъ.

— Бѣдны, братецъ!—отвѣчалъ Михайло Поликарпычъ и почему-то при этомъ сконфузился.

II.

По пріѣздѣ домой полковникъ сейчасъ же сталъ на молитву: онъ каждый день, съ восьми часовъ до десяти часовъ утра и съ восьми часовъ до десяти вечера, молился, стоя, по обыкновенію, въ залѣ навытяжку передъ образомъ. Пашу всегда очень интересовало, что какъ это отцу не было скучно, и онъ не уставалъ такъ долго стоять на ногахъ. На этотъ разъ, проходя потихоньку по залѣ, Паша заглянулъ ему въ лицо и увидѣлъ, что по сморщеннымъ и чернымъ щекамъ старика текли слезы. Тяжелыя ощущенія волновали въ настоящую минуту полковника: онъ молился и плакалъ о будущемъ счастіи сына. При этомъ ему невольно припомнилось какъ его самого,—мальчишку лѣтъ пятнадцати,—ни въ чемъ невиновнаго, поставили въ полку подъ ранцы съ пескомъ, и какъ онъ терпѣлъ, терпѣлъ эти мученья, наконецъ упалъ, кровь хлынула у него изъ гортани; и какъ онъ потомъ самъ, уже въ чинѣ капитана, нагрубившаго ему солдата велѣлъ наказать; солдатъ продолжалъ грубить; онъ велѣлъ его наказывать больше, больше; наконецъ, того на шинели снесли безъ чувствъ въ лазаретъ; какъ потомъ, проходя по лазарету, онъ видѣлъ этого солдата со впалыми глазами, съ искаженнымъ лицомъ, и затѣмъ солдатъ этотъ черезъ нѣсколько дней умеръ, явно имъ засѣченный.—

Полковникъ теперь видѣлъ, точно въявь, передъ собою его искаженное, съ впалыми глазами, лицо и его искривленную улыбку, которою онъ какъ бы говорилъ: «А!.. За меня Богъ не дастъ счастія твоему сыну!» Слезы текли, и холодъ пробѣгалъ по нервамъ старика. Болѣе уже тридцати лѣтъ прошло послѣ этого событія, а между тѣмъ какое бы горе или счастье ни посѣщало Вихрова, искаженное лицо солдата хоть на минуту да промелькнетъ передъ его глазами.

Паша, выйдя изъ комнатъ, сѣлъ на рундучкѣ крыльца тоже въ невеселомъ расположеніи духа. Ему почему-то вдругъ припомнился сѣрый весенній день... Къ нему въ горницу прибѣгаетъ дворовый мальчикъ—Титка: «Барчикъ, у насъ въ бороздѣ подъ садомъ заяцъ сидитъ!» говоритъ онъ взволнованнымъ голосомъ: «пойдемте его ловить!»...—«Пойдемъ!» говоритъ Павелъ, и оба они побѣжали. «Куцка! Куцка!» кричитъ Титка, и Куцка,—дѣйствительно куцая дворовая собака,—соскакиваетъ, какъ бѣшеная, съ сѣновала, гдѣ она спала, и бѣжитъ за ними... «Заяцъ, заяцъ!» кричитъ, какъ-бы толкуя ей, Титка... Изъ борозды въ самомъ дѣлѣ выскакиваетъ заяцъ... Куцка ударяется за нимъ, а за Куцкой Павелъ и Титка. Павелъ только видѣлъ, что заяцъ махнулъ въ гумно; Куцка за нимъ; Павелъ и Титка, перескочивъ огородъ, тоже бѣгутъ въ гумно. Заяцъ

опять повернулъ въ поле; Куцка немного позавязнулъ въ огородѣ, проскакивая, въ него; заяцъ, между тѣмъ, далеко отъ него ушелъ; но ему наперерѣзъ, точно изъ-подъ земли, выросла другая дворовая собака—Бѣлка—и начала его настигать... Заяцъ убѣжалъ въ лѣсъ, Бѣлка за нимъ, а за ними и Куцка... Павелъ и Титка долго еще стояли въ полѣ и поджидали, не выбѣгнутъ ли они изъ лѣсу; но они не выбѣгали. Павелъ съ загрязненными ногами, весь въ поту и съ недовольнымъ лицомъ, пошелъ домой... Титка, тоже сконфуженный, бѣжалъ около него. «А дядя Кирьянъ прошлой весной такъ трехъ зайцевъ затравилъ!» разсказывалъ онъ. «Поди, какое счастье!» говорилъ Павелъ. — «Что, батюшка, не поймалъ зайчика?» сказала встрѣтившаяся имъ дворовая баба и зачѣмъ-то поцѣловала у Павла руку.—«Не поймалъ!» отвѣчалъ онъ и ей съ грустью... Отъ этихъ мыслей Паша, взглянувъ на красный дворъ, перешелъ къ другимъ: сколько разъ онъ по нимъ бѣгалъ, сидя на палочкѣ верхомъ, и крѣпко-крѣпко тянулъ веревочку, которою, какъ-бы уздою, была взнуздана палочка, и воображалъ, что это лошадь подъ нимъ бѣсится и разбиваетъ его... Теперь, впрочемъ, Павелъ давно уже ѣздитъ не на палочкахъ, а на лошадяхъ настоящихъ и довольно бойкихъ, и до страсти любитъ это!.. Главное удовольствіе при этомъ доставляли ему опасность и

Павелъ рѣшился переѣхать вбродъ.

могущество власти надъ лошадью. Онъ одинъ-одинехонекъ уѣзжалъ верстъ за семь черезъ довольно большой лѣсъ; кругомъ тишина, ни души человѣческой, и только что-то поскрипываетъ и потрескиваетъ по сторонамъ. Лошадь идетъ, навостривъ уши, вздрагивая и какъ-бы прислушиваясь къ чему-то. Но вотъ огромная глинистая гора; Павелъ слегка только придерживаетъ поводья. Лошадь осторожнѣйшимъ образомъ сходитъ съ горы, немного присѣдая назадъ и скользя копытами по глинѣ. Павелъ убѣжденъ, что это онъ ее такъ выѣздилъ. За горой надобно проѣхать черезъ довольно крутой мостъ; на серединѣ его большая дыра. Павелъ нарочно погоняетъ лошадь и направляетъ ее на эту дыру; но она ее перескакиваетъ. Слѣдующую рѣчку Павелъ рѣшился переѣхать вбродъ. Рѣчонка тоже пѣнится и шумитъ; лошадь немножко заартачилась. Павелъ смѣло нукаетъ ее; лошадь осторожно входитъ въ воду. На серединѣ рѣки ей захотѣлось напиться, и для этого она вдругъ опустила голову; но Павелъ дернулъ поводьями и даже выругался: «ну, чортъ, запалишься!» Въ такого рода приключеніяхъ онъ доѣзжаетъ до села, объѣзжаетъ тамъ кругомъ церковной ограды, кланяется съ сидящею у окна матушкой-попадьею и, видимо гарцуя передъ нею, проскакиваетъ село и возвращается домой... Года съ полтора тому назадъ между горничною прислугою прошелъ

слухъ, что къ полковнику пріѣдетъ погостить родная сестра его, небогатая помѣщица, и привезетъ съ собою къ Павлу братца Сашеньку. Папа сначала не обратилъ большаго вниманія на это извѣстіе: но тетенька дѣйствительно пріѣхала, и привезенный ею сынокъ ея — братецъ Сашенька — оказался почти ровесникомъ Павлу: такой же былъ черненькій мальчикъ и съ необыкновенно-востренькими и плутоватыми глазками.

— Нѣтъ-ли у васъ ружья? Я съ собою пороху и дроби привезъ,—началъ онъ почти съ первыхъ же словъ.

— У меня нѣтъ; но у папаши есть,—отвѣчалъ Павелъ съ одушевленіемъ и сейчасъ же пошелъ къ ключницѣ и сказалъ ей:—Афимья, давай мнѣ скорѣй папашино ружье изъ чулана!

— Да онъ развѣ велѣлъ?—спросила была та.

— Велѣлъ! — отвѣчалъ Павелъ съ досадою. Онъ обыкновенно всѣми вещами отца распоряжался совершенно полновластно. Полковникъ только прикидывался строгимъ отцомъ; но въ сущности никогда ни въ чемъ не могъ отказать своему птенчику.

Когда ружье было подано, братецъ Сашенька тотчасъ же отвинтилъ у него замокъ, смазалъ масломъ, стволъ продулъ, прочистилъ и, приведя такимъ образомъ смертоносное орудіе въ порядокъ,

сбѣгалъ къ своей бричкѣ и досталъ тамъ порохъ и дробь.

— А гдѣ бы выстрѣлить въ цѣль?—сказалъ онъ.

— У насъ въ гумнѣ,—отвѣчалъ Павелъ...

Побѣжали въ гумно. Братецъ Сашенька зарядилъ ружье. Павелъ нарисовалъ ему у овина цѣль углемъ. Братецъ Сашенька выстрѣлилъ, но не попалъ: взялъ выше! Потомъ выстрѣлилъ и Павелъ, впившись, кажется, всѣми глазами въ цѣль; но тоже не попалъ. Вслѣдъ затѣмъ они стали подстерегать воробьевъ. Тѣ, разумѣется, не заставили себя долго дожидаться и, прилетѣвъ цѣлою стаей, усѣлись на огородѣ. Братецъ Сашенька выстрѣлилъ, убилъ двоихъ; Павлу очень было жаль ихъ, однакожъ онъ не утерпѣлъ и, упросивъ Сашу зарядить ему ружье, выстрѣлилъ по вновь прилетѣвшую стаю: и у него тоже одинъ воробышекъ упалъ; радости Паши при этомъ предѣловъ не было!

— Кто тутъ стрѣляетъ?—прислалъ изъ горницъ спросить полковникъ.

— Мы!...—отвѣчалъ Павелъ;—и будемъ еще долго стрѣлять!...—прибавилъ онъ рѣшительно.

На другой день они отправились уже въ лѣсъ на охоту за рябчиками, которыхъ братецъ Сашенька умѣлъ подсвистывать; однако никого не подсвисталъ. Черезъ недѣлю, наконецъ, тетенька и братецъ Сашенька уѣхали. Полковникъ былъ

отъ души радъ отъѣзду послѣдняго, потому что мальчикъ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, оказался ужаснымъ шалуномъ: несмотря на то, что все-таки былъ не дома, а въ гостяхъ, онъ успѣлъ уже слазить на всѣ крыши, отломилъ у коляски дверцы, избилъ маленькаго крестьянскаго мальчишку и, наконецъ, обжегъ себѣ въ кузницѣ страшно руку. Но Павелъ о Сашѣ грустилъ нѣсколько дней и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ просить отца, чтобы тотъ отдалъ ему свое ружье. Полковникъ поморщился, поёжился, но махнулъ рукой и отдалъ. Павелъ съ тѣхъ поръ почти каждый день началъ, въ сопровожденіи Титки и Куцки, ходить на охоту. Охотникомъ искуснымъ онъ не сдѣлался: но зато привыкъ рано вставать и смѣло ходить по лѣсамъ. К кихъ онъ не видалъ высокихъ деревъ, какихъ передъ нимъ не открывалось разнообразныхъ и красивыхъ лощинъ! Утомившись, онъ очень любилъ лечь гдѣ-нибудь на травѣ вверхъ лицомъ и смотрѣть на небо. И вдругъ ему начинало представляться, что оно у него какъ бы внизу,—самыя деревья какъ будто бы растутъ внизъ, и вершины ихъ словно купаются въ воздухѣ,—и онъ лежитъ на землѣ потому только, что къ ней чѣмъ-то прикрѣпленъ; но уничтожься эта связь, и онъ упадетъ туда, внизъ, въ небо. Павлу дѣлалось при этомъ и страшно, и весело...

Въ нынѣшнее лѣто одно событіе еще болѣе распалило въ Пашѣ охотничій жаръ... Однажды вечеромъ онъ увидѣлъ, что скотница цѣлый часъ стоитъ у воротъ въ полѣ и зычнымъ голосомъ кричитъ: «Бурёнушка»!..

— Что ты кричишь?—спросилъ ее Павелъ.

— Бурёнушки, батюшка, нѣтъ... не пришла!..—отвѣчала та.

Потомъ онъ видѣлъ, что она, вмѣстѣ съ скотникомъ, ушла въ лѣсъ. Поутру же онъ замѣтилъ что полковникъ сидѣлъ у окна сердитымъ болѣе обыкновеннаго.

— Что вы, папаша, такой? — спросилъ онъ его.

— Да, онъ, корова пропала, лучшая, шельмы этакіе!—отвѣчалъ полковникъ.

Вскорѣ послѣ того Павелъ услышалъ, что въ комнатахъ завыла и заголосила скотница. Онъ вошелъ и увидѣлъ, что она стояла передъ полковникомъ, вся промокшая, съ лицомъ истощеннымъ, съ ногами, окровавленными отъ хожденія по лѣсу.

— Что, нашла корову?—спросилъ ее Павелъ.

— Нашла, батюшка, нашла; звѣрь ее, голубушку, убилъ, — отвѣчала скотница и залилась горькими слезами.

— Шельмы этакіе!—повторилъ опять полковникъ, сердито взмахнувъ на скотницу глазами.

— Только что, — продолжала та, не обращая даже вниманія на слова барина и какъ бы болѣе всего предаваясь собственному горю:—у мосту-то къ Раменью повернула за кустикъ, гляжу, а она и лежитъ тутъ. Весь бочокъ распоротъ; должно быть, гоны двои она тащила его на себѣ—земля-то взрыта!

— Медвѣдь это ее убилъ?—спросилъ Павелъ съ разгорѣвшимся взоромъ.

— Онъ, батюшка!.. Кому же окромя его—варвара!... Я, батюшка Михайла Поликарпычъ, виновата ужъ,—обратилась она къ полковнику:—больно злоба-то меня на него взяла: забѣжала въ Петрушино къ егерю Якову Сафонычу. «Не подсидишь-ли, говорю, батюшка, на лабазѣ; не подстрѣлишь - ли злодѣя - то нашего?» Обѣщался придти.

— Нечего ужъ теперь стрѣлять-то; смотрѣть-бы надо было хорошенько!—возразилъ ей мрачно полковникъ.

— Николи, батюшка, николи онѣ въ эту трущобу не захаживали!—убѣждала его скотница и потомъ, снова обливаясь слезами и приговаривая:—«матушка моя!»—вышла изъ комнатъ.

Но врядъ-ли всѣ эти стоны и рыданія ея не были устроены нарочно, только для одного барина; потому что, когда Павелъ нагналъ ее и сказалъ ей: «ты скажи же мнѣ, какъ егерь-то

придетъ!—«Слушаю, батюшка, слушаю», отвѣчала она ему совершенно покойно.

Егеря, впрочемъ, когда тотъ пришелъ, Павелъ сейчасъ-же самъ узналъ по патронташу, повѣшенному черезъ плечо, и по ружью въ рукѣ.

— Ты на медвѣдя пришелъ?—спросилъ онъ его съ любопытствующимъ лицомъ.

— Да-съ,—отвѣчалъ тотъ, глядя на него съ улыбкою.

— Папаша, егерь!—закричалъ Павелъ.

Полковникъ тоже вышелъ на крыльцо.

— Здравствуй, Яковъ,—проговорилъ онъ.

— Что, батюшка, и у васъ сосѣдъ-то нашъ любезный понадурилъ?—отвѣчалъ тотъ, вѣжливо снимая передъ нимъ шапку.

— Да, а все народецъ нашъ проклятый: не взглянутъ день-деньской на скотину.

— Не усмотришь тоже за нимъ, окаяннымъ,—произнесъ Сафонычъ.

— А ты убивалъ когда-нибудъ медвѣдей?—пристаталъ къ нему Павелъ.

— Какъ же-съ! Третьяго года такого медвѣдища уложилъ матерого, что и Боже упаси!

— Я, папаша, пойду съ нимъ сидѣть на медвѣдя,—сказалъ Павелъ почти повелительнымъ голосомъ отцу.

— Ты?—повторилъ тотъ, покраснѣвъ слегка

въ лицѣ. — Эй, Кирьянъ! — крикнулъ онъ проходившему мимо приказчику.

Кирьянъ подошелъ.

— Возьми ты Павла Михайлыча ружье, запри его къ себѣ въ клѣть и принеси мнѣ ключъ. Вотъ какъ ты будешь сидѣть на медвѣдя! — прибавилъ онъ сыну.

Кирьянъ сейчасъ-же пошелъ исполнить приказаніе барина. Павелъ надулся.

— Гдѣ, сударь, вамъ сидѣть со мной; вѣдь тоже полѣзу на лабазъ, на дерево,—утѣшалъ его Сафонычъ.

— А я развѣ не умѣю взлѣзть на дерево?— возразилъ ему Павелъ.

— Ну, а какъ онъ васъ стрясетъ съ дерева-то?

— А отчего-жъ тебя онъ не стрясываетъ?

— Да я потяжельше васъ.

— И меня, братъ, не стрясетъ, какъ я схвачусь, сдѣлай милость,—сказалъ хвастливо Павелъ.

— Ну, объ этомъ разговоръ ужъ конченъ: довольно!—перебилъ его, съ совершенно вспыхнувшимъ лицомъ, полковникъ.

Павелъ отвернулся отъ него.

Сафонычъ, затѣмъ, получивъ рюмку водки, отправился садиться на лабазъ. Всѣ дворовые, мужчины и женщины, вышли на усадебную околицу и замерли въ ожиданіи, точно какъ будтобы гдѣ-то не-вдалекѣ происходило сраженіе, и

они еще не знали, кто побѣдитъ: наши или непріятель. Между всѣми ими рисовалась стоящая въ какой-то трагической позѣ скотница. Она попрежнему была въ оборванномъ сарафанишкѣ и съ босыми расцарапанными ногами и попрежнему хотѣла, кажется, по преимуществу поразить полковника. Павелъ безпрестанно подбѣгалъ къ ней и спрашивалъ: «что? Не слыхать? Не слыхать еще, чтобы выстрѣлилъ»?

— Нѣту, батюшка, нѣту,—отвѣчала она монотонно-плачевнымъ голосомъ.

Наконецъ, вдругъ раздался крикъ:—«выстрѣлилъ»!.. Павелъ сейчасъ-же бросился со всѣхъ ногъ въ ту сторону, откуда раздался выстрѣлъ.

— Куда это онъ?—спросилъ полковникъ, не сообразивъ еще хорошенько въ первую минуту; потомъ сейчасъ-же торопливо прибавилъ:—«Кирьянъ, лови его! Останови»!

Кирьянъ тоже сначала не понялъ.

— Лови его, каналью этакую!—заревѣлъ полковникъ.

Кирьянъ бросился за Павломъ и кричалъ.

— Постойте, сударь, погодите! Павелъ Михайлычъ, папенька васъ спрашиваетъ!

Павелъ не слушался и продолжалъ улепетывать отъ него. Но вотъ раздался еще выстрѣлъ; Паша на минуту пріостановился. Кирьянъ, воспользовавшись этимъ мгновеніемъ и почти на-

валясь на барчика, обхватилъ его въ охапку. Павелъ сталъ брыкаться у него, колотилъ его ногами, кусалъ его руки...

Въ это время изъ лѣсу показался и Сафонычъ. Кирьянъ позазѣвался на него. Павелъ юркнулъ у него изъ рукъ и—прямо къ егерю.

— Что, убилъ? — проговорилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Убилъ! — отвѣчалъ тотъ: — велите, чтобы телѣга ѣхала.

— Телѣгу! Телѣгу!—закричалъ Павелъ почти бѣшенымъ голосомъ и побѣжалъ назадъ къ усадьбѣ. Ему встрѣтился полковникъ, который тоже трусилъ со своимъ толстымъ брюхомъ, чтобы поймать сына

— Телѣгу, папаша, телѣгу!—едва выговаривалъ тотъ и продолжалъ бѣжать.

— Телѣгу скорѣй!—закричалъ и полковникъ, тоже повернувъ и побѣжавъ за сыномъ.

Телѣга сейчасъ же была готова. Павелъ, самъ правя, полетѣлъ на ней въ поле, такъ что къ нему едва успѣли вскочить Кирьянъ и Сафонычъ. Подъѣхали къ мѣсту пораженія. Около куста распростерта была растерзанная корова, а невдалекѣ отъ нея, въ лужѣ крови, лежалъ и медвѣдь: онъ очень скромно повернулъ голову на бокъ и какъ бы не околѣлъ, а заснулъ только.

— Мнѣ Богъ привелъ съ перваго же раза въ

правую лопатку ему угадать; а тутъ онъ вертѣться сталъ и голову мнѣ подставилъ,—толковалъ Сафонычъ Кирьяну.

Но Павелъ ничего этого не слушалъ: онъ зачѣмъ-то и куда-то ужасно торопился.

— Валите на телѣгу!—закричалъ онъ строгимъ, почти не дѣтскимъ, голосомъ, и самъ своими ручонками сталъ подсоблять, когда егерь и Кирьянъ потащили звѣря на телѣгу. Потомъ сѣлъ рядомъ съ медвѣдемъ и поѣхалъ. Лошадь фыркала и рвалась бѣжать шибче. Павелъ сдерживалъ ее. Егерь и Кирьянъ сначала пошли было около него, но онъ вскорѣ удралъ отъ нихъ впередъ, чтобы показать, что онъ не боится оставаться одинъ съ медвѣдемъ. Въ усадьбѣ его встрѣтили съ улыбающимся лицомъ полковникъ и все почти остальное народонаселеніе. Бабы при этомъ ахали и дивились на звѣря; мальчишки радостно припрыгивали и кричали; собаки лаймя лаяли. Вдругъ изъ всей этой толпы выскочила,—съ всклоченными волосами, съ дикими глазами и съ метлою въ рукѣ,—скотница и начала рукояткой метлы бить медвѣдя по головѣ и по животу. «Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, дьяволъ, за нашу буренушку!» приговаривала она.

— Перестань, дура; шкуру испортишь,—унялъ ее подошедшій Сафонычъ.

— Ну на тебѣ еще на водку,—сказалъ полковникъ, давая ему полтинникъ.

Сафонычъ поклонился.

— Ужъ позвольте и лошадки чорта-то этого до дому своего довезти: шкуру тоже надо содрать съ него и сальца поснять.

— Хорошо, возьми, — сказалъ полковникъ: — Кирьянъ, поѣзжай съ нимъ!

Кирьянъ и Сафонычъ поѣхали. За ними побѣжали опять съ крикомъ мальчишки, и залаяли снова собаки.

Вся эта жизнь, — съ полями, лѣсами, съ охотою, лошадьми, — должна была на вѣки кончиться для него, и впереди предстояло только одно: учиться. По случаю безвыѣздной деревенской жизни отца, наставниками его пока были: приходскій дьяконъ, который версты за три бѣгалъ каждый день поучить его часа два; потомъ былъ взятъ къ нему разстрига-попъ, но оказался ужъ очень сильнымъ пьяницей; наконецъ, училъ его старичокъ, переѣзжавшій нѣсколько десятковъ лѣтъ отъ одного помѣщика къ другому и переучившій, по крайней мѣрѣ, поколѣнія четыре. Какъ ни плохи были такого рода наставники, но все-таки учили его дѣлу: читать, писать, ариѳметикѣ, грамматикѣ, латинскому языку. У него никогда не было никакой гувернантки, изобрѣтающей приличныя для его возраста causeries съ нимъ; ему никогда никто не читалъ дѣтскихъ книжекъ, а онъ прямо схватился за кое-какіе романы и путешествія, которые

нашелъ на полкѣ у отца въ кабинетѣ; словомъ, ничто какъ бы не лелѣяло и не поддерживало въ немъ дѣтскаго возраста, а скорѣй игра и ученіе все задавали ему задачи больше его лѣтъ.

Когда Паша совсѣмъ уже хотѣлъ уйти съ крыльца въ комнаты, къ нему подошла знакомая намъ скотница.

— Не прикажете ли, батюшка, сливочекъ? Уѣдете въ городъ, тамъ и молочка хорошаго нѣтъ,— проговорила она.

— Дай,—сказалъ ей Павелъ. Та принесла ему густѣйшихъ сливокъ; онъ хоть и не очень любилъ молоко, но выпилъ его цѣлый стаканъ и пошелъ къ себѣ спать. Ему все еще продолжало быть грустно.

III.

Полковникъ, везя сына въ гимназію, рѣшился заѣхать въ усадьбу Новоселки къ Есперу Иванычу Имплеву, старому холостяку и двоюродному брату покойной жены его. Паша любилъ этого дядю, потому что онъ казался ему очень умнымъ. Къ Новоселкамъ они стали подъѣзжать часовъ въ семь вечера. На открытой мѣстности, окаймленной нѣсколькими изгибами широкой рѣки, посреди низенькихъ, старенькихъ и крытыхъ соломою избъ и скотныхъ дворовъ стоялъ новый, какъ игрушечка, домъ Имплева. Паша припомнилъ, что домъ

этотъ походилъ на тотъ домикъ, который онъ видѣлъ у дяди на рисункѣ, когда гостилъ у него въ старомъ еще домѣ. Рисунокъ этотъ привезъ къ Есперу Иванычу какой-то высокій господинъ съ всклокоченными волосами и въ синемъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами. Господинъ этотъ что-то такое запальчиво говорилъ, потомъ зачѣмъ-то топалъ ногой, проходилъ небольшое пространство, снова топалъ и снова дѣлалъ нѣсколько шаговъ. Гораздо уже въ позднѣйшее время Павелъ узналъ, что это топанье означало площадки лѣстницы, которая должна была проходить въ новомъ домѣ Еспера Ивановича, и что самъ господинъ былъ даровитѣйшій архитекторъ, академическаго еще воспитанія, пьяница, нищій, нелюбимый ни начальствомъ, ни публикой. Послѣ него въ губернскомъ городѣ до сихъ поръ остались — три постройки, въ которыхъ вы сейчасъ же замѣчали что-то особенное, и вамъ дѣлалось хорошо, какъ обыкновенно это бываетъ, когда вы остановитесь, напримѣръ, передъ постройками Растрели. Во всей губерніи одинъ только Есперъ Иванычъ цѣнилъ и уважалъ этотъ высокій, но спившійся талантъ. Онъ заказалъ ему планъ и фасадъ своего деревенскаго дома, и всѣ предначертанія маэстро выполнилъ, по крайней мѣрѣ снаружи, съ буквальной точностью. Домъ вышелъ, начиная съ фасада и орнаментовъ его до соразмѣрности частей, съ не-

чатью великаго вкуса. Есперъ Иванычъ предполагалъ въ томъ же тонѣ выстроить и всю остальную усадьбу, имѣлъ уже отъ архитектора и рисунки для того, но и только пока.

Когда Вихровы въѣхали въ Новоселки и вошли въ переднюю дома, ихъ встрѣтила Анна Гавриловна, ключница Еспера Иваныча, женщина лѣтъ сорока пяти, но еще довольно красивая и необыкновенно чистоплотная изъ себя.

— Мы съ Есперомъ Иванычемъ изъ-подъ горы еще васъ узнали,—начала она совершенно свободнымъ тономъ:—ѣдутъ все шагомъ, думаемъ: вѣрно это Михайло Поликарпычъ лошадей своихъ жалѣетъ!

— Жалѣю!—отвѣчалъ, немного краснѣя, полковникъ: онъ въ самомъ дѣлѣ до гадости былъ бережливъ на лошадей.

— Миленькій, какъ выросъ!—обратилась Анна Гавриловна къ Павлу и поцѣловала его въ голову:—въ верхъ пожалуйте; туда баринъ приказалъ просить!—прибавила она.

— Идемъ!—отвѣчалъ полковникъ.

Чѣмъ выше всѣ они стали подниматься по лѣстницѣ, тѣмъ Паша сильнѣе началъ чувствовать запахъ французскаго табаку, который обыкновенно нюхалъ его дядя. Въ высокой и пространной комнатѣ, предъ письменнымъ столомъ, на покойныхъ вольтеровскихъ креслахъ, сидѣлъ Есперъ Иванычъ.

Онъ былъ въ колпакѣ, съ поднятыми на лобъ очками, въ легонькомъ, холстинковомъ халатѣ и въ мягкихъ сафьянныхъ сапогахъ Лицо его дышало умомъ и добродушіемъ и напоминало собою нѣсколько лицо Вальтеръ-Скотта.

— Здравствуйте, странники, не имущіе крова!— воскликнулъ онъ входящимъ.—Здравствуй, Ѳевей царевичъ!—прибавилъ онъ почти нѣжнымъ голосомъ Павлу, цѣлуя его въ лицо.

Павелъ цѣловалъ у дяди лицо, руки; отъ запаху французскаго табаку онъ чихнулъ.

Вихровы сѣли.

Кабинетъ Еспера Иваныча представлялъ довольно оригинальный видъ: большой столъ, передъ которымъ онъ самъ сидѣлъ, былъ сплошь заваленъ бумагами, карандашами, циркулярами, линейками, треугольниками. На немъ же помѣщались: зрительная трубка, микроскопъ и калейдоскопъ. У задней стѣны стояла мягкая, съ красивымъ одѣяломъ, кровать Еспера Иваныча. Въ продолженіе дня онъ только и дѣлалъ, что съ книгою въ рукахъ то сидѣлъ передъ столомъ, то ложился на кровать. По третьей стѣнѣ шелъ длинный диванъ, заваленный книгами, и кромѣ того на немъ стояли безъ рамокъ двѣ отличныя копіи: одна съ Сикстовой Мадонны, а другая съ Данаи Корреджіо. Въ сосѣдней комнатѣ стояли растворенные шкапы; тутъ и тамъ размѣщены были не прибитыя картины и

эстампы, и лежали на полу и на столахъ книги. Все это Есперъ Иванычъ каждый день собирался привести въ порядокъ и каждый день все больше и больше разбрасывалъ.

— Залобаниваю вотъ, везу въ гимназію!—началъ старикъ Вихровъ, показывая на сына.

— Что-жъ, это хорошо,—проговорилъ Имплевъ съ какимъ-то свѣтлымъ и ободряющимъ лицомъ.

— Одно только — жаль разстаться... Одинъ, вѣдь, онъ у меня,—только свѣту и радости!..— произнесъ полковникъ, и у него ужъ навернулись слезы на глазахъ.

Есперъ Иванычъ потупился.

— Зачѣмъ же разставаться—живи съ нимъ!— проговорилъ онъ.

— А какъ хозяйство-то оставить — на кого? Разорятъ совсѣмъ!—воскликнулъ полковникъ, почти въ отчаяніи разводя руками.

Есперъ Ивановичъ понялъ, что въ душѣ старика страшно боролись, съ одной стороны, горячая привязанность къ сыну, а съ другой—страхъ, что если онъ оставитъ хозяйство, такъ непремѣнно разорится; а потому Имплевъ болѣе уже не касался этой больной струны.

Вошла Анна Гавриловна съ чайнымъ подносомъ въ рукахъ. Разнеся чай, она не уходила, а осталась тутъ же въ кабинетѣ.

— Гдѣ жить у тебя будетъ Паша?—спросилъ Есперъ Иванычъ полковника.

— Да тутъ, я у Григорьевны Абреевой квартирку въ домѣ ея внизу взялъ!.. Оставлю при немъ человѣка!..—отвѣчалъ тотъ.

— Что же, онъ такъ одинъ съ лакеемъ и будетъ жить?—возразилъ Есперъ Иванычъ.

— Нѣтъ, я сына моей небогатенькой сосѣдки беру къ нему, — тоже гимназистикъ, постарше Паши и прекраснѣйшій мальчикъ!—проговорилъ полковникъ.

— Поумаялись, видно, съ дороги то,—отнеслась Анна Гавриловна съ веселымъ видомъ къ полковнику.

— Да, а все коляска проклятая; туда мотнетъ, сюда,—всю душу вымотала,—отвѣчалъ онъ.

— Неужели лучше въ службѣ-то на лошади верхомъ ѣздили?—сказала Анна Гавриловна. Она знала, что этимъ вопросомъ доставитъ безконечное удовольствіе старику.

— Э, на лошади верхомъ!—воскликнулъ онъ съ вспыхнувшимъ мгновенно взоромъ: — у меня, сударыня, былъ карабахскій жеребецъ—люлька, или еще покойнѣе того; отъ Шухи до Баки триста верстъ, а я на немъ въ двое сутокъ доѣзжалъ; на лошади ѣшь и на лошади спишь.

— А сколько вамъ лѣтъ-то тогда было, баринъ — баринъ хвастунъ!..—перебила Анна Гавриловна.

— Лѣтъ двадцать пять, не больше!

— То-то и есть: ступайте лучше—отдохните на постелькѣ, чѣмъ на вашихъ коняхъ-то.

— И то пойду!.. Да хранитъ васъ Богъ!— говорилъ полковникъ, склоняя голову и уходя.

Анна Гавриловна тоже послѣдовала за нимъ.

— Идти уложить его!—говорила она.

Ко всѣмъ гостямъ, которыхъ Есперъ Иванычъ любилъ, Анна Гавриловна была до нѣжности ласкова.

Имплевъ, оставшись съ племянникомъ, продолжалъ на него ласково смотрѣть.

— Ну-ка, пересядь сюда поближе! — сказалъ онъ.

Паша пересѣлъ.

— Вотъ теперь тебя везутъ въ гимназію; тебѣ надобно учиться хорошо; мальчикъ ты умный; въ ученьѣ счастье всей твоей жизни будетъ.

— Я буду учиться хорошо,—сказалъ Павелъ.

— Еще бы!.. Отецъ вотъ твой, напримѣръ, отличный человѣкъ: и умный, и добрый; а если имѣетъ какіе недостатки, такъ чисто какъ человѣкъ необразованный: и скупенекъ немного, и несовсѣмъ благоразумно строгъ къ людямъ...

Павелъ потупился; тяжелое и непріятное чувство пошевелилось у него въ душѣ противъ отца; «никогда не буду скупъ и строгъ къ людямъ?» — подумалъ онъ.

— Ты самъ меня какъ-то спрашивалъ,—про
должалъ Имплевъ:—отчего это, когда вотъ помѣ
щики и чиновники съѣдутся, сейчасъ же въ карты
сядутъ играть?.. Прямо отъ неученья! Имъ не
чемъ между собой говорить; и чѣмъ необразован
нѣй общество, тѣмъ склоннѣй оно ко всѣмъ этим
играмъ въ кости, въ карты; всѣ восточные на
роды, которые еще необразованнѣе насъ, очен
любятъ все это, и у нихъ, напримѣръ, за вели
чайшее блаженство считается ихъ *кейфъ*, то есть
когда человѣкъ ничего ужъ и не думаетъ даже

— А въ чемъ же, дядя, настоящее блажен
ство?—спросилъ Павелъ.

— Настоящее блаженство состоитъ,—отвѣ
чалъ Имплевъ,—въ отправленіи нашихъ высшихъ
душевныхъ способностей: ума, воображенія, чув
ства. Мнѣ вотъ, хоть и не много, а все побольше
разныхъ здѣшнихъ господъ Богъ далъ знанія,
меня каждая вещь, что ты видишь здѣсь въ каби
нетѣ, занимаетъ.

— А это что такое у васъ, дядя?—спросил
Павелъ, показывая на астролябію, которая очен
возбуждала его любопытство; самъ собою онъ
никакъ не могъ догадаться, что это было такое.

— Это—астролябія, инструментъ—землю мѣ
рять; ты, вѣдь, черченію учился?

— Учился, дядя!

— И поэтому знаешь, что такое треугольникъ

Павелъ самъ правя, полетѣлъ въ поле...

и многоугольникъ... теперь всякая земля,—которою владѣю я, твой отецъ, словомъ, всѣ мы,—есть не что иное, какъ неправильный многоугольникъ, и, чтобы вымѣрять его, надобно вымѣрять углы его... Теперь, поди же сюда! — И Есперъ Иванычъ подвелъ Павла къ астролябіи; онъ до страсти любилъ съ кѣмъ бы то ни было потолковать о разныхъ математическихъ предметахъ.

— Теперь по границѣ владѣнія ставятъ столбы и, вмѣсто котораго-нибудь изъ нихъ, берутъ и устанавливаютъ астролябію и начинаютъ смотрѣть вотъ въ щелку этого подвижного діаметра, поворачивая его до тѣхъ поръ, пока волосокъ его не совпадетъ съ ближайшимъ столбомъ; точно такъ же поворачиваютъ другой діаметръ къ другому ближайшему столбу и какое пространство между ними — смотри вотъ: 160 градусовъ, и записываютъ это,—это значитъ величина этого угла,—понялъ?

— Понялъ!—отвѣчалъ бойко мальчикъ.—Этому, дядя, очень весело учиться,—прибавилъ онъ.

— Весело! «*Науки юношей-съ питаютъ, отраду старцамъ подаютъ!*» — продекламировалъ Есперъ Иванычъ; но вошла Анна Гавриловна и прервала ихъ бесѣду.

— Воинъ-то нашъ храпомъ ужъ храпитъ!.. — объявила она.

— А и Богъ съ нимъ!.. — отозвался Есперъ

Иванычъ, отходя отъ астролябіи и садясь на прежнее мѣсто.—А ты вотъ что,—прибавилъ онъ Аннѣ Гавриловнѣ, показывая на Павла: — принеси-ка подарокъ, который мы приготовили ему.

— Хорошъ ужъ подарокъ, нечего сказать!— возразила Анна Гавриловна, усмѣхаясь; сама впрочемъ пошла и вскорѣ возвратилась съ халатомъ на ростъ Павла и съ такими же сафьянными сапогами.

— Облекись-ка въ сіе благородное одѣяніе, юноша!—сказалъ Есперъ Иванычъ Пашѣ.

Тотъ въ минуту же сбросилъ съ себя свой чепанчикъ, брюки, сапожонки, надѣлъ халатъ и сафьянные сапоги.

— Ну теперь, сударыня,—продолжалъ Есперъ Иванычъ, снова обращаясь къ Аннѣ Гавриловнѣ,— собери ты съ этого дивана книги и картины и постели на немъ постельку. *Онъ* полежитъ, и я полежу.

— Что-й-то, полноте, и маленькаго-то заставляете лежать!—воскликнула Анна Гавриловна.

— Нѣтъ, Анна Гавриловна, я хочу полежать, ей-богу,—торопливо подхватилъ Павелъ. Онъ полагалъ, что все, что дядя желаетъ, чтобъ онъ дѣлалъ, все это было прекрасно, и онъ долженъ былъ дѣлать.

— Ахъ вы, уморники, право! — сказала Анна Гавриловна и начала приготовлять Пашѣ постель.

— Читывалъ ли ты, мой милый другъ, романы?—спросилъ его Есперъ Иванычъ.

— Читывалъ, дядя.

— Какіе же?

— «*Молодой Дикій*», «*Повѣсти Мармонтеля*».

— Ну, все это не то!... Я тебѣ Вальтеръ-Скотта дамъ. Прочитаешь—только пальчики оближешь!...—И Имплевъ въ самомъ дѣлѣ далъ Павлу переводъ *Ивангое*; самъ тоже взялъ книгу, и оба они улеглись.

Анна Гавриловна покатилась со смѣху.

— Вотъ ужъ по пословицѣ: старый и малый одно творятъ,—сказала она и, покачавъ головой, ушла.

Паша сейчасъ началъ читать. Есперъ Иванычъ по временамъ изъ-подъ очковъ взглядывалъ на него. Наконецъ уже смерклось. Имплевъ обратился къ Пашѣ:

— Встань и подними у этой банки крышку.

Павелъ всталъ и подошелъ къ столу, поднялъ у банки крышку и тотчасъ же отскочилъ. Изъ маленькаго отверстія банки вспыхнуло пламя.

— Откуда это огонь появился?—спросилъ онъ съ блистающимъ отъ любопытства взоромъ.

— Ну, этого пока тебѣ еще нельзя растолковать,—отвѣчалъ Есперъ Иванычъ съ улыбкой,—а ты вотъ зажги свѣчи и закрой опять крышку.

Паша все это исполнилъ, и они опять оба принялись за чтеніе.

Анна Гавриловна еще нѣсколько разъ входила къ нимъ, едва упросила Пашу сойти внизъ покушать чего-нибудь. Есперъ Иванычъ никогда не ужиналъ, и вообще онъ прихотливо, но очень мало ѣлъ. Паша, возвратясь наверхъ, опять принялся за прежнее дѣло, и такимъ образомъ они читали часовъ до двухъ ночи. Наконецъ Есперъ Иванычъ погасилъ у себя свѣчку и велѣлъ сдѣлать то же и Павлу, хотя тому еще и хотѣлось почитать.

IV.

На другой день началась та же исторія, что и вчера была. Есперъ Иванычъ, не вставая даже съ постели, часовъ до двѣнадцати читалъ, а потомъ принялся бриться, мыться и одѣваться. Все это онъ обыкновенно совершалъ весьма медленно, до самаго почти обѣда. Полковникъ, какъ любитель хозяйства, еще съ ранняго утра, взявъ съ собою приказчика, отправился съ нимъ въ поля. Паша все время читалъ въ сосѣдней съ дядинымъ кабинетомъ комнатѣ. Часа въ два всѣ сошлись въ залѣ къ обѣденному столу.

Есперъ Иванычъ за обѣдомъ сказалъ Пашѣ.

— Всѣ говорятъ, мой милый, что мы съ тобой лежебоки; давай-ка, не будемъ сегодня лежать послѣ обѣда и поѣдемъ рыбу ловить... Угодно

вамъ, полковникъ, съ нами? — обратился онъ къ Михайлу Поликарпычу.

— Нѣтъ-съ!—отвѣчалъ тотъ.

Полковникъ любилъ ходить въ поля за какимъ-нибудь дѣломъ, а не за удовольствіемъ.

— Значитъ, мы съ тобой вдвоемъ поѣдемъ.

— Поѣдемте, дядя,— отвѣчалъ Павелъ съ удовольствіемъ.

— Поди-ка распорядись,—чтобы тамъ все готово было,— сказалъ Есперъ Иванычъ Аннѣ Гавриловнѣ.

— Слава тебѣ Господи, хоть вѣтромъ-то васъ немножко обдуетъ,—проговорила она и пошла.

Тотчасъ же, какъ встали изъ-за стола, Есперъ Иванычъ надѣлъ, съ широкими полями, соломенную шляпу, взялъ въ руки палку съ дорогимъ набалдашникомъ и, въ сопровожденіи Павла, вышелъ на крыльцо. Ихъ ожидала запряженная линейка, чтобъ довезти до рѣки, до которой, впрочемъ, всего было съ версту. Небольшая, здоровая сырость, благоуханіе травъ и хлѣбовъ, чириканье разныхъ птичекъ наполняли воздухъ. Сама рѣка, придавая всей окрестности какой-то широкій и раздольный видъ, проходила наподобіе огромной синеватой ленты между ровными, зелеными лугами. По нарочно сдѣланному сходу наши рыболовы сошли и сѣли въ раскрашенную лодку. Править рулемъ Есперъ Иванычъ взялся самъ, а

Пашу посадилъ противъ себя. Гребли четыре человѣка здоровыхъ молодыхъ ребятъ, а человѣкъ шесть мужиковъ, на другой лодкѣ, стали заводить и закидывать неводъ. Поверхность воды была-бы совершенно гладкая, если бы на ней то тутъ, то тамъ не появлялись безпрестанно маленькіе кружки, которые расходились все больше и больше, пока не пропадали совсѣмъ, а на мѣсто ихъ появлялся новый кружокъ. Павла все это очень заняло.

— Дядя, что такое облака? — спросилъ онъ, взмахнувъ глазами на небо.

— Это пары водяные,—отвѣчалъ тотъ:—изъ земли выходитъ испареніе и вверху, гдѣ холодно, оно превращается въ мелкія капли и пузырьки, которые и есть облака.

— А отъ чего-же они съ одной стороны свѣтлы, а съ другой темны.

— Со стороны, съ которой они освѣщены солнцемъ, они свѣтлы, а съ которой — нѣтъ, съ той темны.

— Такъ! — сказалъ Павелъ. Онъ совершенно понималъ все, что говорилъ ему дядя.

— А отчего, скажи, дядя, чѣмъ день иногда бываетъ яснѣй и свѣтлѣй, и чѣмъ больше я смотрю на солнце, тѣмъ мнѣ тошнѣй становится и кажется, что между солнцемъ и мною все мелькаетъ тѣнь покойной моей матери.

Есперъ Иванычъ грустно улыбнулся.

— Это, мой милый другъ, — началъ онъ неторопливо,—есть невѣдомые голоса нашей души, которые говорятъ въ насъ...

Странное дѣло, — эти почти безсмысленныя слова ребенка заставили какъ-бы въ самомъ Есперѣ Иванычѣ заговорить невѣдомый голосъ: ему почему-то представился съ особенной ясностью этотъ неширокій горизонтъ всей видимой мѣстности, но въ которой онъ однако погребъ себя на всю жизнь; впереди не видѣлось никакихъ новыхъ умственныхъ или нравственныхъ радостей, — ничего, кромѣ смерти, и развѣ ужъ за предѣлами ея откроется какой-нибудь міръ и источникъ иныхъ наслажденій; а Паша все продолжалъ приставать къ нему съ разными вопросами о виднѣвшихся цвѣтахъ изъ воды, о спорхнувшей цѣлой стаѣ дикихъ утокъ, о мелькавшихъ вдали селахъ и деревняхъ. Есперъ Иванычъ отвѣчалъ ему немногосложно. Когда они возвратились къ тому мѣсту, отъ котораго отплыли, то рыбаки вытащили уже нѣсколько тоней; рыбы попало пропасть; она трепетала и блистала своей чешуей и въ ведрахъ, и въ сѣти, и на лугу береговомъ; но Есперъ Иванычъ и не взглянулъ даже на всю эту благодать, а поспѣшилъ только дать рыбакамъ поскорѣе на водку и, позвавъ Павла, который началъ было на все это

глазѣть, сѣлъ съ нимъ въ линейку и уѣхалъ домой.

Тамъ на крыльцѣ ожидали ихъ Михайло Поликарпычъ и Анна Гавриловна. Та сейчасъ же, какъ вошли они въ комнаты, подала мороженаго; потомъ садовникъ, изъ собственной оранжереи Еспера Иваныча, принесъ фруктовъ, изъ которыхъ Есперъ Иванычъ отобралъ самые лучшіе и подалъ Павлу

Передъ тѣмъ, какъ расходиться спать, Михайло Поликарпычъ заикнулся было:

— А намъ завтра, пожалуй-бы, и въ путь надо!..

— Ни, ни!—возразилъ Есперъ Иванычъ, отрицательно мотнувъ головой, и потомъ грустнымъ голосомъ прибавилъ.—Эхъ, братъ, Михайло Поликарпычъ, погости: придетъ время, и пріѣхалъ бы въ Новоселки, да ужъ не къ кому!

— Придетъ-то придетъ,—не къ кому и некому будетъ пріѣхать!..—подхватилъ полковникъ и покачалъ съ грустью головой.

Такъ прошелъ еще день, два, три... Въ это время Павелъ и Есперъ Иванычъ ѣздили въ лѣсъ по грибы; полковникъ ихъ и туда не сопровождалъ, и по этому поводу сказалъ поговорку: «рыбка да грибки—потерять деньки!»

Прогулки за грибами совершались обыкновенно такимъ образомъ: на той же линейкѣ Павелъ и

Есперъ Ивановичъ отправлялись къ какому-нибудь перелѣску, обильному грибами; ихъ сопровождала всегда цѣлая ватага деревенскихъ мальчишекъ. Когда подъѣзжали къ избранному мѣсту, Павелъ и мальчишки разсыпались по лѣсу, а Есперъ Иванычъ, распустивъ зонтикъ, оставался сидѣть на линейкѣ. Мальчишки, набравъ грибовъ, бѣгомъ неслись съ ними къ барину, и онъ надѣлялъ ихъ за то нарочно-взятыми пряниками и орѣхами. На обратномъ пути въ Новоселки, мальчишки завладѣвали и линейкой: кто помѣщался на ней сзади, кто садился на другую сторону отъ баръ, кто—рядомъ съ кучеромъ, а кто—и вмѣстѣ съ барами. Есперъ Иванычъ только посматривалъ на нихъ и посмѣивался. Онъ очень любилъ всѣхъ дѣтей безъ различія! По вечерамъ, — когда полковникъ, выпивъ рюмку-другую водки, начиналъ горячо толковать съ Анной Гавриловной о хозяйствѣ, а Паша, засвѣтивъ свѣчку, отправлялся наверхъ читать,—Есперъ Иванычъ, разоблаченный уже изъ сюртука въ халатъ, съ щегольской гитарой въ рукахъ, укладывался въ гостиной, освѣщенной только луннымъ свѣтомъ, на диванъ и начиналъ негромко наигрывать разныя трудныя аріи; онъ отлично игралъ на гитарѣ, и вообще видно было, что вся жизнь Имплева имѣла какой-то поэтическій и меланхолическій оттѣнокъ: частое погруженіе въ самого себя; чт ніе, музыка, раз-

мышленія о разныхъ ученыхъ предметахъ и, наконецъ, благородныя и возвышенныя отношенія къ женщинѣ—всегда составляли лучшую усладу его жизни. Только на обезпеченной всѣмъ и ничего не дѣлающей русской дворянской почвѣ могъ вырасти такой прекрасный и въ то же время столь малодѣйствующій плодъ.

По прошествіи недѣли, полковникъ наконецъ взбунтовался.

— Намъ завтра позвольте ужъ уѣхать — это нельзя! — сказалъ онъ почти разсерженнымъ голосомъ.

— Можете, можете-съ! — отвѣчалъ Есперъ Иванычъ.—Только дай вотъ мнѣ прежде Ѳевей-царевичу книжку одну подарить, — сказалъ онъ и увелъ мальчика съ собой наверхъ. Здѣсь онъ взялъ со стола маленькій вязаный бисерный кошелекъ, на подобіе кучерской шапочки.

— На-ка вотъ тебѣ, — сказалъ онъ, подавая его Пашѣ; — тутъ есть три-четыре рыжичка; если тебѣ захочется полакомиться, — книжку какую-нибудь купить, въ театръ сходить, ты загляни въ эту шапочку, къ тебѣ и выскочитъ оттуда штучка, на которую ты можешь все это пріобрѣсти. Въ кошелькѣ было положено пять золотыхъ.

Павелъ поцѣловалъ у дяди руку. Есперъ Иванычъ погладилъ его по головѣ.

На другой день Вихровы уѣхали чѣмъ свѣтъ.

V.

Большой каменный домъ Александры Григорьевны Абреевой стоялъ въ губернскомъ городѣ въ довольно глухомъ переулкѣ и былъ въ совершенно ветхомъ состояніи. На пожелтѣлой крышѣ его во многихъ мѣстахъ росла трава; штукатурка и разныя украшенія наружныхъ стѣнъ обвалились. Въ верхнемъ этажѣ нѣкоторыя окна были съ выбитыми стеклами, а въ другихъ стекла были заплѣснѣлыя, съ радужными отливами; въ нижнемъ этажѣ ихъ закрывали тяжелыя ставни. Къ главному подъѣзду вели желѣзныя ворота, на которыхъ виднѣлся расколовшійся пополамъ гербъ фамиліи Абреевыхъ. Его держали два льва,— одинъ безъ головы, другой безъ всей задней части. Часовъ въ одиннадцать утра передъ этимъ домомъ остановился экипажъ Вихровыхъ. Михайло Поликарповичъ сейчасъ же послалъ своего лакея Ваньку, малаго лѣтъ семнадцати и весьма глуповатаго, вызвать къ нему сторожа при домѣ. Ванька сначала побѣжалъ проворно и съ усердіемъ. Но едва только отворилъ желѣзную калитку, какъ сейчасъ же остановился. Ванька былъ большой трусъ: вообще въѣзжая въ какой-либо городъ, онъ уже чувствовалъ нѣкоторую робость; онъ былъ больше сынъ деревни и природы! А тутъ онъ увидѣлъ передъ собою огромный дворъ, глухо

заросшій травою, — взади его, съ нѣсколькими входами, полуразвалившійся флигель и на единственной протоптанной и ведущей къ нему дорожкѣ стояла огромная собака, которая на него залаяла. Ванька очутился въ невыносимомъ положеніи: не идти дальше—онъ барина боялся; идти—собака устрашала. Онъ началъ уговаривать ее нѣжнѣйшими именами и почти умоляющимъ голосомъ: «Ну, лапушка; ну, милая, полно, я свой, свой!» Лапушка какъ бы сжалилась надъ нимъ и, переставъ лаять, сошла даже съ дорожки. Ванька бросился во флигель, но въ какую дверь было торгнуться? Ну, какъ попадетъ не туда — выйдетъ какой-нибудь баринъ, и зубы ему начиститъ! Но собака опять пролаяла; Ванька схватился за первую скобку и отворилъ дверь. Въ довольно просторной избѣ онъ увидѣлъ пожилого, но еще довольно молодцоватаго солдата, въ рубашкѣ и штанахъ съ краснымъ кантомъ, который, съ рубанкомъ въ рукахъ, стоялъ около столярнаго верстака по колѣно въ настругапныхъ имъ стружкахъ.

— Ты, дяденька, сторожъ?—спросилъ Ванька дрожащимъ голосомъ.

— Я,—отвѣчалъ солдатъ неторопливо.

Его, кажется, по преимуществу озадачило глупое лицо Ваньки.

— Къ барину нашему пожалуйте, сдѣлайте милость!—продолжалъ тотъ.

— Къ какому барину?

— Къ нашему, чтой-то, помилуйте? — произнесъ Ванька, усмѣхаясь.—У воротъ, вонъ, дожидается.

— Да пошто я ему?

— Надо, видно,—помилуйте; пойдите, пожалуйста!

Солдатъ пожалъ плечами.

— Не разберешь тебя, парень, хорошенько; Богъ тебя знаетъ! — сказалъ онъ и началъ неторопливо стряхивать съ себя стружки и напяливать на себя свой вицмундиришко.

— Баринъ послалъ; «позови, говоритъ, сторожа!»—толковалъ ему Ванька.

Солдатъ ничего уже не отвѣчалъ, а только пошелъ. Ванька слѣдовалъ за нимъ, поглядывая искоса на стоявшую вдали собаку. Выйдя за ворота и увидѣвъ на головѣ Вихрова фуражку съ краснымъ околышкомъ и болтающійся у него въ петлицѣ георгіевскій крестъ, солдатъ мгновенно вытянулся и приложилъ даже руки по швамъ.

— Барыня ваша квартиру, вотъ, мнѣ въ низу вашемъ отдала; вотъ и письмо ея къ тебѣ,—сказалъ полковникъ, подавая ему письмо.

— Грамотѣ, ваше высокородіе, я не знаю; все равно, пожалуйте-съ.

— Разумѣется, все равно!—сказалъ Вихровъ, вылѣзая изъ экипажа.

Солдатъ слегка поддержалъ его подъ руку, поддержалъ также и Пашу; потомъ молодецки распахнулъ ворота, кивнулъ головой кучеру, чтобы тотъ въѣзжалъ, и бросился къ крыльцу.

— Ставни, ваше высокородіе, позвольте напередъ всего отпереть! — Затѣмъ отперъ ихъ и отворилъ передъ Вихровыми дверь. Холодная, непріятная сырость пахнула на нихъ. Стѣны въ комнатахъ были какого-то дикаго и мрачнаго цвѣта; полъ грязный и покоробившійся; но больше всего Павла удивили подоконники: они были такіе широкіе, что онъ на нихъ могъ почти улечься поперекъ: онъ никогда еще во всю жизнь свою не бывалъ ни въ одномъ каменномъ домѣ.

— Въ прочихъ комнатахъ, ваше высокородіе, прикажете ставни отворять? Черезъ коридоръ каменный къ нимъ ходъ, — темный такой, прахъ его дери!—спросилъ солдатъ.

— Нѣтъ, не надо, — отвѣчалъ полковникъ: — эта вотъ комната для дѣтей, а тамъ для меня.

— И то, ваше высокородіе; отворишь, пожалуй, и не затворишь: петли перержавѣли; а не затворять тоже опасно: не дорого возьмутъ и влѣзутъ ночью.

Всѣ эти слова солдата и видъ комнатъ непріятно подѣйствовали на Павла; не безъ горести онъ вспомнилъ ихъ свѣтленькій, чистенькій и совершенно уже не страшный, деревенскій домикъ.

Ванька, между тѣмъ, расхрабрился: видя, что солдатъ, должно быть, очень барина его испугался,—принялся понукать имъ и наставленія ему давать.

— Ставь вотъ тутъ, — говорилъ онъ, внося съ нимъ разныя вещи,—а еще солдатъ, не знаешь куда ставить.

— Тутъ и ставятъ, — отвѣчалъ тотъ ему серьезно, но покорно.

— Какъ твоя фамилія?—спросилъ полковникъ служиваго, видя, какъ тотъ все проворно и молодецки дѣлаетъ.

Солдатъ опять мгновенно вытянулся и приложилъ руки по швамъ.

— Симоновъ, ваше высокородіе! — отвѣчалъ онъ.

— Какого полка?

— Бомбардиръ, ваше высокородіе, первой артиллерійской бригады.

— Я самъ, братъ, военный, кавказецъ, въ дѣйствующей арміи служилъ.

— Это видать такъ, ваше высокородіе!

— Пять разъ раненъ.

— Помилуй Богъ, ваше высокородіе, всякаго!

— А ты раненъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе; въ двухъ былъ — въ турецкой и польской — Богъ уберегъ. Потому у насъ артиллеристовъ мало ранятъ; коли

конница успѣла наскакать, такъ сомнетъ тебя ужъ на-смерть.

— Ну, тоже какъ и издали лафеты начнутъ подбивать, попадетъ по прислугѣ.

— Да это точно, ваше высокородіе.

— А ты вотъ что скажи мнѣ, — продолжалъ полковникъ, очень довольный бойкими отвѣтами солдата: — есть ли у тебя жена?

— Есть, ваше высокородіе, имѣется старушоночка.

— Такъ не можетъ ли она намъ стряпать, поварихой намъ быть?

— Да это что-же! Съ великимъ нашимъ удовольствіемъ; сумѣетъ ли только?

— Э, братъ, сумѣетъ ли! — воскликнулъ полковникъ: — ты знаешь, солдатская ѣда: хлѣбъ да вода.

— А ужъ каша, ваше высокородіе, такъ и мать наша! — подхватилъ Симоновъ, пожавъ слегка плечами.

Полковникъ очень былъ имъ доволенъ и перешелъ затѣмъ къ довольно щекотливому предмету.

— Я вотъ, — началъ онъ несовсѣмъ даже твердымъ голосомъ: — привезу къ вамъ запасу всякаго... ну, тащить вы, полагаю, не будете, а тамъ... сколько слѣдуетъ — разсчитаемъ.

— Разсчитаемъ, ваше высокородіе, сколько тоже гарнцевъ муки, крупы, фунтовъ говядины... Въ расчетѣ это будемъ дѣлать.

Полковникъ остался окончательно доволенъ Симоновымъ. Потирая отъ удовольствія руки, что обезпечилъ такимъ образомъ матеріальную сторону своего птенчика, онъ не хотѣлъ медлить заботами и о духовной сторонѣ его жизни.

— Ванька!—крикнулъ онъ.—Поди ты къ Рождественскому попу; домъ у него на Михайловской улицѣ; живетъ у него гимназистикъ Плавинъ; отдай ты ему вотъ это письмо отъ матери и скажи ему, чтобы онъ сейчасъ же съ тобою пришелъ ко мнѣ.

Ванька не трогался съ мѣста; лицо его явно подернулось облакомъ грусти.

«Гдѣ эта, чортъ, Михайловская улица, гдѣ найти тамъ домъ попа,—а тамъ, пожалуй, собака опять!»—мелькало въ его простодушной головѣ.

— Что-жъ ты стоишь?.. — проговорилъ полковникъ, вскидывая на него свои сѣрые навыкатѣ глаза.

Ванька сейчасъ же повернулся и пошелъ: онъ по горькому опыту зналъ, что у барина за этакимъ взглядомъ такой иногда слѣдовалъ взрывъ гнѣва, что спаси только Богъ отъ него!

Уйдя, онъ, впрочемъ, скоро воротился назадъ.

— Симоновъ пошелъ! — сказалъ онъ, какъ-то прячась весь въ себя.

— А ты и того сдѣлать не сумѣлъ,—сказалъ ему съ легкимъ укоромъ полковникъ.

— Мнѣ само аръ ставить надо-съ,—отвѣчалъ Ванька и поспѣшилъ уйти.

Ванька, упрашивая Симонова сходить за себя вдругъ бухнулъ, что онъ подаритъ ему табаку курительнаго, который будто бы растетъ у нихъ въ деревнѣ.

— Какой такой табакъ этотъ?—спросилъ тотъ не безъ удивленія.

— Табакъ настоящій, хорошій, — отвѣчалъ Ванька безъ запинки.

Симоновъ былъ человѣкъ не глупый; но, тѣмъ не менѣе, идя къ Рождественскому попу, всю дорогу думалъ—какой это табакъ могъ у нихъ расти въ деревнѣ. Порученіе свое онъ исполнилъ очень скоро, и черезъ какіе-нибудь полчаса привелъ съ собой высокаго, стройненькаго и замѣтно начинающаго франтить гимназиста; волосы у него были завиты; изъ-за борта вицмундирчика виднѣлась бронзовая цѣпочка; сапоги свѣтло вычищены.

— Матушка ваша вотъ писала вамъ,—началъ полковникъ нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ:— чтобы жить съ моимъ Пашей, — прибавилъ онъ, указывая на сына.

— Да, она писала мнѣ, — отвѣчалъ Плавинъ вѣжливо полковнику; но на Павла даже и не взглянулъ, какъ будто бы не о немъ и рѣчь шла.

— Это вотъ квартира вамъ,—продолжалъ пол-

ковникъ, указывая на комнату:—а это вотъ человѣкъ при васъ останется (полковникъ показалъ на Ваньку); малый онъ у меня смирный; Паша его любитъ; служить онъ вамъ будетъ усердно.

— Я служить, Михайло Поликарповичъ, завсегда вамъ готовъ, — отвѣчалъ Ванька умиленнымъ голосомъ и потупляя свои глаза.

Молодой Плавинъ ничего не отвѣчалъ, и Павлу показалось, что на его губахъ какъ будто бы даже промелькнула насмѣшливая улыбка. О, какъ ему досадно было это деревенское простодушіе отца и глупый отвѣтъ Ваньки!

— Мамаша ваша мнѣ говорила, что вы вотъ и позаймете съ Пашей.

— Она мнѣ и объ этомъ писала, — отвѣчалъ Плавинъ.

— Вы вѣдь, кажется, въ пятомъ классѣ? — спрашивалъ его полковникъ.

— Въ пятомъ.

— Вотъ бы мнѣ желалось знать, въ какой мой попадетъ. Кабы вы были такъ добры, проэкзаменовали бы его...

— Но теперь какъ же это?.. Это неудобно!— отвѣчалъ Плавинъ и опять, какъ показалось Павлу, усмѣхнулся.

— Что за экзаменъ теперь, какія глупости?— почти воскликнулъ тотъ.

— Родительскому-то сердцу, понимаете, хо-

чется поскорѣе знать,—говорилъ, не обращая вниманія на слова сына и какимъ-то жалобнымъ тономъ, полковникъ.

Павелъ выходилъ изъ себя на отца.

— Вы изъ ариѳметики сколько прошли? — обратился къ нему, наконецъ, Плавинъ, замѣтно принимая на себя роль большого.

— Первую и вторую часть.

— А изъ грамматики?

— Синтаксисъ и разборъ.

— А изъ латинскаго и географіи?

— Изъ латинскаго — этимологію, а изъ географіи—всеобщую...

— Ихъ, вѣроятно, во второй, а, можетъ быть, и въ третій классъ примутъ, — сказалъ Плавинъ полковнику.

— Хорошо кабы въ третій; все годомъ меньше, подешевле воспитаніе выйдетъ.

Павелъ старался даже не слушать, что говорилъ отецъ.

Плавинъ всталъ и началъ раскланиваться.

— Милости прошу завтра и переѣзжать,— сказалъ ему полковникъ.

— Очень хорошо-съ,—отвѣчалъ Плавинъ сухо и проворно ушелъ.

«Какими дураками мы ему должны показаться!» — съ горечью подумалъ Павелъ: онъ былъ мальчикъ проницательный и тонкихъ ощущеній.

Полковникъ, между тѣмъ, продолжалъ самодовольствовать.

— Квартира тебѣ есть, учитель есть!—говорилъ онъ сыну; но видя, что тотъ ему ничего не отвѣчаетъ, сталъ разсматривать, что на дворѣ происходитъ: тамъ Ванька и кучеръ вкатывали его коляску въ сарай и никакъ не могли этого сдѣлать; къ нимъ пришелъ наконецъ на помощь Симоновъ: поколотилъ одну или двѣ половицы въ сараѣ, уставилъ нѣсколько наискось дышло, уперся въ него грудью, велѣлъ другимъ переть въ вагу, и сразу вдвинули.

— Эка прелесть, эка умница этотъ солдатъ!..—восклицалъ полковникъ вслухъ:—то-есть, я вамъ скажу, за одного солдата нельзя взять двадцати дворовыхъ.

Онъ постоянно въ своихъ мнѣніяхъ отдавалъ преимущество солдатамъ передъ дворовыми и мужиками.

VI.

Павла приняли въ третій классъ. Полковникъ былъ этимъ очень доволенъ и, не имѣя въ городѣ никакого занятія, почти цѣлые дни разговаривалъ съ переѣхавшимъ къ нимъ Плавинымъ и передавалъ ему самыя задушевныя свои хозяйственныя соображенія.

Пришелъ день отъѣзда полковника; всѣ встали, какъ водится, очень рано; напились чаю. Полковникъ былъ мраченъ, какъ передъ боемъ; стали укладывать вещи въ экипажъ; закладывать лошадей, — и заложили! Павелъ продолжалъ смотрѣть на все это равнодушно; полковникъ поднялся, помолился и подошелъ поцѣловать сына. Тотъ вдругъ бросился къ нему на шею, зарыдалъ на всю комнату и произнесъ со стономъ: «папаша, другъ мой, не покидай меня навѣки!» Полковникъ задрожалъ, зарыдалъ тоже: «Нѣтъ, не покину, не покину!»—бормоталъ онъ; потомъ, едва вырвавшись изъ объятій сына, сѣлъ въ экипажъ: у него голова даже не держалась хорошенько на плечахъ, а какъ-то болталась. «Папаша, папаша, милый!»— стоналъ Павелъ. Полковникъ махнулъ рукой и велѣлъ везти скорѣе; экипажъ уѣхалъ. Павелъ, какъ бы все похоронивъ на свѣтѣ, съ понуренной головой и весь въ слезахъ, возвратился въ комнаты. Свидѣтели этого прощанья,—Ванька заливался самъ горькими слезами и безпрестанно утиралъ себѣ носъ, Симоновъ тоже былъ какъ-то серьезнѣе обыкновеннаго, и одинъ только Плавинъ оставался ко всему этому безучастенъ совершенно.

По крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ послѣ разлуки съ отцомъ, мой юный герой тосковалъ объ немъ. Съ новымъ товарищемъ своимъ онъ какъ-то мало

сближался, потому что тотъ цѣлые дни былъ какимъ-нибудь своимъ дѣломъ занятъ и вообще очень холодно относился къ Пашѣ, такъ что они даже говорили другъ другу «*вы*». Въ одну изъ субботъ, однако, Павелъ не могъ не обратить вниманія, когда Плавинъ принесъ съ собою изъ гимназіи особенно сдѣланную доску и прекраснѣйшій листъ веленевой бумаги. У листа этого Плавинъ аккуратно загнулъ края и, смочивъ его чистою водой, положилъ на доску, а самые края намазалъ клейстеромъ, приклеилъ къ ней.

— Что вы это дѣлаете? — спросилъ его Павелъ не безъ удивленія.

— Бумагу наклеиваю для рисованія...

— Она у васъ вся сморщится!..

— Исправится къ завтра,—отвѣчалъ Плавинъ съ улыбкою, и дѣйствительно поутру Павелъ даже ахнулъ отъ удивленія, что бумага вышла гладкая, ровная и чистая. Когда Плавинъ принялся рисовать, Павелъ сейчасъ же всталъ у него за спиною и принялся съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣть на его работу. Отчего Павелъ чувствовалъ удовольствіе, видя, какъ Плавинъ чисто и отчетливо выводилъ карандашомъ линіи, какъ у него выходило на бумагѣ совершенно то же самое, что было на оригиналѣ,—онъ не могъ дать себѣ отчета, но все-таки наслажденіе ощущалъ великое; и врядъ-ли не то ли же самое чувство раздѣлялъ и сол-

датъ Симоновъ, который съ часъ уже пришелъ въ комнаты и не уходилъ, а подпершись рукою въ бокъ, стоялъ и смотрѣлъ, какъ барчукъ рисуетъ.

Однажды Симоновъ принесъ извѣстіе, что въ городъ актеры пріѣхали.

— Пойдемте сегодня въ театръ!—обратился Плавинъ къ Павлу.

— Пойдемте,—отвѣчалъ тотъ; у него при этомъ какъ-то ёкнуло сердце.

— Что сегодня играютъ?—спросилъ Плавинъ Симонова.

— Не знаю, не спросилъ — дуракъ, не сообразилъ этого. Да я сейчасъ сбѣгаю и узнаю,— отвѣчалъ Симоновъ и, не медля ни минуты, проворно отправился.

— Я никогда еще въ театрѣ не бывалъ,— сказалъ Павелъ слегка дрожащимъ голосомъ.

— Я самъ театръ очень люблю,—отвѣчалъ Плавинъ; волненіе и въ немъ было замѣтно сильное.

Симоновъ не заставилъ себя долго дожидаться и возвратился тоже въ какомъ-то возбужденномъ состояніи.

— Сегодня отличное представленіе!—сказалъ онъ, развертывая и подавая заскорузлой рукой афишу —*Днѣпровская русалка*,—прибавилъ онъ, тыкая пальцемъ на заглавіе.

— Билеты теперь же надо взять,— проговорилъ Плавинъ.

— Да я сбѣгаю, пожалуй,—вызвался и на это съ полною готовностью Симоновъ, и дѣйствительно сбѣгалъ, принесъ, а потомъ куда-то и скрылся.

Гимназисты мои послѣ того остались въ очень непокойномъ состояніи. Время казалось имъ идущимъ весьма медленно. Плавинъ еще нѣсколько владѣлъ собой; но Павелъ безпрестанно смотрѣлъ на большіе серебряные часы, которые отецъ ему оставилъ, чтобы онъ не опаздывалъ въ гимназію. Его, по преимуществу, волновало то, что онъ слыхалъ названія: «сцена», «ложи», «партеръ», «занавѣсъ», но что такое собственно это было, и какъ все это соединить и расположить, онъ никакъ не могъ придумать того въ своемъ воображеніи. Часу въ седьмомъ молодые люди, наконецъ, отправились. Время было—осень поздняя. Мятель стояла сильная. Темнота была—зги не видать; надобно было сходить съ довольно большой горы; склоны ея были изрыты яминами, между которыми проходила тропинка. Плавинъ шелъ по ней привычной ногой, а Павелъ, слѣдовавшій за нимъ, отъ переживаемыхъ ощущеній рѣшительно не видѣлъ, по какой дорогѣ онъ идетъ,—наконецъ спотыкнулся, упалъ въ яму, прямо лицомъ и руками въ снѣгъ,—перепугался очень, ушибся. Плавинъ только захохоталъ надъ

нимъ. Павлу показалось это очень обидно. Не подавая виду, что у него окоченѣли отъ холоду руки и сильно болитъ нога, онъ поднялся и, когда они подошли къ театру, въ самомъ дѣлѣ забылъ и боль, и холодъ.

Надобно сказать, что театръ помѣщался не такъ, какъ всѣ въ мірѣ театры—на поверхности земли, а подъ землею. Онъ передѣланъ былъ изъ кожевеннаго завода и до сихъ поръ еще сохранилъ запахъ дубильнаго начала, которымъ пропитаны были его стѣны. Посѣтителямъ нашимъ, чтобы попасть въ партеръ, надобно было спуститься внизъ, по крайней мѣрѣ сажени двѣ. Когда они усѣлись, наконецъ, на деревянныя скамейки, Павелъ сейчасъ понялъ, гдѣ это ложи, кресла, занавѣсъ. Заиграла музыка. Павелъ во всю жизнь свою, кромѣ одной скрипки и плохихъ фортепьянъ, не слыхивалъ никакихъ инструментовъ; но теперь, при звукахъ довольно большого оркестра, у него какъ бы вся кровь пришла къ сердцу; ему хотѣлось въ одно и то же время подпрыгивать и плакать. Занавѣсъ поднялся. Съ какой жадностью взоръ нашего юноши ушелъ въ эту таинственную глубь какой-то очень красивой рощи, взади которой виднѣлся занавѣсъ съ Богъ знаетъ куда уходящею далью, а передъ нимъ что-то сѣрое шевелилось на полу—это была рѣка Днѣпръ!

Вышелъ Видостанъ, въ бархатномъ кафтанѣ, обшитомъ позументами и въ шапочкѣ набекрень. Послѣ него выбѣжали Тарабаръ и Кифаръ. Всѣ эти лица мало заняли Павла. Можетъ быть, врожденное эстетическое чувство говорило въ немъ, что самыя роли были чепуха великая, а исполнители ихъ—еще и хуже того.

Занавѣсъ опустился. Плавинъ (это рѣшительно былъ какой-то всемогущій человѣкъ) шепнулъ Павлу, что можно будетъ пробраться на сцену, и потому онъ шелъ бы за нимъ, не зѣвая. Павелъ послѣдовалъ за пріятелемъ, сжигаемый величайшимъ любопытствомъ и страхомъ. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ, они достигли наконецъ двери на сцену, которая оказалась незатворенною. Вошли, и Боже мой! что представилось глазамъ Павла! Точно чудовища какія, высились огромныя кулисы, задвинутыя одна на другую, и за ними горѣли тусклыя лампы,—мелькали набѣленныя и не совсѣмъ красивыя лица актеровъ и ихъ пестрые костюмы. Посрединѣ сцены стоялъ огромный кустъ, подпертый сзади палками; а вверху даже и понять было невозможно всѣхъ сцѣпленій. Рѣка оказалась не что иное, какъ качающіяся рамки, между которыми было большое отверстіе въ полу. Павелъ заглянулъ туда и увидѣлъ внизу привѣшенную доску, уставленную по краямъ лампами, а на ней сидѣла,

качалась и смѣялась какая-то, вся въ бѣломъ и необыкновенной красоты, женщина... Открытіе всѣхъ этихъ тайнъ не только не уменьшило для нашего юноши очарованія, но, кажется, еще усилило его; и пока онъ осматривалъ все это съ трепетомъ въ сердцѣ—что вотъ-вотъ его выведутъ,—вдругъ раздался сзади его знакомый голосъ:

— Здравствуйте, баринъ!

Павелъ обернулся; передъ нимъ стоялъ Симоковъ съ нафабренными усами и въ новомъ вицмундирѣ.

— Ты какъ здѣсь?—воскликнулъ Павелъ.

— Я, ваше высокородіе, завсегда вѣдь у нихъ занавѣсъ поднимаю; сегодня вотъ съ самаго обѣда здѣсь... починивалъ имъ тоже кое-что.

—Что же ты нанимаешься, что ли?

— Нѣтъ, ваше высокородіе, такъ, безъ платы, чтобы пущали только—охотникъ больно я смотрѣть-то на это!

Плавинъ все это время разговаривалъ съ Видостаномъ и, должно быть, о чемъ-то совѣщался съ нимъ или просилъ его.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ тотъ.

— Господа публика, прошу со сцены!—раздался голосъ содержателя.

Паша почти бѣгомъ побѣжалъ на свое мѣсто. Въ самомъ началѣ дѣйствія, волны рѣки сильно

заколыхались, и изъ-подъ нихъ выплыла Леста, въ фольговой коронѣ, въ пышной юбкѣ и въ трико. Павелъ сейчасъ же догадался, что это была та самая женщина, которую онъ видѣлъ на доскѣ. Она появлялась еще нѣсколько разъ на сценѣ; унесена была, наконецъ, другими русалками въ свое подземное царство; затѣмъ—перемѣна декораціи, водяной дворецъ, бенгальскій огонь, и занавѣсъ опустился. Надо было идти домой. Павелъ былъ какъ бы въ туманѣ: весь этотъ театръ, со всей обстановкой, и всѣ испытанныя тамъ удовольствія показались ему какими-то необыкновенными, не воздушными, не на землѣ (а какъ видно было на самомъ дѣлѣ—подъ землею) существующими, какимъ-то пиромъ гномовъ, одуряющимъ, не дающимъ свободно дышать, но тѣмъ не менѣе очаровательнымъ и обольстительнымъ!

VII.

Приближались святки. Ученье скоро должно было прекратиться.

Юноши наши задумали между тѣмъ дѣло большое. Плавинъ однажды обратился къ Павлу.

— А что, давайте, сыграемте театръ сами,— сказалъ онъ съ удареніемъ и неторопливо.

Павелъ даже испугался немного этой мысли.

— Какъ сыграемъ, гдѣ?—произнесъ онъ.

— Здѣсь, у насъ вверху, въ залѣ.

— А декораціи гдѣ же и занавѣсъ?

— Все это сдѣлаемъ сами; я нарисую, сумѣю.

Павелъ взглянулъ почти съ благоговѣніемъ на Плавина.

— Завтра я пойду въ гимназію,—продолжалъ тотъ:—сдѣлаемъ тамъ подписку; соберемъ деньги; я куплю на нихъ что нужно.

Павлу это предложеніе до такой степени казалось мало возможнымъ, что онъ боялся еще ему и вѣрить.

— Теперь, главное дѣло, надо съ Симоновымъ поговорить. Пошлите этого дурака, Ваньку, за Симоновымъ!—сказалъ Плавинъ.

— Поди, Иванъ, сейчасъ позови Симонова!—крикнулъ Павелъ.

Ванька пошелъ, но и книгу захватилъ съ собою. Ночью онъ всегда съ большимъ неудовольствіемъ ходилъ изъ комнатъ во флигель длиннымъ и темнымъ дворомъ. Въ избу къ Симонову онъ вошелъ, по обыкновенію, съ сердитымъ и недовольнымъ лицомъ.

— Поди къ господамъ; посылаютъ все: почитать не дадутъ!—проговорилъ онъ, махнувъ съ важностью книгой.

— Что имъ надо?—отозвался лежавшій на печи Симоновъ.

— Надо, знать, ступай!

Симоновъ сейчасъ же соскочилъ съ печи, надѣлъ вицмундиришко и валеные сапоги и побѣжалъ.

— Извините, я ужъ въ валенкахъ; спать было легъ,—сказалъ Симоновъ, входя въ комнаты.

— Ничего,—отвѣчалъ Плавинъ, вставая и выпрямляясь во весь свой довольно уже высокій ростъ. Рѣшительность и воодушевленіе замѣтны были во всей его фигурѣ.

— Знаешь что?.. Мы хотимъ сыграть театръ у васъ въ верхней залѣ, позволишь ты?—спросилъ онъ Симонова.

— Театръ?—повторилъ тотъ:—да гляче бы; только чтобы генеральша не разсердилась... Въ тонѣ голоса его была слышна борьба: ему и хотѣлось очень барчуковъ потѣшить, и барыни онъ боялся, чтобы она не разгнѣвалась на него за залу.

— Генеральша ничего,—сказалъ Павелъ съ увѣренностью:—я напишу отцу; тотъ генеральшѣ скажетъ.

— Это вотъ такъ, ладно! Папашѣ вашему она слова не скажетъ—позволитъ,—сказалъ Симоновъ. Удовольствіе отразилось у него при этомъ даже на лицѣ.

— Это, значитъ, рѣшено!—началъ опять Плавинъ.—Теперь намъ надобно сдѣлать расчетъ пространству,—продолжалъ онъ, поднимая глаза

вверхъ и видимо дѣлая въ головѣ расчетъ.—Будетъ ли у васъ въ залѣ аршинъ семь вышины?—заключилъ онъ.

— Надо быть что будетъ!... Заглазно, конечно, что утвердительно сказать нельзя...—отвѣчалъ, придавъ мыслящее выраженіе своей физіономіи, Симоновъ.

— Пойдемъ, сходимъ сейчасъ же, смѣряемъ,—сказалъ Плавинъ, не любившій ничего откладывать.

— Сходимте,—подхватилъ и Симоновъ съ готовностью.

— Возьмите и меня, господа, съ собою, —сказалъ Павелъ. У него уже и глаза горѣли, и грудь волновалась.

Симоновъ сейчасъ засвѣтилъ свѣчку, и всѣ они сначала прошли по темному, каменному коридору, потомъ стали подниматься по каменной лѣстницѣ, пріотворили з тѣмъ какую-то таинственную маленькую дверцу и очутились въ огромной залѣ. Мракъ ихъ обдалъ со всѣхъ сторонъ. Свѣчка едва освѣщала небольшое около нихъ пространство, такъ что, когда всѣ заглянули вверхъ, тамъ вмѣсто потолка виднѣлся только какой-то темный просторъ.

— Ого! тутъ не двѣ, а пожалуй, и четыре сажени будутъ!—воскликнулъ Симоновъ.

— Отличная, прекрасная зала!—говорилъ Плавинъ, исполненный искренняго восторга.

— Отличная!—повторялъ за нимъ и Павелъ.

— Теперь-съ, станемъ размѣривать,—началъ Плавинъ:—для открытой сцены сажени двѣ, да каждый подзоръ по сажени?.. Ровно такъ будетъ!...—прибавилъ онъ, сосчитавъ шагами поперекъ залы.

— Такъ!—повторилъ за нимъ и Симоновъ.

— Въ длину сцена будетъ,—продолжалъ неторопливо Плавинъ:—для лѣсныхъ декорацій и тоже чтобъ стоять сзади, сажени четыре съ половиной...

— Такъ!—подтвердилъ и на это Симоновъ.

— Актеры будутъ входить по той же лѣстницѣ, что и мы вошли; уборная будетъ въ нашей комнатѣ.

— Въ вашей комнатѣ,—согласился Симоновъ.

— Сидѣть публика будетъ на этихъ стульяхъ; тутъ ихъ, должно быть, дюжины три; потомъ можно будетъ взять мебели изъ гостиной... Вѣдь можно?—обратился Плавинъ къ Симонову.

— Можно, я думаю,—отвѣчалъ тотъ. Въ пылу совѣщанія онъ забылъ совершенно ужъ и о генеральшѣ.

— Пройдемте чрезъ гостиную, — сказалъ Плавинъ.

Всѣ пошли за нимъ. Это тоже оказалась огромная комната. Мебель въ ней была хоть и неободранная, но во вкусѣ à l'empire: бѣлая съ зо-

лотымъ и когда-то обитая шелковой малиновой матеріей. По стѣнамъ висѣли довольно безобразные портреты предковъ Абреевыхъ, въ полинялыхъ золотыхъ рамахъ, всѣ страшно запыленные и даже заплеснѣлые. Въ огромныхъ зеркалахъ, доходящихъ чуть не до потолка, отразились длинныя фигуры нашихъ гимназистовъ съ одушевленными физіономіями и съ растрепанными волосами, а также и фигура Симонова въ растегнутомъ вицмундиришкѣ и валеныхъ сапогахъ.

— Мебели тутъ человѣкъ на двадцать пять будетъ, а всего съ зальною человѣкъ шестьдесятъ сядетъ,—публика не малая будетъ!—заключилъ онъ съ гордостью.

— Какое малая!—подхватилъ Павелъ.

Когда они вошли въ наугольную комнату, то въ разбитое окно на нихъ дунулъ вѣтеръ и загасилъ у нихъ свѣчку. Они очутились въ совершенной темнотѣ, такъ что Симоновъ взялся ихъ вести назадъ за руку.

Сначала молодые люди смѣялись своему положенію, но, когда они проходили гостиную, Павлу показалось, что едва мерцающія фигуры на портретахъ шевелятся въ рамкахъ. Въ залѣ ему почудился какой-то шорохъ, и какъ будто бы промелькнули какія-то бѣлыя тѣни. Павелъ очень былъ радъ, когда всѣ они трое спустились по каменной лѣстницѣ и вошли въ ихъ уютную,

освѣщенную комнату. Плавинъ сейчасъ же опять принялся толковать съ Симоновымъ.

— Ну-съ, Василій... какъ тебя по отчеству?— онъ замѣтно ласкался къ Симонову.

— Мелентьичъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Василій Мелентьичъ, давайте теперь, разсчитаемте, что все будетъ это стоить: во-первыхъ, надобно поднять сцену и сдѣлать рамки для декорацій, положимъ хоть штукъ четырнадцать; на одной сторонѣ будетъ нарисована лѣсная, а на другой—комнатная; понимаешь?

— Понимаю-съ,—отвѣчалъ Симоновъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, все, что говорилъ ему Плавинъ, сразу же понималъ.

— Что же все это будетъ стоить,—матеріалъ и работа?—заключилъ наконецъ тотъ съ нѣкоторымъ уже безпокойствомъ въ голосѣ.

— Матеріалъ—рублей пятнадцать; а работа что?.. сдѣлаю,—отвѣчалъ Симоновъ и вслѣдъ затѣмъ какъ-то торопливо обратился къ Павлу:— только ужъ вы, пожалуйста, папенькѣ-то вашему напишите.

— Напишу,—отвѣчалъ Павелъ и сейчасъ же принялся писать; а Симоновъ, пожелавъ барчукамъ покойной ночи, отправился въ свою избу.

На другой день Плавинъ и обѣдать домой изъ гимназіи не возвращался. Симоновъ тоже куда-то пропалъ, и Павлу сказали только то, что за Ва-

сильемъ прибѣгалъ и увелъ его съ собою какой-то гимназическій сторожъ. Подъ самыя сумерки почти, Павелъ наконецъ увидѣлъ, что на дворъ въѣхали два ломовые извозчика; на одномъ возу сидѣлъ Плавинъ въ кучѣ разныхъ кульковъ и тюковъ, а на другомъ помѣщался Симоновъ съ досками и бревнами. Молодой предприниматель нашъ успѣлъ уже въ гимназіи составить подписку, собрать часть денегъ и купить на нихъ всѣ нужныя вещи, которыя, надо полагать, Ваньку даже заинтересовали, потому что онъ, съ величайшею расторопностью, началъ съ извозчика Плавина таскать стопы оберточной бумаги, кульки съ клеемъ, кистями, сажей, вохрой и мѣломъ. Плавинъ, наскоро пообѣдавъ, велѣлъ Ванькѣ поставить самоваръ и въ кипяткѣ изъ него распустить клей и заварить на этой водѣ клейстеръ. Ванька побѣжалъ въ кухню и весьма невдолгѣ притащилъ оттуда огромный горшище съ клейстеромъ. Отвратительный клеевой запахъ и паръ разнеслись по всей комнатѣ; но молодые люди ничего этого не почувствовали и начали склеивать листы бумаги для заднихъ занавѣсовъ и декорацій. Павелъ работалъ даже съ бо́льшимъ одушевленіемъ, чѣмъ самъ Плавинъ. Потомъ онъ не утерпѣлъ и сбѣгалъ посмотрѣть во флигель, что дѣлаетъ Симоновъ. Тотъ пилилъ бруски для рамокъ и напилилъ ихъ уже довольно е число. Жена Симонова

Павелъ работалъ съ большимъ одушевленіемъ...

сидѣла и сшивала холстъ для передняго занавѣса.

На слѣдующій день началось уже и рисованіе. Самъ Плавинъ принялся за передній холщевой занавѣсъ. На немъ онъ предположилъ изобразить съ имѣющихся у него видовъ Москвы, большой Петровскій театръ. Павлу онъ поручилъ изготовлять декораціи и научилъ его, какъ надо дѣлать окна и двери. Для этого онъ велѣлъ ему одну сторону оконнаго переплета обводить краскою темною, а другую—посвѣтлѣй, филенки на дверяхъ раздѣлывать такимъ образомъ, чтобы слегка ихъ оттѣнять, проводя по сырому грунту сажею,—и выходило отлично. Касательно лѣсныхъ декорацій, у нихъ вышелъ даже споръ. Павелъ сначала было сдѣлалъ на нихъ голубое небо, потомъ сталъ выводить на немъ корни и вѣтви, а около нихъ размѣщать зеленые листочки. Плавинъ, увидѣвъ это, всплеснулъ только руками.

— Развѣ такъ рисуютъ деревья на декораціяхъ?—воскликнулъ онъ.—Сначала надо загрунтовать совсѣмъ темною краской; а потомъ и валяйте на ней прямо листья; одинъ зеленый; другой желтый, третій совсѣмъ черный и, наконецъ, четвертый совсѣмъ бѣлый. Говоря это, Плавинъ вмѣстѣ съ тѣмъ и рисовалъ на одной декораціи дерево

— Это чортъ знаетъ что такое выйдетъ!— возражалъ ему Павелъ, смотря на его работу.

— Нѣтъ, не чортъ знаетъ; ставьте вашу декорацію и мою, и отойдемте въ даль.

Поставили, отошли. Декорація Павла оказалась — сѣть какая-то; а у Плавина стояло точно живое дерево. Павелъ убѣдился и этимъ способомъ дорисовалъ всѣ остальныя декораціи.

Отъ полковника получено было, наконецъ, письмо, извѣщающее, что Александра Григорьевна съ величайшимъ удовольствіемъ разрѣшаетъ дѣтямъ взять залу для такой умной ихъ забавы. Съ своей же стороны Михаилъ Поликарповичъ прибавлялъ сыну: «чтобы дѣвушка гуляла, но дѣльца не забывала!»

По полученіи этого разрѣшенія, Симоновъ тотчасъ же принялся устраивать въ залѣ возвышенную сцену. Надобно было видѣть, что дѣлалъ этотъ человѣкъ. Онъ на себѣ одномъ перетаскалъ во второй этажъ огромныя доски и бревна. Авторъ даже затрудняется объяснить побуждавшія Симонова психологическія причины—одного желанія потѣшить барчуковъ было мало; надо полагать, что Симоновъ самъ ужъ очень любилъ театръ. Молодые люди тоже не уступали ему въ трудѣ. У нихъ всѣ уже декораціи были готовы и установлены съ приставными къ нимъ дверями и крестьянскими хатами.

Повѣсили наконецъ и передній занавѣсъ. Симоновъ принялся его опускать и поднимать особенно придѣланными бечевками на блокахъ. Павелъ (когда занавѣсъ поднимался) входилъ и выходилъ со сцены въ нарисованныя имъ двери, отворялъ и затворялъ имъ же нарисованныя окна. Зрителей и на это зрѣлище набралось довольно: жена Симонова, Ванька, двое какихъ-то уличныхъ мальчишекъ: всѣ они ахали и дивились.

Театръ, можетъ быть, потому и удовлетворяетъ вкусамъ всѣхъ, что соединяетъ въ себѣ что-то очень большое съ чѣмъ-то маленькимъ игрушечнымъ.

Каждый вечеръ мои молодые люди ложились въ постель—страшно перепачканные, съ полуонѣмѣлыми отъ усталости ногами, но счастливые и мечтающіе о томъ, что предстоитъ еще впереди.

VIII.

А хлопотъ впередъ предстояло еще не мало!..— Великій Плавинъ (за все, что совершилъ этотъ юноша въ настоящемъ дѣлѣ, я его иначе и назвать не могу), устроивъ сцену, положилъ играть «*Казака Стихотворца*» и «*Воздушные замки*». Вмѣстѣ съ Павломъ въ одну ночь они переписали роли. Въ составленіи костюмовъ Плавинъ пока-

залъ почти геніальную изобрѣтательность. «Казакъ стихотворецъ», какъ извѣстно,—пьеса малороссійская, а потому казачьи чепаны Плавинъ предположилъ сдѣлать изъ гимназическихъ вицмундирчиковъ; стоило только обрѣзать свѣтлыя пуговицы да зашить красный воротникъ чернымъ коленкоромъ, и—готово! Бритую хохлацкую голову и чубъ онъ устроилъ: чубъ—изъ конскихъ волосъ, а бритую голову—изъ бычьяго пузыря, который безъ всякой церемоніи натягивалъ на голову Павла и смазывалъ бѣлилами съ карминомъ подъ цвѣтъ человѣчьей кожи, такъ что пузырь этотъ отъ лица не было никакой возможности отличить; усы, чтобы они были какъ можно длиннѣе, онъ тоже сдѣлалъ изъ конскихъ волосъ. Въ этомъ видѣ Павелъ очень сталъ походить на хохла, и хохла уже немолодого, за что и получилъ отъ Плавина роль Прудіуса. Для казацкихъ штановъ былъ купленъ красный коленкоръ, изъ котораго жена Симонова накроила и нашила широчайшія шальвары. Шапки-мурмолки Плавинъ произвелъ изъ картона, разрисовавъ его подъ бараній мѣхъ. Молодого казака Климовскаго сталъ играть гимназистъ седьмого класса, большой франтъ, который игралъ уже эту роль прежде и извѣстенъ былъ тѣмъ, что очень ловко танцуя мазурку, вылеталъ въ своемъ первомъ явленіи на сцену. Роль писаря Грицко Плавинъ взялъ себѣ: онъ

вообще, кажется, претендовалъ на самыя яркія, комическія роли!.. Марусю едва уговорили играть очень хорошенькаго собой гимназистика Шишмарева, который былъ въ гимназическихъ пѣвчихъ и имѣлъ превосходнѣйшій тоненькій голосокъ. Нарядить его положили въ самый лучшій сарафанъ жены Симонова, сдѣлать ему двѣ косы изъ льна и увить ихъ лентами. Выучить пѣть нашу молодежь взялся знакомый намъ Видостанъ. Объ этомъ именно и упрашивалъ его, говоря съ нимъ въ театрѣ, Плавинъ. Видостанъ оказался очень пожилымъ актеромъ, одѣтымъ въ оборванный, испачканный фрачишко и дырявые сапоги; такъ что надобно было удивляться, какимъ образомъ онъ когда-нибудь могъ изображать изъ себя молодого и красиваго русскаго князя. Павелъ началъ пѣть свои аріи съ чувствомъ, но замѣтно уклоняясь отъ всякихъ законовъ музыки, такъ что Видостанъ неоднократно ему кричалъ: «Постойте, баринъ, постойте: куда ушли?» Маленькій Шишмаревъ, какъ канареечка, сразу же и очень мило пропѣлъ все, что ему слѣдовало.

Въ *Воздушныхъ замкахъ* роль Альнаскарова Плавинъ отдалъ семикласснику, а Виктора-слугу взялся самъ играть: онъ рѣшительно считалъ себя разнообразнѣйшимъ комическимъ актеромъ!—Довольно большое затрудненіе вышло—достать желающаго на роль вдовы. Маленькій Шишмаревъ

игралъ уже въ *Воздушныхъ замкахъ* горничную, а изъ прочихъ гимназистовъ рѣшительно никто не хотѣлъ брать на себя женскихъ ролей. Надобно было подговорить нѣкоего Разумова, бывшаго гимназиста и теперь уже служившаго въ казенной палатѣ. Когда Плавинъ сталъ его приглашать, онъ сначала ломался, отговаривался, насмѣхался, но наконецъ согласился. Какъ учредители, такъ и другіе актеры, репетиціями много не занимались, потому что, откровенно говоря, главнымъ дѣломъ было не исполненіе пьесы, а декораціи, ихъ перемѣны, освѣщеніе сзади ихъ свѣчами, поднятіе и опусканіе занавѣса. Въ день представленія Ванька, по приказанію господъ, долженъ былъ то сбѣгать закупить свѣчъ для освѣщенія, то сцену вымести, то разставить стулья въ залѣ; но всѣмъ этимъ дѣйствіямъ онъ придавалъ такой видъ, что какъ будто бы дѣлалъ это по собственному соображенію. Симоновъ тоже почти что съ утра явился чисто выбритый, причесанный и, по обычаю, съ нафабренными усами. Съ нимъ также пришла и жена его,—и ужъ не въ сарафанѣ, а въ новомъ холстинковомъ капотѣ, въ шелковомъ платочкѣ, повязанномъ маленькою головкою. Она должна была въ каменномъ коридорѣ, теперь ярко освѣщенномъ, разливать для актеровъ чай. Предусмотрительный Плавинъ купилъ на театральныя деньги четверку чаю, нѣ-

сколько фунтовъ сахару и кромѣ того, съ какою-то ему ужъ одному извѣстною цѣлью, бутылку рому и бутылку водки.

Ранѣе всѣхъ явился франтъ-семиклассникъ. Онъ пріѣхалъ на собственныхъ лошадяхъ, съ своимъ человѣкомъ, несшимъ за нимъ картонъ съ костюмами, въ числѣ которыхъ для Альнаскарова былъ сдѣланъ настоящій двубортный морской мундиръ съ якорнымъ шитьемъ и съ одной эполетой даже. Когда молодой человѣкъ этотъ сталъ переодѣваться, то на немъ оказалось превосходнѣйшее бѣлье; потомъ, когда онъ одѣлся въ костюмъ, набѣлился и нарумянился, подвелъ себѣ жженою пробкою усики, то изъ него вышелъ совершеннѣйшій красавчикъ. Другія дѣйствующія лица тоже не замедлили явиться, за исключеніемъ Разумова, за которымъ Плавинъ принужденъ былъ наконецъ послать Ивана на извозчикѣ, и тогда только этотъ юный кривляка явился; но и тутъ шелъ какъ-то нехотя, переваливаясь.

Публика начала сбираться почти не позже актеровъ, и первая пріѣхала одна дама съ мужемъ, у которой, когда ея сыновья жили еще при ней, тоже былъ въ домѣ театръ; на этомъ основаніи она, званая и незваная, обыкновенно ѣздила на всѣ домашніе спектакли и всѣмъ говорила: «у насъ самихъ это было; Петя и Миша

(ея сыновья) сколько разъ это дѣлали!» Про мужа ея, служившаго контролеромъ въ той же казенной палатѣ, гдѣ и Разумовъ, можно было сказать только одно, что онъ цѣлый день пилъ и никогда не былъ пьянъ, за каковое свойство, вмѣсто настоящаго имени: «Гаврило Никанорычъ», онъ былъ называемъ: «Гаврило Насосычъ». Вслѣдъ за этой четой скоро наполнились и прочія кресла, такъ что изъ дырочки въ переднемъ занавѣсѣ видны стали только какъ бы сплошь одна къ другой примкнутыя головы человѣческія. Наконецъ вошелъ довольно высокій мужчина съ выразительнымъ лицомъ и съ гладко обстриженными волосами, въ синемъ вицмундирномъ фракѣ. Между сидѣвшими въ публикѣ гимназистами сейчасъ же появилось маленькое смятеніе и нѣкоторый конфузъ. Это вошелъ ихъ самый строгій учитель математики, Николай Силычъ Дрозденко, большой любитель и знатокъ театральнаго дѣла. Плавинъ, всегда немного притрухивавшій Дрозденки, счелъ не безполезнымъ для себя пригласить его на устроенный имъ театръ, чтобы такимъ образомъ приласкаться къ нему нѣсколько.

При появленіи Николая Силыча, Гаврило Насосычъ сейчасъ было всталъ и предложилъ ему кресло: они были большіе пріятели между собой по выпивкѣ.

— Ничего, сыдыте, я вотъ и тутъ постою!—

отвѣчалъ Николай Силычъ съ нѣсколько малороссійскимъ акцентомъ и всталъ у притолки.

Сыгравъ «*Воздушные замки*», актеры побѣжали переодѣваться. Плавинъ, спѣшившій изъ Виктора преобразиться въ Грицко, не забылъ, однако, послать одного неиграющаго гимназиста.

— Подите и пригласите сюда Николая Силыча чаю напиться.

Николай Силычъ на это приглашеніе изъявилъ большое удовольствіе.

— Добре,—сказалъ онъ и пошелъ.

Его провели черезъ передній подзоръ,—отогнувъ тотъ немного, потомъ мимо сцены въ таинственную дверь внизъ по лѣстницѣ въ коридоръ и въ уборную.

— Вотъ они гдѣ лицедѣи-то,—сказалъ онъ и прямо принялъ изъ рукъ Ваньки уже заранѣе приготовленную ему трубку съ длиннымъ чубукомъ и отчаянно затянулся изъ нея.

— И пройде сіе ядове во всѣ жилы живота моего,—сказалъ онъ, выпуская изъ себя дымъ.

— Не прикажете ли, Николай Силычъ, пуншу?—сказалъ Плавинъ, натягивая на себя сафьяновые сапоги.

— И то могу!—сказалъ Николай Силычъ.

Жена Симонова подала ему чай съ ромомъ.

— А ты зачѣмъ такъ ужъ очень плечи-то вверхъ поднималъ?...—обратился онъ къ Альна-

скарову, переодѣвавшемуся въ Климовскаго: —ты бы ужъ лучше носъ больше кверху далъ, все бы больше фантазера въ себѣ являлъ!

— Да это что же?... Все равно!— отвѣчалъ jeunepremier, совершенно не понявъ того, что сказалъ ему Николай Силычъ: онъ былъ малый красивый, но глуповатый.

— А я, Николай Силычъ, хорошо игралъ?— спросилъ Плавинъ довольно смѣло.

— Ты?... Нѣтъ, не хорошо, даже очень! Ты какого лакея-то игралъ?... Нашего Ваньку или Мишку?... Ты вѣдь французишку изображалъ; такъ такъ и играй, а ужъ не разваливайся по Мишкинскому!... Коли французскую дребедень взялъ, по-французски и дребезжи.

— Какая же французская? Русскія имена и русское мѣсто дѣйствія!—возразилъ Плавинъ.

— Ну да, держи карманъ—русскія! А выходитъ, парижскія блохи у насъ въ Новгородѣ завелись. Къ разнымъ французскимъ обноскамъ и опоркамъ наклеютъ русскіе ярлычки, да и пускаютъ въ ходъ, благо рынокъ спрашиваетъ... Подите-ка лучше, позовите сюда Насосыча; мы ему тоже дадимъ немножко лакнуть.

Человѣка два гимназистовъ побѣжали за Гавріломъ Насосычемъ и доставили его.

— Какими таинственными ходами провели меня!—говорилъ онъ съ улыбкою и какъ бы за-

ранѣе уже предчувствуя ожидающее его блаженство.

— Грѣшникъ, мучимый въ аду!—обратился къ нему Николай Силычъ.—Ты давно уже жаждешь и молишь: «да обмочитъ кто хотя перстъ единый въ винѣ и дастъ мини пососати!» На, пей и лакай!—изготовляя и пододвигая къ пріятелю крѣпчайшій стаканъ пуншу.

— Это недурно!—отвѣчалъ тотъ, потирая отъ удовольствія руки и представляя видъ, что какъ будто бы онъ очень прозябъ.

— А что, скажи,—спросилъ его Николай Силычъ.—Если бы ты жилъ на тропикахъ, пилъ бы али нѣтъ?

— Да тамъ зачѣмъ же?—отозвался было Насосычъ.

— Врешь, пилъ бы!

— Пилъ бы!—сознался, лукаво подмигнувъ, Насосычъ.

Всѣ эти остроты наставника гимназисты сопровождали громкимъ смѣхомъ.

— Хорошій ромъ, хорошій!—продолжалъ Насосычъ, отхлебывая почти полстакана пуншу.

— Да разьѣ ты когда-нибудь ромъ не хвалилъ?.. Бывало ли это со дня рожденія твоего?—приставалъ къ нему Николай Силычъ.

— Да за что же и не хвалить-то его?—отвѣчалъ Насосычъ и залился самымъ добродушнымъ

смѣхомъ. Онъ даже разговаривалъ о спиртныхъ напиткахъ съ какимъ-то особеннымъ душевнымъ настроеніемъ.

Зрителей во все время утѣшалъ, наигрывая на скрипкѣ печальнѣйшія аріи, актеръ Видостанъ, составлявшій своею особою весь оркестръ. Онъ на этотъ разъ былъ нѣсколько почище умытъ и даже въ бѣломъ галстукѣ, но попрежнему въ дырявыхъ сапогахъ. Наконецъ Николай Силычъ и Гаврило Насосычъ вышли изъ-за переднихъ подзоровъ и заняли свои мѣста. Симоновъ поднялъ занавѣсъ. Шишмаревъ, какъ и надо было ожидать, пропѣлъ прелестно! Павелъ тоже игралъ старательнѣйшимъ образомъ, такъ что у него въ груди даже дрожало—съ такимъ чувствомъ онъ выходилъ, говорилъ и пѣлъ.

Публика нѣсколько разъ хохотала надъ нимъ и хлопала ему и больше всѣхъ Николай Силычъ. По окончаніи представленія, когда всѣ зрители поднялись и стали выходить, Николай Силычъ, съ другомъ своимъ Насосычемъ, снова отправился къ актерамъ въ уборную. Тамъ уже для нихъ была приготовлена на подносѣ извѣстная намъ бутылка водки и колбаса.

— Кто сей умный человѣкъ, изготовившій все сіе?—говорилъ Николай Силычъ, подводя своего друга прямо къ подносу.—Умный человѣкъ сей есть Плавинъ; а игралъ, братъ, все-таки и

Грицка—скверно!—прибавилъ онъ, обращаясь къ нему.

На этотъ разъ Плавинъ вспыхнулъ даже отъ гнѣва.

— Чѣмъ же скверно?—спросилъ онъ глубоко обиженнымъ голосомъ.

— А тѣмъ, что какую-то дугу согнутую игралъ, а не человѣка!... Вотъ панъ Прудіусъ,—продолжалъ Николай Силычъ, показывая на Павла,—тотъ за дѣло схватился, за психею взялся, и вышло у него хорошо; видно, что изнутри все шло!

— Я игралъ Грицка, какъ играютъ его и на театрѣ настоящемъ!—возразилъ Плавинъ.

— То-то ты и представлялъ тамъ какого-то Михайлова или Петрова, а ты бы лучше представилъ подленькаго и лукаваго челоьѣчишка. По гримерской и бутафорской части, братъ, ты видно сильнѣе!... А ты поди сюда,—прибавилъ Николай Силычъ Павлу.—Въ тебѣ есть лицедѣйская жилка; дай, я тебя поцѣлую въ макушку!—и онъ поцѣловалъ дѣйствительно Павла въ голову.

Почтенный наставникъ былъ уже замѣтно выпивши.

— Отлично играли, отлично!—повторялъ за другомъ и Гаврило Насосычъ, продолжавшій рюмку за рюмкой пить водку.

— А ты, принцъ Оранскій—франтъ каналъскій!—обратился Николай Силычъ къ семикласснику гимназисту: —вези меня на лошадяхъ твоихъ домой.

— Съ великимъ удовольствіемъ!—отвѣчалъ тотъ.

— И возьмемъ мы съ собой горлинку нашу!... Поди сюда, шишка!—сказалъ Николай Силычъ Шишмареву.

Тотъ подошелъ къ нему; онъ и его пощёловалъ въ голову.

— Отлично пѣли, отлично!—не замедлилъ похвалить его также и Гаврило Насосычъ.

— Ты такъ пой всю жизнь, а ты такъ играй!—обратился Николай Силычъ сначала къ Шишмареву, а потомъ къ Павлу.—А ты,—прибавилъ онъ Плавину,—ступай, братъ, по гримерской части.—Она вѣдь и въ жизни, и въ службѣ нужна бываетъ: гдѣ, знаешь, нутра-то не надо, а сверху только замазывай,—гдѣ сути-то нѣтъ, а есть только, какъ это у васъ по логикѣ Кизеветтера: форма, что ли?

— Ну, ничего! Поѣдемте!

Шишмаревъ и семиклассникъ послѣдовали за Николаемъ Силычемъ. Что касается до Гаврила Насосыча, то жена его, давно уже сѣвшая въ сани, нѣсколько разъ присылала за нимъ, и его едва-едва усѣли оторвать отъ любимой имъ водки.

Когда всѣ наконецъ разъѣхались, молодые друзья наши возвратились въ свою спальню, попрежнему усталые и загрязненные, но далеко не съ прежнимъ спокойнымъ и пріятнымъ чувствомъ. Плавинъ былъ даже мраченъ.

— Вы не вѣрьте Николаю Силычу, вы отлично играли!—вздумалъ было утѣшать его Павелъ.

— Очень мнѣ нужно вѣрить ему или не вѣрить,—отвѣчалъ Плавинъ.—Досадно только, что онъ напился какъ скотина! Мнѣ передъ Симоновымъ даже совѣстно!—прибавилъ онъ и повернулся къ стѣнѣ; но не за то ему было досадно на Николая Силыча!

IX.

Всѣ мы живемъ не годами, а днями! Постигаетъ насъ какое-нибудь событіе,—волнуетъ, потрясаетъ, направляетъ извѣстнымъ образомъ всю нашу послѣдующую жизнь. Въ предыдущихъ главахъ моихъ я довольно подробно упомянулъ о заѣздѣ къ Есперу Иванычу и объ сыгранномъ театрѣ именно потому, что это имѣло сильное нравственное вліяніе на моего маленькаго героя. Плавинъ съ нимъ ужъ больше не жилъ. Громадное самолюбіе этого юноши до того было уязвлено неудачею въ театрѣ, что онъ былъ почти не въ

оостояніи видѣть Павла, какъ соперника своего на драматическомъ поприщѣ; зато сей послѣдній, нельзя сказать, чтобы не сталъ въ себѣ воображать будущаго великаго актера. Оставшись жить одинъ, онъ нерѣдко по вечерамъ призывалъ къ себѣ Ваньку и чету Симоновыхъ и, надѣвъ халатъ и подпоясавшись кушакомъ, декламировалъ передъ ними изъ Димитрія Донскаго.

«Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе на Донъ отыскивать свободы!

Или восклицалъ изъ Катенинскаго Корнеля, прямо уже обращаясь къ Симонову:

«Иди ко мнѣ, столпъ царства моего!»

Вообще, дѣтскія игры онъ совершенно покинулъ и повелъ, какъ бы въ подражаніе Есперу Иванычу, скорѣе эстетическій образъ жизни. Онъ очень много читалъ (дядя обыкновенно присылалъ ему изъ Новоселокъ, какъ только случалась оказія, и романы, и журналы, и путешествія); часто ходилъ въ театръ, наконецъ, задумалъ учиться музыкѣ. Желанію этому не мало способствовало то, что на томъ же верху Александры Григорьевны оказались фортепьяны. Павелъ сталъ упрашивать Симонова позволить ему снести ихъ къ нему въ комнату.

— Чтобы генеральша чего какъ...—произнесъ тотъ обыкновенное свое выраженіе.

— Но вѣдь я не шалить ими и не портить

ихъ буду; а еще поправлю ихъ,—толковалъ ему Павелъ.

— Это такъ, какія ужъ отъ васъ шалости,—говорилъ Симоновъ, и потомъ, немного подумавъ, прибавилъ:—берите, ничего!—И самъ даже съ Ванькой стащилъ фортепьяны внизъ.

Павелъ сейчасъ же ихъ на свои скудныя средства поправилъ и настроилъ. Въ учителя онъ себѣ выбралъ, по случаю крайней дешевизны, того же Видостана, который, впрочемъ, могъ ему растолковать однѣ только ноты; а затѣмъ Павелъ ужъ самъ сталъ разучивать, какъ Богъ на разумъ послалъ, небольшія пьески и, такимъ образомъ, къ концу года, онъ игралъ довольно бойко; у него даже нашелся обожатель его музыки, одинъ изъ его товарищей, по фамиліи Живинъ, который прослушивалъ его иногда по цѣлымъ вечерамъ и совершенно искренно увѣрялъ, что такой игры на фортепьянахъ съ подобной экспрессіей онъ не слыхивалъ. Въ гимназіи Вихровъ тоже преуспѣвалъ немало: поступивъ въ пятый классъ, онъ долженъ былъ начать учиться математикѣ у Николая Силыча. Переходъ этотъ для всѣхъ гимназистовъ былъ тяжкимъ испытаніемъ. Дрозденко обыкновенно недѣли двѣ щупалъ новичковъ и затѣмъ, отдѣливъ овецъ отъ козлищъ, съ первыми занимался, а послѣднихъ или держалъ на колѣняхъ, или совсѣмъ выгонялъ изъ

класса. Павелъ выдержалъ этотъ искусъ блистательно.

— Панъ Прудіусъ, къ доскѣ!—сказалъ Николай Силычъ довольно мрачнымъ голосомъ на первомъ же урокѣ.

Павелъ вышелъ.

— Пиши!

Павелъ написалъ.

— Въ чемъ тутъ дѣло?

Павелъ сказалъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Николай Силычъ, въ знакъ согласія, мотнулъ головой.

— Что-жъ изъ онаго выходитъ?—продолжалъ онъ допрашивать.

Павелъ подумалъ и сказалъ. Николай Силычъ, съ окончательно просвѣтлѣвшимъ лицомъ, мотнулъ ему еще разъ головой и велѣлъ садиться, и вслѣдъ за тѣмъ самъ уже не сталъ толковать ученикамъ геометріи и вызывалъ для этого Вихрова.

— Ну, панъ Прудіусъ, иди къ доскѣ,—говорилъ онъ совсѣмъ ласковымъ голосомъ.

Павелъ выходилъ.

Николай Силычъ задавалъ ему какую-нибудь новую теорему.

— Объясняй и ходи своимъ умомъ,—продолжалъ онъ, а самъ слегка наводилъ на путь, которымъ слѣдовало идти.

Павелъ угадывалъ и объяснялъ теорему.

У Николая Силыча въ каждомъ почти классѣ было по одному такому, какъ онъ называлъ, толмачу его; они обыкновенно могли говорить съ нимъ, что имъ было угодно,—признаваться ему прямо чего они не знали,—разговаривать, ѣсть въ классѣ, уходить безъ спросу; тогда какъ козлищи, стоявшіе по угламъ и на колѣняхъ, пошевелиться не смѣли, чтобы не стяжать новаго и еще болѣе строгаго наказанія: онъ очень уважалъ умъ и ненавидѣлъ глупость и лѣность, коими, по его выраженію, преизбыточествуетъ народъ Россійскій.

Одно новое обстоятельство еще болѣе сблизило Павла съ Николаемъ Силычемъ. Тотъ былъ охотникъ ходить съ ружьемъ. Павелъ, какъ мы знаемъ, въ дѣтствѣ иногда бѣгивалъ за охотой, и какъ-то разъ, идя съ Николаемъ Силычемъ изъ гимназіи, сказалъ ему о томъ (они всегда почти изъ гимназіи ходили по одной дорогѣ, хотя Павлу это было и не по пути).

— Ну, такъ что же—заходи какъ-нибудь; пойдемъ вмѣстѣ!—сказалъ ему Николай Силычъ.

— Очень радъ,—отвѣчалъ Павелъ, и на той же недѣлѣ вытребовалъ изъ деревни свое ружье и патронташъ.

Затѣмъ каждый почти праздникъ стали отправляться: Николай Силычъ въ болотныхъ сапогахъ, въ чекменѣ и въ черкесской шапкѣ, нарочно

для охоты купленной, а Павелъ въ своей безобразной гимназической шинели, подпоясанной кушакомъ, и въ Ванькиныхъ сапогахъ. Мѣста, куда они ходили, были подгородныя,—слѣдовательно съ совершенно почти выстрѣлянною дичью; а потому кровавыхъ жертвъ охотники съ собой приносили немного, но зато разговоровъ между ними происходило большое количество.

Передъ экзаменомъ инспекторъ-учитель задалъ имъ сочиненіе на тему «*Великій человѣкъ*». По словесности Вихровъ тоже былъ первый, потому что прекрасно зналъ риторику и логику, и кромѣ того сочинялъ прекрасно. Счастливая мысль мелькнула въ его головѣ: давно уже желая высказать то, что наболѣло у него въ сердцѣ, онъ подошелъ къ учителю и спросилъ его: что можно ли, вмѣсто заданной имъ темы, написать на тему: *Случайный человѣкъ*?

— Напишите!—отвѣчалъ тотъ, вовсе не поняв его намѣренія. Павелъ пришелъ и въ одну ночь накаталъ сочиненіе. О, какимъ огнемъ негодованія горѣлъ онъ при этомъ! Онъ писалъ: «народы образованные болѣе всего цѣнятъ въ гражданахъ своихъ достоинства. Всѣ великіе люди Греціи были велики и по душевнымъ своимъ свойствамъ. У народовъ же необразованныхъ гораздо болѣе успѣваетъ лесть и низость; вотъ откуда происходитъ *случайный человѣкъ*! Онъ можетъ

не имѣть никакихъ личныхъ достоинствъ, и на высшую степень общественныхъ почестей возведется или признательною волею властителя или случайностью! Торговецъ блинами становится корыстолюбивымъ государственнымъ мужемъ, лакей—графомъ, пѣвчій—коронованной особой!»

Сочиненіе это произвело, какъ и надо ожидать, страшное дѣйствіе... Инспекторъ-учитель показалъ его директору; тотъ—женѣ; жена велѣла выгнать Павла изъ гимназіи. Директоръ, очень добрый въ сущности человѣкъ, поручилъ это исполнить зятю. Тотъ, собравъ совѣтъ учителей, блѣдный, съ дрожащими руками, прочелъ ареопагу злокачественное сочиненіе: учителя, которые были помоложе, потупили головы; а отецъ Никита произнесъ, хохоча себѣ подъ носъ:

— Сатирикъ!.. Какъ же, вѣдь всѣ они у насъ сатирики!

— Я полагаю, господа, выгнать его надо?—обратился инспекторъ-учитель къ совѣту.

— Это очень ужъ жестоко,—послышалось легкое бормотанье между учителями помоложе.

— Зачѣмъ ему учиться, вѣдь ужъ онъ сочинитель!..—подхватилъ, опять смѣясь, отецъ Никита.

Николай Силычъ, до сего времени молчавшій, при послѣдней фразѣ взглянулъ на священника, а

потомъ, вставъ на ноги, обратился къ инспектору-учителю.

— А, позвольте спросить, тему господина ученика вы сами одобрили?

— Да, я ему позволилъ ее, — отвѣчалъ тотъ.

— Такъ за что же и судить его? Тему вы сами одобрили, а выполнена она,—сколько вотъ я, прочтя сочиненіе, вижу,—прекрасно!

— Да-съ; но тутъ онъ указываетъ все на Русскую исторію.

— А на какую же указывать ему? На Турецкую развѣ? Такъ той онъ подробно не знаетъ. Тѣмъ болѣе, что онъ не только мысли, но даже обороты въ сочиненіи своемъ заимствовалъ у знаменитыхъ писателей, коихъ однако за то не наказывали и не судили

— Мальчикъ и писатель—двѣ разныя вещи!— возразилъ инспекторъ-учитель.

— Разное-то тутъ не то,—возразилъ Николай Силычъ,—а то, что можетъ ложно поняли: не въ нашъ ли огородъ камешки швыряютъ?

— Что вы подъ этимъ разумѣете?—спросилъ инспекторъ-учитель, окончательно поблѣднѣвъ.

— А то, что если господина Вихрова выгонятъ, то я объявляю всѣмъ, вотъ здѣсь сидящимъ, что я по дѣлу сему господину попечителю Московскаго учебнаго округа сдѣлаю доносъ,—произ-

несъ Николай Силычъ и внушительно опустился на свой стулъ.

Инспекторъ-учитель отвернулся отъ него и обратился къ другимъ учителямъ.

— Вы какъ думаете, господа?

— Лучше оставить,—произнесло нѣсколько голосовъ.

— Извольте въ такомъ случаѣ!—сказалъ инспекторъ-учитель и поспѣшилъ уйти.

Отецъ Никита только развелъ руками. Онъ всегда возмущался вольнодумствомъ Николая Силыча.

Павелъ все это время стоялъ блѣдный у дверей залы: онъ всего болѣе боялся, что, если его выгонятъ, такъ это очень огорчитъ старика-отца.

— Что же?—спросилъ онъ, усиливаясь улыбнуться, вышедшаго изъ совѣта Николая Силыча.

— Проѣхало мимо, оставили, — отвѣчалъ тотъ.

Павелъ вздохнулъ свободнѣй.

— Очень радъ,—проговорилъ онъ,—а то я этому господину (Павелъ разумѣлъ инспектора-учителя) хотѣлъ дать пощечину, послѣ чего ему, я полагаю, неловко было бы оставаться на службѣ.

Николай Силычъ только съ удовольствіемъ взглянулъ на юношу и прошелъ.

По бѣлымъ губамъ и по окостенѣвшей на дверной скобкѣ рукѣ Вихрова можно было за-

ключить, что врядъ ли онъ въ этомъ случаѣ говорилъ фразу.

X.

Быстро пролетѣли гимназическіе годы. Паша перешелъ въ послѣдній классъ и сталъ думать, какъ бы приготовиться въ университетъ. Болѣе всего онъ боялся за латинскій языкъ. Изъ прочихъ предметовъ можно было взять памятью, соображеніемъ, а тутъ нужна была усидчивая работа. Чтобы поправить какъ-нибудь себя въ этомъ отношеніи, онъ рѣшился перейти жить къ учителю латинскаго языка, Семену Яковлевичу Крестовникову, и брать у него уроки. О таковомъ намѣреніи онъ написалъ отцу рѣшительное письмо, въ которомъ прямо объяснилъ, что безъ этого его и изъ гимназіи не выпустятъ. Семенъ Яковлевичъ былъ совершенною противоположностью Николаю Силычу: весьма кроткій,—и хоть уже довольно пожилой, но еще благообразный изъ себя,—онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые бываютъ въ жизни сперва хорошенькими собой мальчиками, потомъ хорошаго поведенія молодыми людьми и, наконецъ, кроткими и благодушными мужами и стариками. При небольшой сферѣ ума, Семенъ Яковлевичъ могъ однако совершенно искренно и съ нѣкоторымъ

толкомъ симпатизировать всему доброму, умному и прекрасному, и, вообще, вся жизнь его шла какъ-то ровно, тихо и благопристойно. Происходя изъ духовнаго званія, онъ былъ женатъ на дворянкѣ—весьма пріятной наружности и съ хорошими манерами.

Они очень чистоплотно жили; у нихъ была какая-то необыкновенно бѣлая и гладко вычесанная болонка, на каждомъ почти окнѣ—по толстой канарейкѣ; даже пуншъ, который Семенъ Яковлевичъ пилъ по вечерамъ, былъ какой-то красивый и необыкновенно, должно быть, вкусный. Совѣстливые до щепетильности, супругъ и супруга, изъ того, что они съ Павла деньги берутъ, Богъ знаетъ какъ начали за нимъ ухаживать и безпрестанно спрашивали его: нравится ли ему столъ ихъ, тепло ли у него въ комнатѣ? Павелъ находилъ, что это все превосходно, и принялся вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься латинскимъ языкомъ до неистовства: страницы по четыре онъ, обыкновенно, переводилъ изъ Цицерона и откалывалъ ихъ Семену Яковлевичу, такъ что тотъ едва успѣвалъ повторять ему: «такъ, да, да!»

— Я текстъ еще выучилъ,—прибавлялъ Павелъ въ заключеніе.

— И текстъ, давайте, спросимъ, — говорилъ Семенъ Яковлевичъ съ удовольствіемъ.

Павелъ и текстъ зналъ слово въ слово.

— Эка памятища-то у васъ, ей собности-то какія!—говорилъ Семенъ Яковлевичъ съ удивленіемъ.

Павелъ самодовольно встряхивалъ кудрями и, взявъ подмышку начинавшую уже становиться ему любезною книжку Цицерона, уходилъ къ себѣ въ комнату.

Между тѣмъ наступилъ великій постъ, и наконецъ, Страстная недѣля. Занятія Павла съ Крестовниковымъ происходили обыкновенно такимъ образомъ: онъ съ Семеномъ Яковлевичемъ усаживался у одного столика; а у другого столика, при двухъ свѣчахъ, съ вязаньемъ въ рукахъ и съ болонкой въ колѣняхъ, размѣщалась Евлампія Матвѣевна, супруга Семена Яковлевича.

Въ одно изъ такихъ засѣданій Крестовниковъ спросилъ Павла:

— А что, вы будете нынче говѣть?

— Да, такъ, для формы только буду,—отвѣчалъ тотъ.

— Зачѣмъ же для формы только?—спросилъ Крестовниковъ нѣсколько даже сконфуженнымъ голосомъ.

— Некогда, рѣшительно! Заниматься надо!—отвѣчалъ Павелъ.

— Нѣтъ, вы лучше хорошенько поговѣйте; вамъ лучше Богъ поможетъ въ ученіи.—вмѣша-

лась въ разговоръ Евлампія Матвѣевна, немножко жеманничая. Она всегда, говоря съ Павломъ, немножко жеманилась: великъ ужъ онъ очень былъ; совершенно на мальчика не походилъ.

Павелъ несогласенъ былъ съ ней мысленно; но на словахъ ничего ей не возразилъ.

Въ Страстной понедѣльникъ его снова не оставили по этому предмету въ покоѣ, и часу въ пятомъ утра къ нему вдругъ въ спальню просунулъ свою морду Ванька и сталъ будить его.

Павелъ взмахнулъ на него глазами.

— Семенъ Яковлевичъ приказали васъ спросить, пойдете вы къ заутрени?—спросилъ Ванька сильно заспаннымъ голосомъ.

Павлу вдругъ почему-то стало совѣстно.

— Пойду, — отвѣчалъ онъ и, чтобы не дать себѣ разлѣниться, сейчасъ всталъ и потребовалъ себѣ умываться и одѣваться.

Ванька спросонья, разумѣется, исполнялъ все это, какъ черезъ пень колоду валилъ, такъ что Семенъ Яковлевичъ и Евлампія Матвѣевна уже ушли, и Павелъ едва успѣлъ ихъ нагнать. Свѣжій утренній воздухъ ободряющимъ и освѣжающимъ образомъ подѣйствовалъ на него; Павелъ шелъ, жадно вдыхая его; подъ ногами у него хрустѣлъ тоненькій ледъ замерзшихъ проталинъ; на востокѣ алѣла заря.

Приходская церковь Крестовниковыхъ была

небогатая: служба въ ней происходила въ низенькомъ, зимнемъ придѣлѣ, иконостасъ котораго скорѣе походилъ на какую-то дощатую перегородку; колонны, его украшающія, были тоненькія; рѣзьбы на немъ совсѣмъ почти не было; живопись иконъ — новаго и очень дурного вкуса; священникъ — толстый и высокій, но ризы носилъ коротенькія и узкія; дьяконъ — хотя и съ басомъ, но чрезвычайно необработаннымъ, — словомъ, ничего не было, что бы могло подѣйствовать на воображеніе, кромѣ развѣ хора пѣвчихъ, мальчиковъ изъ ближайшаго сиротскаго училища, между которыми были недурные тенора и превосходные дисканты. Когда, въ началѣ службы, священникъ выходилъ еще въ одной эпитрахили и на клиросѣ читалъ только дьячокъ, Павелъ безпрестанно переступалъ съ ноги на ногу и, для развлеченія себя, любовался, какъ восходящее солнце зашло сначала въ окна алтаря, а потомъ стало проникать и сквозь розовую занавѣску, закрывающую рѣзныя царскія врата.

Вслѣдъ за тѣмъ служба приняла болѣе торжественный видъ: священникъ надѣлъ ризу, появился дьяконъ, и пѣвчіе запѣли: «*Чертогъ твой вижду, Спасе мой, украшенный!*» Въ воображеніи Павла вдругъ представился чертогъ Господа и та чистая и свѣтлая одежда, которую надобно имѣть, чтобы внити въ него. Далѣе пѣвчіе запѣ-

ли: «*Блюди убо, душе моя!*» Павелъ почувствовалъ какой-то трепетъ въ груди и желаніе, чтобы и его духъ непрестанно блюлъ. Душа его, видно, была открыта на этотъ разъ для всѣхъ возвышенныхъ стремленій человѣческихъ. Онъ возвратился изъ церкви подъ вліяніемъ сильнѣйшаго религіознаго настроенія, и когда потомъ, часу въ двѣнадцатомъ, заблаговѣстили къ преждеосвященной обѣднѣ, онъ первый отправился къ службѣ; и его даже удивляло, какимъ образомъ такіе религіозные люди, какъ Семенъ Яковлевичъ и Евлампія Матвѣевна, молились безъ всякаго увлеченія: сходятъ въ церковь, покланяются тамъ въ поясъ и въ землю, возвратятся домой только нѣсколько усталые, какъ бы послѣ какого-то чисто физическаго труда. Особенно на Павла подѣйствовало въ преждеосвященной обѣднѣ то, когда на средину церкви вышли двое, хорошенькихъ, какъ ангелы, дискантовъ, и начали пѣть: «Да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою!» Въ это время то одна половина молящихся, то другая становится на колѣни, а дисканты все продолжаютъ пѣть. Священникъ въ алтарѣ, возводя глаза къ небу, медленно кадитъ, какъ бы напоминая то кадило, о которомъ поютъ. Наконецъ, онъ, въ сопровожденіи дьякона, идетъ съ преждеосвященными дарами. Всѣ, въ страхѣ — зрѣть святыню, падаютъ ницъ; нѣсколько време-

ни продолжается слегка только трепетное молчаніе; но хоръ пѣвчихъ снова запѣлъ, и всѣ, какъ отпущенные грѣшники, поднимаются. Двѣ красивыя барышни тоже кланяются въ землю, и хоть изрѣдка, но все-таки взглядываютъ на Павла; но онъ, не отвѣчаетъ имъ и смотритъ то на образа, то въ окно. Возвратившись домой съ церковной службы, Павелъ почувствовалъ потребность готовиться не изъ чего иного, какъ изъ Закона Божія, и сталъ учить наизусть притчи. Чистая и свѣтлая фигура Христа стала являться предъ нимъ какъ бы живая. Все это въ соединеніи съ постомъ, который строжайшимъ образомъ соблюдался за столомъ у Крестовниковыхъ, распалило почти до фанатизма воображеніе моего героя, такъ что къ исповѣди онъ сталъ готовиться, какъ къ страшнѣйшему и грознѣйшему акту своей жизни. Онъ въ продолженіе пятницы отслушалъ всѣ службы, цѣлый день почти ничего не ѣлъ, и въ самомъ худшемъ своемъ платьѣ и съ мрачнымъ лицомъ отправился въ церковь. Крестовниковы точно такъ же вели себя. Исповѣдь, чтобы кто не подслушалъ, происходила въ лѣтней церкви. Первая вошла туда госпожа Крестовникова, и возвратилась оттуда вся красная и врядъ ли немного не заплаканная. Вслѣдъ за ней исповѣдывался мужъ ея, который тоже вышелъ нѣсколько красный. — Какіе у этихъ двухъ до-

брыхъ человѣкъ могли быть особенные грѣхи,— сказать трудно!.. Павелъ вошелъ въ исповѣдальню съ твердымъ намѣреніемъ покаяться во всемъ, и на вопросы священника: вѣруетъ ли въ Бога, почитаетъ ли родителей и начальниковъ, соблюдаетъ ли посты? отвѣчалъ громко и твердо: «грѣшенъ, грѣшенъ!»

— Развязую тя, рабе!.. — сказалъ священникъ.—Ну, цѣлуйте крестъ и ступайте. Посылайте, кто тамъ еще есть.

Павелъ исполнилъ все это и вышелъ въ очень неудовлетворенномъ состояніи: ему казалось, что онъ слишкомъ мало покаялся; и потому, чтобы хоть какъ-нибудь пополнить это, онъ творя внутреннее покаяніе, прослушалъ всѣ правила, и въ такомъ же печальномъ и тревожномъ состояніи простоялъ всю заутреню. Когда стали готовиться идти къ обѣднѣ, то Крестовниковы опять его удивили: они рядились и расфранчивались, какъ будто бы шли на какой-нибудь парадъ.

Героемъ моимъ, межъ тѣмъ, овладѣлъ страхъ, что вдругъ, когда онъ станетъ причащаться, его опалитъ небесный огонь, о которомъ столько говорилось въ послѣисповѣдныхъ и передпричастныхъ правилахъ; и когда, наконецъ, онъ подошелъ къ чашѣ и повторилъ за священникомъ: «Да будетъ мнѣ сіе не въ судъ и не въ осужденіе»,—у него задрожали руки, ноги, задрожали даже голова

и губы, которыми онъ принималъ причастіе; онъ едва имѣлъ силы проглотить данную ему каплю— и то тогда только, когда запилъ ее водой, затѣмъ поклонился въ землю и сталъ горячо, горячо молиться, что Богъ допустилъ его принять крови и плоти Господней! Когда вышли изъ церкви, совершенно уже разсвѣло и былъ сѣрый и вѣтреный день, на вздувшейся рѣкѣ сѣрыя волны уносили льдины. Павлу показалось, что точно такъ же и причастіе отнесло отъ его души всѣ скверноты и грѣшныя помышленія.

Христовъ день подалъ поводъ къ новымъ религіознымъ ощущеніямъ и радостямъ. Въ ночь съ субботы на воскресенье въ домѣ Крестовниковыхъ спать, разумѣется, никто не ложился, и какъ только загудѣлъ соборный колоколъ, всѣ сейчасъ же пошли въ церковь. Надъ городомъ гудѣлъ сильный и радостный звонъ, и посреди полнѣйшаго мрака мѣстами мелькали освѣщенныя плошками колокольни храмовъ. При входѣ Крестовниковыхъ, ихъ жильца и всей почти прислуги ихъ въ церковь, она была уже полнехонька народомъ, и всѣ были какъ бы въ ожиданіи чего-то. Наконецъ, заколебались хоругви вверху храма, и богоносцы стали брать образа на плечи; изъ алтаря вышли священникъ и дьяконъ въ дародаровыхъ ризахъ, и вся эта процессія ушла. Народъ въ церкви остался съ наклоненными голова-

ми. Наконецъ откуда-то издали раздались голоса священника и дьякона: «*Христосъ воскресе!*» Хоръ пѣвчихъ сейчасъ же подхватилъ: «*изъ мертвыхъ смертію смерть поправъ!*»; а затѣмъ пошли радостныя кантаты: «*Святися, святися!*» «*Пріидите пиво піемъ!*» Павелъ стоялъ почти въвосторгѣ: такъ радостенъ, такъ счастливъ онъ давно не бывалъ.

Послѣ заутрени стали всѣ знакомые и незнакомые христосоваться и цѣловаться другъ съ другомъ.

Въ домѣ Крестовниковыхъ, какъ и водится, послѣдовало за полнѣйшимъ постомъ и полнѣйшее пресыщеніе: пасха, куличъ, яйца, ветчина, зеленыя щи появились за столомъ, такъ что Павелъ, наѣвшись всего этого, проспалъ, какъ мертвый, часовъ до семи вечера, проснулся съ головной болью и, только уже напившись чаю, освѣжился немного и принялся заниматься Тацитомъ. Сей великій писатель, какъ бы взамѣнъ религіозныхъ мотивовъ, сейчасъ же вывелъ передъ нимъ великихъ мужей Рима. Никогда еще, я долженъ сказать, мой юноша не бывалъ въ столь возвышенномъ умственномъ и нравственномъ настроеніи, какъ въ настоящее время. Воображеніе его было преисполнено чистыми, грандіозными образами религіи и исторіи, умъ занятъ былъ с образеніемъ разныхъ математическихъ истинъ, все это придало какой-то весьма пріятный оттѣнокъ и его наружности. Лицо его было задумчиво и какъ

бы нѣсколько съ болѣзненной экспрессіей, но глаза бойко и здорово блестѣли. Походка была смѣла и тверда.

Экзаменъ Павелъ началъ держать почти что шутя; онъ выходилъ, когда его вызывали, отвѣчалъ, и потомъ тотчасъ отправлялся домой и садился обѣдать съ Крестовниками.

— Ну-съ, сколько сегодня получили?—спрашивалъ его обыкновенно Семенъ Яковлевичъ.

— Пять,—отвѣчалъ Павелъ. Пять потомъ изъ слѣдующаго предмета и изъ слѣдующаго, вездѣ по пяти, такъ что онъ выпущенъ былъ первымъ и съ золотой медалью.

Павелъ даже не ожидалъ, въ какой восторгъ приведетъ этотъ успѣхъ Семена Яковлевича и супругу его. За обѣдомъ, почти съ перваго блюда они начали пить за его здоровье и чокаться съ нимъ.

— Дай Богъ вамъ преуспѣвать такъ же и во всей жизни вашей, какъ преуспѣли вы въ наукахъ!—говорилъ Семенъ Яковлевичъ.

— И я того же желаю,—подхватила Евлампія Матвѣевна, по обыкновенію жеманничая.

— Способности, способности, — говорилъ Семенъ Яковлевичъ, растопыривая руки:--этакихъ я и не видывалъ!

Вечеромъ Паша распростился съ своими хозяевами и уѣхалъ въ деревню къ отцу.

Тигры.

ВЕТЕРАНЪ И НОВОБРАНЕЦЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ СЛУЧАЙ ИЗЪ 1854 ГОДА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Алексѣй Петровичъ Лихаревъ, отставной полковникъ.
Аполлинарія Матвѣевна, жена его.
Александръ, гимназистъ 7-го класса, сынъ ихъ.
Власій Матвѣевичъ, братъ Аполлинаріи Матвѣевны.
Макаръ Макаровичъ, небогатый помѣщикъ, сосѣдъ Алексѣя Петровича.
Селифантьевъ, отставной солдатъ и бывшій денщикъ Алексѣя Петровича.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Алексѣя Петровича.

Небогатая помѣщичья гостиная. Мебель ситцевая; по стѣнамъ развѣшаны картины полководцевъ и генераловъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аполлинарія Матвѣевна, въ черномъ платьѣ и бѣломъ чепчикѣ съ оборками, сидитъ на диванѣ; въ рукахъ у ней нюхательный спиртъ. Власій Матвѣевичъ, плѣшивый старикъ, въ очкахъ, помѣщается около нея. Александръ, въ гимназическомъ сюртукѣ и въ брюкахъ, съ нашитыми на нихъ довольно широкими лампасами, сидитъ поодаль.

Аполлинарія Матвѣевна. Какъ же мнѣ, братецъ, не мучиться и не терзаться?.. Легко

сказать: для матери двухъ дѣтей разомъ лишиться!.. *(нюхаетъ спиртъ)*.

Власій Матвѣевичъ. Что-жъ дѣлать? Слезами ужъ не воротишь. Ты лучше разскажи мнѣ подробности.

Аполлинарія Матвѣевна. А что подробности? Въ одномъ сраженіи были ранены... другъ около дружки и стояли... промежъ собой-то они очень дружны были. Пишутъ: получасочка, голубчики мои, одинъ послѣ другого не жили... *(плачетъ)*.

Власій Матвѣевичъ. Судьбы Божіи неисповѣдимы! Очень хорошо понимаю эту твою, ничѣмъ ужъ неизлѣчимую материнскую печаль и понимаю также, что она еще болѣе должна усугубляться, видя и въ послѣднемъ дѣтищѣ немного радости... *(къ Александру)*. Не хмурьтесь: я не потатчикъ всѣмъ вашимъ глупостямъ.

Александръ. Я, дяденька, и не прошу васъ потакать. Вы можете думать по-своему, а я по-своему.

Аполлинарія Матвѣевна *(Александру)*. Нагрубил еще дядѣ; только этого недоставало. Нечего головой мотать.. Все разскажу, да нажалуюсь на васъ съ батюшкой. По милости Божіей, всѣ эти науки въ гимназіи проходилъ не хуже другихъ, ну, и быть бы подпорой да утѣхой родителей,— не тутъ-то было! Не сказавъ никому

и не открывъ ничего, удумалъ и угадалъ самъ съ собою, чтобъ дальше ученье бросить и идти на службу на войну: значитъ, только и видѣли!

Александръ. Я, маменька, не одинъ: у насъ весь седьмой классъ въ полкъ поступаетъ.

Аполлинарія Матвѣевна. Знаю: отъ пріятелей да отъ дружковъ весь и боръ-то загорѣлся... Только тебѣ бы, кажется, лучше матери слушаться, а не съ другихъ брать примѣры.

Александръ. Ни съ кого я не беру примѣровъ; а дѣлаю, какъ самъ чувствую... Объ этомъ, маменька, очень ужъ много разговоровъ было.

Аполлинарія Матвѣевна. Что-жъ? Молчать, что ли, еще мнѣ? И то немного, кажется, вамъ прекословила, какъ все было живо да благополучно; ну, а когда это Божеское несчастіе насъ постигло, ты, добрый сынокъ, не взираючи ни на что, не взирая на мои горькія слезы, все-таки ѣдешь да еще просишь: «Маменька, папенькѣ не сказывайте, что братцевъ убили, а скажите, когда я совсѣмъ уѣду». Скажи старику этакое извѣстіе, когда ужъ, какъ говорится, и послѣднее у него солнышко изъ глазъ выкатится.

Власій Матвѣевичъ. Поэтому братъ еще не знаетъ о постигшемъ несчастіи?

Аполлинарія Матвѣевна. Нѣтъ, бра-

тецъ, духу моего никакъ не хватаетъ сказать ему; а сердце, межъ тѣмъ, каждую минуту обмираетъ, чтобъ не узналъ какъ стороной; газеты ужъ убираемъ, чтобъ какъ не прочелъ тамъ, и говоримъ, что не присылаютъ. Согрѣшила я, несчастная, видно, чѣмъ-нибудь предъ Богомъ! Кажется, онъ и не перенесетъ этого... Что-то храбрится, а полчеловѣка полчеловѣкъ и есть: старый да израненный... Хочу ужъ тебя попросить: ты— умный да разговорчивый, не откроешь ли ему какъ-нибудь поумнѣй и поосторожнѣй, да чтобъ и Сашу-то въ полкъ не пускалъ, пожалѣлъ бы себя и меня хоть немного.

Александръ. Что-жъ, маменька, за что же я несчастнымъ буду?

Аполлинарія Матвѣевна. Кто же и чѣмъ несчастнымъ-то тебя дѣлаетъ?.. Вотъ, братецъ, послушайте: одна пѣсня, — только и говоритъ...

Власій Матвѣевичъ. Вопросъ вашъ, Александръ Алексѣичъ, во-первыхъ, сказанъ въ неприличномъ для сына тонѣ, а во-вторыхъ, я тоже его не понимаю: въ чемъ вы, повторяю слова вашей матери, находите ваше несчастіе?

Александръ. Какъ же, дяденька! Маменька не хочетъ теперь пускать меня въ военную службу, а къ штатской я совершенно неспособенъ... Конечно-съ, погибну. Что ужъ послѣ этого я за человѣкъ буду?

Аполлинарія Матвѣевна. Что ты, не знавши про штатскую службу, говоришь! Вонъ тебѣ дяденька примѣръ: никогда въ военной не служилъ, а слава Богу, не хуже кого. Люди знаютъ и уважаютъ не меньше, чѣмъ папеньку твоего.

Александръ. То другое время было-съ! Прежде я ничего не говорилъ, а теперь, когда этакая война?.. Я не изъ третьяго класса вышелъ, я ужъ шестиклассникъ. Я думаю, маменька, я русскій-съ...

Власій Матвѣевичъ. Что же такое, что вы русскій? И мы всѣ русскіе, и если бы предстояла крайняя необходимость, такъ каждый бы изъ насъ пожертвовалъ всѣмъ: — и достояніемъ, и жизнью своею; но этого еще нѣтъ!.. Въ то же время семейство ваше слишкомъ ужъ, кажется, отправило свою очередь: у васъ убиты два старшіе брата.

Александръ. Не всѣхъ, дяденька, убиваютъ. Братцамъ ужъ такъ умереть, видно, Богъ назначилъ.

Власій Матвѣевичъ. Помолчите и дайте мнѣ договорить. Такимъ образомъ, сказалъ я, очередь вашимъ семействомъ достаточно отправлена, и теперь на васъ, послѣдней ужъ опорѣ в шихъ престарѣлыхъ родителей, лежитъ не менѣе священная обязанность семьянина — обязан-

ность успокоивать и утѣшать ихъ, и, увѣряю васъ, что службы вашей не потребуетъ царь, не нуждается въ ней отечество, и то, что вы останетесь при отцѣ и матери, всякій благомыслящій человѣкъ поставитъ вамъ въ честь, а не въ обвиненіе.

Александръ. Я бы папенькѣ и маменькѣ заслужилъ послѣ: всю бы жизнь сталъ жить при нихъ; а если теперь они меня остановятъ, такъ что-жъ изъ этого будетъ? Вамъ, дяденька, въ этомъ случаѣ отговаривать и отсовѣтовать грѣшно-съ.

Власій Матвѣевичъ. Я не считаю это за грѣхъ, а, напротивъ, нахожу въ этомъ доброе дѣло и буду не только отсовѣтовать, но настою, чтобъ вы остались. Будь покойна, сестра: я открою брату печальное извѣстіе и докажу ему, что этого господина пускать не слѣдуетъ. Пойдемъ, гдѣ старикъ?

Аполлинарія Матвѣевна. У себя, кажется, въ кабинетчикѣ, либо по двору гуляетъ. Гость къ нему пріѣхалъ... сосѣдъ... подзадориваютъ только другъ друга, старые хрѣны, и о войнѣ все теперь говорятъ, точно годятся еще куда-нибудь!.. Пойдемте, я васъ провожу... (*идетъ, едва переступая, къ дверямъ*).

Власій Матвѣевичъ (*идя за нею и обращаясь къ Александру*). Вотъ, Александръ Але-

ксѣевичъ, гдѣ ваше геройство вы должны показать и, побѣдивъ ваше собственное увлеченіе, посвятить себя на усладу послѣднихъ дней этой бѣдной старушки.

ЯВЛЕНІЕ II.

Александръ *(одинъ)*. Что я за несчастный человѣкъ! Они, съ маменькой, пожалуй, уговорятъ папеньку; наскажутъ, напугаютъ его,—онъ и не отпуститъ. Миклашевскій, я думаю, скоро ужъ офицеромъ будетъ... Это ужасно!.. *(садится и закрываетъ лицо руками)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тотъ же и Селифантьевъ.

Селифантьевъ *(войдя и вытянувшись)*. Шесть паръ сорочекъ, шесть брюкъ и дюжина карпетокъ принято, ваше благородіе, извольте на записку записать!

Александръ *(вставая)*. Что, братъ Селифантьевъ, чортъ знаетъ что такое выходитъ; я, пожалуй, и не поѣду.

Селифантьевъ. Какъ такъ, ваше благородіе.

Александръ. Да вонъ все по милости дядюшки нашего милаго... пріѣхалъ—очень нужно. Хотятъ сегодня отцу съ маменькой сказывать, что братцевъ убили и чтобъ онъ меня не отпускалъ въ военную службу.

Селифантьевъ. Это, ваше благородіе, ничего-съ; это только пустые разговоры ихъ будутъ-съ.

Александръ. Да, какъ же, пустые разговоры!.. Увидишь вотъ...

Селифантьевъ. Ей-Богу, такъ, ваше благородіе. Старикъ не возьметъ этихъ словъ ихнихъ во вниманіе; а сдѣлаетъ, какъ ему надо, по-своему.

Александръ. Экой ты чудакъ, Селифантьевъ! По-своему сдѣлаетъ... Онъ бы, конечно, сдѣлалъ, кабы братьевъ не убили; а ты знаешь, какъ это его тронетъ. Онъ нынче, посмотри, какой слезливый сталъ: прошлаго года меня въ гимназію провожалъ, такъ три версты плакалъ. Когда это прежде бывало?

Селифантьевъ *(вздохнувъ)*. Именно, ваше благородіе, когда это бывало! Далеко противъ прежняго Алексѣя Петровича не стало! Этта, доложу, ваше благородіе, ѣхали мы съ нимъ на бѣговыхъ дрожечкахъ; гляжу, Господи ты Боже мой! Гдѣ немного этакъ маленько рытвинка, гляжу, ужъ объѣзжаетъ: боится... А въ старые годы, доложу, ваше благородіе, когда они еще на Кавказѣ служили, такъ только, Царь Небесный, помилуй насъ! Словно у нихъ не одна, а пять головъ на плечахъ было. Тогда ходилъ подъ нимъ, доложу, ваше благородіе, тамошній жеребецъ:

лошади тамъ, ваше благородіе, сердитыя, злыя, ячменемъ ихъ все кормятъ,—такъ нашъ Алексѣй Петровичъ, бывало, оврагъ ли, канава ли, плетень ли, никогда не объѣзжаетъ, а все напрямикъ, махнетъ—да и баста!

Александръ. Ѣздить, братъ, верхомъ я самъ ловокъ: никому не поддамся. На Абрека, не бойсь, Гараська нашъ тоже смѣлый и сильный, а не садился, трусилъ; я же первый проѣхалъ, взнуздалъ только бечевкой и сѣлъ; все поле по сумету выносилъ, а не сбросилъ—шалитъ!

Селифантьевъ. Видѣлъ, вѣдь, я, ваше благородіе; да оно, если такъ сказать, такъ вы, пожалуй, и побойчѣй Абрека на конѣ проѣдете... Важно ѣздите: оно, значитъ, смѣло-съ; да и посадка крѣпкая!.. Ученья еще, доложу, ваше благородіе, вамъ настоящаго не было...

Александръ *(перебивая его)*. Ежели я теперь опредѣлюсь въ полкъ, такъ въ недѣлю всему выучусь; стрѣлять ужъ умѣю: эта былъ у Николая Алексѣевича; онъ этакимъ отличнымъ стрѣлкомъ считается здѣсь и восемь разъ далъ промахъ, а я три раза сряду влѣпилъ въ черный кругъ. Значитъ, теперь только маршировать выучиться, да ружьемъ...

Селифантьевъ. Ружьемъ, ваше благородіе, безпремѣнно надобно, чтобъ какъ можно тверже знать; оно, доложу, ваше благородіе, плохой, зна-

читъ, тотъ солдатъ, коли на этой балалайкѣ играть не умѣетъ.

Александръ. Ещо бы! Послушай-ка, Селифантьевъ, поди, братъ, пожалуйста, принеси ружье; поучи меня хоть немного.

Селифантьевъ. Да я бы, доложу, ваше благородіе, съ великимъ моимъ удовольствіемъ; маменька ваша какъ бы только не увидали. Ей-Богу, ваше благородіе; отъ старушки такъ много обидъ сталъ я терпѣть это время, что прости ей только Господи! Хоть бы съ вами, али съ старымъ бариномъ говорить почесть-что запрещаетъ, ваше благородіе...

Александръ. Ну, что, Богъ съ ней, съ маменькой! Поди, голубчикъ, принеси: я тебѣ заплачу за это; на тебѣ полтинничекъ... *(даетъ ему полтинникъ)*.

Селифантьевъ *(не беретъ)*. Полноте, ваше благородіе, не извольте безпокоиться!.. Что это: я и безъ этого готовъ и долженъ завсегда служить-съ! Сію секунду, ваше благородіе!.. *(проворно уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV

Александръ *(одинъ, ходитъ и потираетъ руки)*. Выучусь теперь ружью, маршировкѣ, и славно будетъ... *(взявшись за голову)*. Правда, эти сигналы, канальство, надобно хорошенько выдол-

бить: ни одного еще сигнала почти не знаю. Если бы мнѣ все это Богъ привелъ здѣсь выучить, я бы спокоенъ былъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тотъ же и Селифантьевъ *(съ ружьемъ)*.

Селифантьевъ. Перво, ваше благородіе, съ маршировки начнете, али все вмѣстѣ, какъ прошлый разъ?

Александръ. Вмѣстѣ все лучше; скорѣе выучусь.

Селифантьевъ. Слушаю, ваше благородіе. *(Александръ беретъ ружье и становится во фронтъ).*

Селифантьевъ *(командуетъ)*. Смирно!.. Съ правой ноги—маршъ! *(Александръ маршируетъ).*

Селифантьевъ *(колотя себя по бедру)*. Разъ... два... разъ... два... разъ... два... Носки хорошенько вытягивать, ваше благород'е. Корпусомъ не валиться назадъ... Разъ... два... разъ... два... разъ... два... Ружье не свѣшивать! Стой!

Александръ *(останавливаясь)*. Ты мнѣ, Селифантьевъ, не говори: «ваше благородіе», а учи, какъ рекрута.

Селифантьевъ. Слушаю, ваше благородіе... *(командуетъ)*. Налѣво кругомъ-маршъ! Разъ... два... разъ... два... Локтей не выворачивать! Ружьемъ не вилять, какъ мѣшалкой! Хорошо! Хорошо! Браво!

Александръ. Рады стараться, ваше благородіе! Въ самомъ дѣлѣ хорошо, Селифантьевъ?

Селифантьевъ. Отлично, ваше благородіе, ей-Богу!.. Хорошо тѣмъ, что вы хоть бы къ ружью и маршировкѣ очень способны.

Александръ. Ну, а теперь ружейнымъ пріемамъ поучи.

Селифантьевъ. Съ ружейными пріемами, ваше благородіе, возни много; а тутъ, чего не дай Богъ, маменька взойдетъ: куда я тогда поспѣлъ? Лучше, доложу, ваше благородіе: завтра пораньше встанемъ да на зарѣ въ полѣ, тамъ гораздо способнѣе.

Александръ. Да хоть немного поучи!.. *(становитъ ружье къ ногѣ)*. Хоть отъ ноги только скомандуй!

Селифантьевъ. Извольте, ваше благородіе... *(командуетъ)*. Отъ ноги... разъ... два.. три... Отставь... Отъ ноги... разъ... два... три...

Александръ. Что, Селифантьевъ, и это хорошо?

Селифантьевъ. Ничего, ваше благородіе... Хорошо-съ.

Александръ. Ну, нѣтъ, ты говори правду; не обманывай.

Селифантьевъ. Ей-ей, ваше благородіе: извѣстно, что съ ученьемъ будете почище брать;

а такъ какъ на первый разъ, такъ и очень порядочно... Чистоты еще настоящей нѣтъ.

Александръ. Сегодня немного поучусь, а завтра именно, какъ ты говоришь, встану на зарѣ, уйдемъ въ поле: тамъ сколько угодно учись... *(начинаетъ кидать ружье, командуя самъ себѣ).* Отъ ноги... разъ... два... три... Разъ... два... три...

Селифантьевъ *(глядя на него съ умиленіемъ).* Славный офицеръ вы будете, ваше благородіе! Ей-Богу такъ-съ; тѣмъ, что главная причина, доложу, къ службѣ у васъ, какъ я вижу, большое старанье-съ будетъ.

Александръ. Ну, ужъ, братъ Селифантьевъ, только бы мнѣ отсюда вырваться... Какъ вотъ началъ собираться на службу, ни одной ночи теперь не сплю. Въ сраженіе бы мнѣ хочется поскорѣе,—ухъ бы какъ поработалъ!.. Ты часто въ сраженіяхъ, Селифантьевъ, бывалъ?

Селифантьевъ. Какъ, ваше благородіе, не бывать; какъ во фрунтѣ былъ, многіе разы бывалъ-съ.

Александръ. Страшно, или нѣтъ?

Селифантьевъ. Какъ сказать, ваше благородіе? Извѣстно, человѣкъ животолюбивъ: только-то, что до первой крови; а тутъ злость возьметъ, все впередъ охота, а не велятъ,—безъ команды впередъ нельзя: стой, дѣлать нечего, на

мѣстѣ да слушай, какъ эти свинцовыя шмели летаютъ.

Александръ. На штыки, я думаю лучше.

Селифантьевъ. На штыки, ваше благородіе, важно-съ. Вотъ тоже опять о вашемъ папенькѣ слово: я-то ужъ не помню, не засталъ этого: а тоже, доложу, ваше благородіе, старые солдаты разсказывали, какъ Алексѣй Петровичъ еще въ маленькихъ чинахъ были, такъ въ рукопашный-то шибко ходили: кого штыкомъ, кого прикладомъ, а кого и кулакомъ,—ломомъ ломятъ-съ.

Александръ. Храбрый папенька былъ?

Селифантьевъ. Храбрый, ваше благородіе, да и силы-то ужъ непомѣрной: девять, десять пудовъ одной рукой легонько перекидывалъ, или, по тамошнему обыкновенію, голову барану отмахнутъ саблей, какъ комару,—сразу!

Александръ *(ходя въ раздумьѣ по комнатѣ)*. А я вотъ что, Селифантьевъ, придумалъ... Это славная мысль пришла мнѣ въ голову: ежели папенька послушается маменьки и не отпуститъ меня, я потихоньку уйду; до Костромы пѣшкомъ дойду—ничего; а тамъ зайду къ мужу сестры Маши: онъ парень отличный, дастъ мнѣ хоть немного денегъ.

Селифантьевъ. Денегъ немного, ваше благородіе, надо: какъ бы только Богъ до полка привелъ добраться, а тутъ что-жъ? Амуниція казенная, провіантъ казенный.

Александръ. Именно такъ; непремѣнно уйду. Пускай маменька съ дяденькой сердятся, а папенька ничего... проститъ.

Селифантьевъ. Папенька-то-съ? Ежели бы теперича, примѣрно, такъ сказать, годковъ пятнадцать имъ съ костей долой, да ножки бы у нихъ поздоровѣе были, они и сами бы пошли въ службу. А что насчетъ братцевъ, такъ до кого не коснись: коли убитъ въ сраженіи, въ царствѣ небесномъ, значитъ, будетъ. Алексѣй Петровичъ это лучше нашего знаетъ.

Александръ. Тсъ, молчи! Папенька, кажется, идетъ. Смотри никому ни-гугу, о чемъ мы съ тобой говорили. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, поучи меня потихоньку сигналамъ.

Селифантьевъ. Слушаю, ваше благородіе... Сейчасъ, только у полковника фуражку приму-съ. *(Александръ уходитъ въ кабинетъ, а Селифантьевъ отворяетъ дверь и становится около нея навытяжку).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тотъ же и Алексѣй Петровичъ, совсѣмъ сѣдой, съ большими усами и бакенбардами, въ фуражкѣ, въ военномъ, на красной подкладкѣ, двухбортномъ вицмундирѣ и съ палкою въ рукѣ. Макаръ Макаровичъ въ старомодномъ, но очень чистомъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами, въ свѣтло-вычищенныхъ сапожкахъ, тоже съ усами и бакенами и также совсѣмъ сѣдой.

Алексѣй Петровичъ *(входя)*. Я вотъ тебѣ, Макаръ Макарычъ, давеча началъ разсказы-

вать, да все перебиваютъ... Здорово, Селифантьевъ!... *(подаетъ ему фуражку).*

Селифантьевъ *(принимая фуражку).* Здравія желаю, ваше высокоблагородіе... *(обдуваетъ потомъ фуражку, вѣшаетъ ее на гвоздь и уходитъ за Александромъ).*

Алексѣй Петровичъ. Началъ я тебѣ, братецъ, разсказывать про начальниковъ моихъ—экіе они люди были! Привезъ меня, братецъ, въ полкъ отпускной солдатикъ. Парень я былъ лѣтъ пятнадцати, а рожей къ ставцу сѣсть не умѣлъ; изъ бѣдныхъ, вѣдь, какъ и ты же, дворянчиковъ родомъ. Нынѣшніе годы, вонъ, съ крестьянскихъ мальчишекъ за выучку въ грамотѣ берутъ десять да двѣнадцать рублевъ, а за меня заплатили дьячку пять четвериковъ овсеца, подолбилъ я у него: «азъ, ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій; буки, Богъ, Божество; вѣди, величество»—вотъ-те и ученье все!.. Съ этимъ и на службу поѣхалъ... Полками тогда, братецъ, командовали еще шефы: шефовъ-то, чай, помнишь?

Макаръ Макаровичъ. Чтой-то, сударь, шефовъ ужъ не помнить? Не какіе годы прошли тому: много-что лѣтъ шестьдесятъ минуло!.. Бывшаго судьи, Никанора Васильича родитель-то, выходитъ, шефомъ былъ.

Алексѣй Петровичъ. Дѣло, дѣло! Шефъ былъ,—знавалъ я его!.. И лихой былъ шефъ.

Садись-ка!... *(садятся)*. Привели меня, братецъ, этакимъ манеромъ къ этому нашему шефу, изъ нѣмцевъ былъ, Ардаліонъ Карлычъ—царство небесное! «Здорови ли ви, каспадинъ тварянинъ, гитъ? Здѣсь, гитъ, алмія дѣйствующая, надобно, чтобы народъ былъ оченно здоровый». А я еще, братецъ, и отвѣчать не умѣю какъ, да отпускной-то солдатъ, что привезъ меня, спасибо, выручилъ: «здоровъ, гитъ, ваше высокородіе: всю дорогу одинъ телѣгу смазывалъ и супонь натягивалъ».— «А это карашо, гитъ: позвать, гитъ, ко мнѣ унтеръ-офицера Соломенку». Приходитъ, братецъ, унтеръ-офицерина Соломенка, въ сажень ростомъ, рябой да черный, немного получше волка. «Вотъ тебѣ, гитъ, Соломенка, на руки каспадинъ тварянинъ, держи его въ чистотѣ, артикулу вышколи, грамотѣ пройдись, да и молитвы что́ъ зналъ». Такъ меня, братецъ, и сдали; и вотъ по сей день и блаженной памяти Ардаліонъ Карлычъ и Соломенка—оба, братецъ, въ поминальникѣ у меня записаны: нельзя,—на вѣкъ человѣкомъ сдѣлали.

Макаръ Макаровичъ. Это, сударь, что въ поминальникѣ записаны, дѣло доброе: ты поминаешь, и тебя поминать станутъ. Хорошо тому, кто добро творитъ, а еще хорошѣе тому, кто добро помнитъ.

Алексѣй Петровичъ. Да какъ, братецъ,

не поминать-то? Я всегда говорю: всѣ мои начальники мнѣ вторые отцы были,—не то, что ужъ маленькіе, а и большіе: хоть бы покойный нашъ главнокомандующій, князь Циціановъ,—вонъ у меня въ золотой рамочкѣ виситъ. Орелъ, братецъ, былъ! Какъ теперь вотъ помню: тѣмъ временемъ губерніи устроивались, но и прокуроры были заведены. Къ нему тоже присылаютъ одного на Кавказъ; а такъ какъ дѣла онъ самъ рѣшалъ и утверждалъ, только вдругъ говорятъ ему, что одного дѣла нельзя исполнить, потому что прокуроръ вошелъ съ голосомъ. «Гдѣ, говоритъ, голосъ?» Подали ему. Онъ на самомъ этомъ голосѣ и пишетъ: «гдѣ поютъ херувимы, тамъ свиной голосъ некстати!» и вслѣдъ же за тѣмъ пишетъ государынѣ письмо, что-де прокуроры ему ненужны, ибо стѣсняютъ его въ распоряженіяхъ. Что-жъ, вѣдь, братецъ? Государыня уважила, велѣла отозвать того. Такъ вотъ какъ! Государи почитаютъ да уважаютъ такихъ людей.

Макаръ Макаровичъ. Нельзя, сударь Алексѣй Петровичъ, не уважать-то! Ты вотъ, про своихъ начальниковъ разсказываешь, а и у меня командиръ тоже благодѣтель былъ. Какъ произвели меня тогда въ эти прапоры, всѣ прочіе товарищи веселятся, а я и чину не радъ, сижу да плачу.

Алексѣй Петровичъ *(смѣясь)*. Ну, да, да,

понимаю: обмундироваться, значитъ, не на что, ха, ха, ха! Самъ, братъ, на этомъ конѣ ѣздилъ! Не богатѣе тебя служилъ: съ поручичьяго чина только говядинку сталъ каждый день ѣсть, а чаекъ пить съ капитановъ... Вѣкъ изживаю полковникомъ; дѣтей тоже взвелъ: старшій, Петруша, ужъ капитанецъ, а второй, Николай, штабсъ-капитанецъ. Ты вотъ не видалъ, а оба ребята, братецъ, славные, умные, тихіе, скромные, да въ мундирахъ-то, шарфами перетянутся, стройные... И не дождешься, братецъ, кажется, этакой радости, какъ это благополучно все кончится, и пріѣдутъ они ко мнѣ на побывку; портреты съ обоихъ велю списать и повѣшу надъ своей кроватью, чтобъ и передъ смертью на нихъ полюбоваться. Писемъ только, братецъ, что-то отъ нихъ нѣтъ. Не знаю; такъ это меня безпокоитъ: третью ночь все ихъ обоихъ во снѣ вижу; думаю-то, что ли, я все объ нихъ.

Макаръ Макаровичъ. Съ думы, сударь, да къ сырой погодѣ!... Всегда, вѣдь, сны отъ этого бываютъ-съ.

Алексѣй Петровичъ. Можетъ быть, а ужъ что за ребята, только ну! Очень мнѣ, братецъ, хочется, чтобы они при жизни моей хоть бы до майоровъ дотянули: въ густыхъ-то эполетчикахъ мнѣ хочется посмотрѣть на нихъ, а тутъ и умеръ бы, пожалуй. Младшаго, было, свисту-

на своего,—барыня ужъ очень бранится, что всѣхъ по дальнимъ мѣстамъ разсовалъ да размыкалъ,—хотѣлъ было оставить по штатской; ну, а какъ теперь каша этакая заваривается, сталъ онъ у меня проситься. «Ступай!» говорю. Останавливать нельзя, хоть и жалко—послѣдышекъ!..

Макаръ Макаровичъ. Останавливать, сударь, нельзя: не тѣ нынѣ времена; возстаютъ и метутся на насъ народы. Ты остановишь, другой остановитъ, что же будетъ хорошаго? И ты, сударь, не останавливай, а то я тебя хвалить перестану.

Алексѣй Петровичъ. Да кто же тебѣ, старый, говоритъ: останавливать? Что тамъ ни говори, а въ двѣнадцатомъ году Наполеончикъ этотъ изъ двунадесяти языцевъ, девять языцевъ велъ за шиворотокъ, а нынче всѣ по стачкѣ идутъ: точно, вѣдь, белены объѣвшись, взъѣлись на насъ!.. Прахъ ихъ знаетъ, что мы имъ сдѣлали... Останавливать!.. Старуха только меня, братецъ, одолѣваетъ: бранится да реветъ. Бабы, братецъ! По ихнему, сиди у нихъ около юбки, да сказки разсказывай,—такъ и любо имъ.

Макаръ Макаровичъ *(оглядываясь и вполголоса Алексѣю Петровичу)*. У бабы, сударь, волосъ дологъ, да умъ коротокъ... *(смѣется и машетъ рукой)*.

Алексѣй Петровичъ. Именно! Я, бра-

тецъ, никогда во всю жизнь бабъ не слушалъ: у меня немного дѣлай по-своему, а слушай моей команды. Погоди-ка, постой! Это что?.. *(прислушивается)*. Это, братецъ, выходитъ, Сашка у Селифантьева сигналамъ учится. А? каковъ ретивый солдатъ, новобранецъ мой, а? Александра, Александра!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Александръ, а потомъ и Селифантьевъ.

Алексѣй Петровичъ. Что ты, братецъ, тамъ дѣлаешь, а?

Александръ. Такъ, папенька, ничего-съ.

Алексѣй Петровичъ. Ну, ничего. Знаю я, что вы тамъ съ Селифантьевымъ творите. Смотри, мать услышитъ, она тебѣ задастъ да и мнѣ не уйти: сейчасъ разревется; у нея одно орудіе, изъ которыхъ въ цѣль бьетъ. Хорошо, братецъ, Макаръ Макарычъ, что я еще поотстрѣливаюсь, а то бы совсѣмъ заполонила, такая старушонка! Гдѣ она теперь?

Александръ. Онѣ васъ пошли искать-съ. Дяденька, папенька, пріѣхалъ.

Алексѣй Петровичъ. А!... Высокоумный Власій! Ну, что-жъ? Милости просимъ. Вотъ у меня, братецъ, Макаръ Макарычъ, есть шурнокъ; все съ первыхъ годовъ меня училъ и наставлялъ, что я съ женою неласково обращаюсь,

дѣтокъ нехорошо воспитываю. А женился послѣ самъ; три года съ женою прожилъ—да и врозь!... Сына тоже въ страхѣ и въ строгости воспитывалъ: не то, чтобъ пошутить да поврать, какъ я съ своими ребятишками, а чтобъ усмѣхнуться, сказать громко при немъ не смѣлъ; а тотъ теперь, какъ только поднялся на ноги, и знать его больше не хочетъ; а у меня такъ, слава Богу, всѣ преласковые. Вонъ у меня Сашка лампасы ужъ нашилъ: думаетъ, что совсѣмъ военный. Поди сюда, поцѣлуй меня, шельмецъ! *(Александръ подходитъ и цѣлуетъ отца)*. Вишь, какой славный малый. Послушай, Саша, прочитай ты, братецъ, Макару Макарычу стихи, которые я тебя выучилъ.

Александръ. Это объ грекахъ, папенька?

Алексѣй Петровичъ. Да!.. *(Макару Макаровичу)*. Это Николевъ сочинилъ. Я зналъ его лично: слѣпой былъ... *(сыну)*: Читай!

Александръ.

Строй, кто хочетъ, громку лиру,
Чтобъ казаться въ высокѣ;
Я налажу пѣсню міру
По солдатски, на гудкѣ.

Алексѣй Петровичъ. *(Макаръ Макаровичу)*. А? Каково?

Макаръ Макаровичъ. Хорошо, сударь, хорошо-съ!

Александръ *(продолжая)*.

Встарь бывали легки греки,
Нынче легокъ русачокъ;
Шагъ ему чрезъ степи, рѣки,
Съ горы на гору—скачокъ.
Пѣшій съ конным поспѣваетъ,
Онъ бѣжитъ и попѣваетъ
Въ честь начальникамъ своимъ;
Русакамъ обѣдъ не нуженъ—
За плечьми обѣдъ и ужинъ.

Макаръ Макаровичъ отъ удовольствія киваетъ головой).

Алексѣй Петровичъ *(сыну)*. Постой! Дальше я самъ прочту:

Съ цареградскаго престола
Втуне денежки летятъ,
Лишь бы батюшка Никола
Помолился у Престола,
Такъ и шведа закрутятъ.

А? Вотъ тебѣ, Макаръ Макарычъ, и мы почитываемъ.

Макаръ Макаровичъ. Прекрасно, сударь, очень прекрасно. Спишу для себя это безпремѣнно.

Алексѣй Петровичъ. Я, братецъ, до пѣсенъ такой охотникъ, что, кажется, хлѣбомъ не корми меня, а пѣсни дай слушать. Какъ комендантомъ былъ въ Кубѣ, такъ человѣкъ 40 было у меня пѣсельниковъ, и былъ тутъ одинъ солдатикъ маленькаго роста, шельма; но голосъ такой,

что я тебѣ — соловьиный! Какъ зальется, каналья на зарѣ-то да съ кларнетомъ, такъ всю душу и вытянетъ.

Селифантьевъ. Это, ваше высокоблагородіе, про Дудышку изволите говорить?

Алексѣй Петровичъ. Про Дудышку, братецъ, про Дудышку.

Селифантьевъ. Дудышка, доложу, ваше высокоблагородіе, точно, что голосъ имѣлъ-съ, а утождалъ еще много и тѣмъ, что онъ изъ цыганъ, вѣдь, ваше высоблагородіе: вертоватъ чрезвычайно, а хоть бы и про себя мнѣ сказать, я всегда могъ пѣть противъ Дудышки.

Алексѣй Петровичъ. Ну, пѣтъ!.. Хвастаешь! Не споешь противъ Дудышки, не вытянешь такъ! Жилы коротки!.. *(Макару Макаровичу)*. И этотъ, вѣдь, братецъ, отлично поетъ по сю пору; нарочно изъ фрунта изъ-за пѣсенъ взялъ къ себѣ въ денщики. Спой намъ, Селифантьевъ, тряхни стариной. Станемъ сегодня, Макаръ Макарычъ, мы съ тобой веселиться. Не знаю передъ чѣмъ, а у меня сегодня больно весело на душѣ. Пой, Селифантьевъ.

Селифантьевъ. Какую прикажете, ваше высокоблагородіе?

Алексѣй Петровичъ. Пой мою любимую: «Молодку молодую». Знаешь ли ты, братецъ, Макаръ Макарычъ, эту пѣсню?

Макаръ Макаровичъ. Полно-ка... Еще не знать! На что другое у Макара разума мало, а на пѣсни-то онъ толковъ.

Алексѣй Петровичъ. Ну и ладно, коли знаешь! Слушай только да облизывайся. Закатывай, Селифантьевъ.

Селифантьевъ *(запѣваетъ на голосъ «Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ»)*.

Плыветъ по морю флотъ кораблей,
Словно стадо лебедей, лебедей.
Ой жги, жги, жги, говори!..
Словно стадо лебедей, лебедей.

* * *

Волны по морю кипятъ и шумятъ,
Межъ собою таку рѣчь говорятъ:
Ой жги, жги, жги, говори!
Межъ собою таку рѣчь говорятъ

* * *

Ужъ зачѣмъ это наши корабли,
Какъ щетиною, штыками поросли?

(Всѣ подпѣваютъ. Макаръ Макаровичъ выходитъ на средину и начинаетъ подплясывать, умѣренно выкидывая ноги, пожимая плечами, помахивая платкомъ, и послѣ нѣкоторыхъ куплетовъ восклицаетъ: «Ахъ! Ты! Жизнь копейка! Голова наживное дѣло!...» Александръ становится противъ Макара Макаровича, поетъ во все горло и притоптываетъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Аполлинарія Матвѣевна и Власій Матвѣевичъ.

Они останавливаются на нѣкоторое время, съ удивленіемъ, въ дверяхъ.

Аполлинарія Матвѣевна *(входя)*. Грѣховодникъ ты этакой, Алексѣй Петровичъ! Не грѣхъ ли тебѣ? Въ такое время ты пляски да пѣсни затѣваешь... *(Селифантьеву)*. Пошелъ, протупея, на свое мѣсто... *(въ сторону)*. Сомустители!

Алексѣй Петровичъ. Ну, ну, старуха, не ворчать. Что это, мати, въ черныя-то платья да въ чепцы съ ребронами разрядилась? Посмотри, Макаръ Макарычъ, на барынѣ чепчикъ, барыня ходитъ шепчетъ.

Макаръ Макаровичъ. Вижу, сударь, вижу: барыни все въ чепчикахъ. Извините, сударыня, Аполлинарія Матвѣевна, что повеселились немножко: дѣло наше молодое, веселое... извините.

Алексѣй Петровичъ. Старуха! Не хмуриться... Маршъ сюда и поцѣлуй меня!

Аполлинарія Матвѣевна *(садясь на диванъ)*. Ай, перестань ты съ своими поцѣлуями! Не надсажай ты моего сердца. Вонъ, братецъ, пришелъ... *(Александру)*. Подай дядѣ стулъ, безтолковый.

Власій Матвѣевичъ. Ничего, милая, не безпокойся. Здравствуй, Алексѣй Петровичъ... *(Макару Макаровичу на его поклонъ).* Здравствуйте... *(Садится на поставленномъ ему посреди сцены Александромъ стулъ; въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ молчаніе. Власій Матвѣевичъ съ важностью нюхаетъ табакъ).*

Алексѣй Петровичъ. Здоровы ли, Власій Матвѣевичъ? Давно мы съ вами не видались.

Власій Матвѣевичъ. Слава Богу, братъ Алексѣй Петровичъ. Я и самъ давно сбирался къ вамъ: первое что видѣться желалъ, а второе, меня безпокоитъ и здоровье сестры, которое слышу, день ото дня слабѣетъ. Надобно ей очень беречь себя.

Алексѣй Петровичъ. Кому-съ не надобно беречь здоровье? Не только старымъ, а и молодымъ. Вотъ ваша супруга и помоложе моей, а на ладонъ, говорятъ, дышитъ... *(говоря это, Алексѣй Петровичъ подмигнулъ Макару Макаровичу).* Вы лучше скажите намъ, что новаго пишутъ въ газетахъ?.. *(къ Макару Макаровичу).* А у меня, братецъ, по сю пору нѣтъ газетъ, что ты прикажешь дѣлать?

Макаръ Макаровичъ. Эка, сударь, а! Что это все нѣтъ да нѣтъ? А я, признаться, къ газеткамъ-то и подбирался было; за ними больше и пріѣхалъ.

Алексѣй Петровичъ. Нѣтъ, братецъ, не высылаютъ да и только. Хочу ужъ самъ завтра ѣхать въ городъ на почту и разбранюсь съ этимъ почтмейстеромъ: отвѣтить-то, братецъ, толкомъ мнѣ не хочетъ. Я, наконецъ, писалъ, чтобы по книгамъ сдѣлалъ для меня выправку и прислалъ мнѣ, а я бы сейчасъ въ петербургскій почтамтъ махнулъ, такъ не даетъ, а только на словахъ приказываетъ, что нѣтъ... За хорошаго человѣка, братецъ, считалъ, а выходитъ какая-то каналья.

Аполлинарія Матвѣевна. Что горячишься и выходишь изъ себя? Пришлютъ всѣ вдругъ: не все ли равно?

Алексѣй Петровичъ. Ахъ, ты умница моя! Выдумала что! Пришлютъ? Да теперь-то за что пытаютъ меня? Разсудила! Другую недѣлю сижу, ничего не знаю... (*Макару Макаровичу*). И самъ-то, братецъ, какъ человѣкъ служивый, интересуюсь; а главное, о дѣтяхъ извѣстіе: вся жизнь, что называется, моя положена тамъ—и ни писемъ отъ нихъ нѣтъ, ни газетъ; а она еще тутъ умствуетъ: пришлютъ!.. Гдѣ—такъ у васъ много чувствъ и любви, а тутъ такъ ужъ очень разсудительны и хладнокровны!

Власій Матвѣевичъ. Послѣдняя самая свѣжая новость: наши войска перешли черезъ Дунай.

Алексѣй Петровичъ. Ну, вотъ, значитъ,

перешли... очень радъ, очень. Стало быть, Макаръ Макарычъ, чего мы съ тобой ждали, то и случилось.

Макаръ Макаровичъ. Это—слава Богу, сударь, Алексѣй Петровичъ, слава Богу.

Алексѣй Петровичъ. Какъ же, братецъ, не слава Богу! Самъ служилъ, знаешь. Можетъ быть, братецъ, что-нибудь тутъ и наши дѣтки заработали. Кабы, кажется, старшему Петрушѣ майора схватить, а Николаю крестикъ, такъ бы, кажется, я два дня, не отставая, плясалъ. Десять лѣтъ, братецъ, именинъ своихъ не справлялъ—все денегъ жалѣлъ, а тутъ займу да сдѣлаю пиръ на весь міръ:—музыкантовъ, пѣсельниковъ, братецъ, Макаръ Макарычъ, откуда-нибудь да достанемъ... *(поетъ)*.

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, ратныхъ строй!

Аполлинарія Матвѣевна *(въ сторону)*. Истерзаетъ онъ меня въ конецъ. Видѣть его не могу; пѣсни да пляски затѣваетъ, а того не знаетъ...

Власій Матвѣевичъ *(сестрѣ)*. Вы, я слышалъ, сестрица и послѣдняго вашего сына отправляете въ полкъ?

Аполлинарія Матвѣевна. Отправляемъ, братецъ.

Власій Матвѣевичъ. Съ кѣмъ же и при комъ вы сами останетесь? Не понимаю я, при-

знаюсь, вашего намѣренія; очень оно, по моему, странно.

Алексѣй Петровичъ. Что же вы находите страннаго-съ?

Власій Матвѣевичъ *(какъ бы не слыхавъ Алексѣя Петровича)*. Материнскому самоотверженію твоему долженъ же быть когда-нибудь и гдѣ-нибудь предѣлъ. Если мы любимъ дѣтей нашихъ, то не имѣемъ ли права и отъ нихъ требовать того же? Если въ ихъ младенчествѣ, въ дѣтствѣ и юности мы заботились о нихъ, жертвовали на воспитаніе ихъ послѣдними своими средствами: не обязаны ли и они, въ нашей старости, воздать намъ возмездіе? Не имѣешь ли ты, скажу я точнѣе, полнаго права приказать твоему сыну, чтобъ онъ остался при тебѣ и посвятилъ тебѣ нѣсколько лѣтъ жизни за все, что ты сама сдѣлала для него и прочаго своего семейства?

Алексѣй Петровичъ. Ты, я вижу, Власій Матвѣевичъ, не забылъ своей привычки съ боковъ да со стороны ставить мнѣ шпильки, а лучше бы говорилъ прямо. Я отпускаю Сашку!.. Я хочу, чтобъ онъ шелъ въ службу!... Ну! Что-жъ вамъ еще угодно съ Поллинаріей Матвѣевной? И поѣдетъ, и, если Богу угодно, худого изъ этого ничего не будетъ. Такъ ли, Макаръ Макарычъ?

Макаръ Макаровичъ. Безъ Бога волосъ съ головы человѣческой не падаетъ.

Власій Матвѣевичъ. Есть и другая, вѣдь, поговорка: береженаго Богъ бережетъ.. Вообразимъ себѣ, Алексѣй Петровичъ, что двое вашихъ старшихъ сыновей, или по службѣ, или по случаю женитьбы, или, пріобрѣтя состояніе въ отдаленныхъ мѣстахъ,—вообразимъ, говорю я,—что они никогда уже болѣе къ вамъ не вернутся; младшій, котораго вы ведете тѣмъ же путемъ, вѣроятно, послѣдуетъ ихъ примѣру, но что-жъ изъ этого будетъ? Вы оба старики, нѣкогда многосемейные, дѣлаетесь одинокими, сирыми, проводя остатокъ дней вашихъ въ одномъ только нетерпѣливомъ и часто безплодномъ ожиданіи писемъ, потому что отдалившіяся дѣти—увы!—весьма мало думаютъ объ отцахъ и матеряхъ. Все это, говорю я, при благопріятномъ теченіе обстоятельствъ; но война исполнена и другихъ ударовъ. Что, если одинъ изъ этихъ ударовъ разразится надъ вами, и смерть похитить вашихъ дѣтей, что тогда будетъ? Гдѣ и въ чемъ вы найдете утѣшеніе?..

(Аполлинарія Матвѣевна начинаетъ рыдать).

Власій Матвѣевичъ *(къ ней)*. Если вы будете плакать, я принужденъ буду замолчать. Несчастіе должно встрѣчать твердо, а не падать духомъ. Надобно оберегать себя отъ новыхъ бѣдъ, а не изливаться въ безполезныхъ жалобахъ.

Алексѣй Петровичъ. Что такое онъ за

рацеи читаетъ? Ты, видно, братецъ, Власій Матвѣичъ, совсѣмъ изъ ума выжилъ. Что это ты ко мнѣ такимъ зловѣщимъ ворономъ пріѣхалъ накаркивать какія вѣсти? Лучше бы не ѣздилъ... *(къ женѣ)*. Ты что, старая, ревешь? Ты о чемъ?.. *(къ Макару Макаровичу)*. Макаръ Макарычъ, что у нихъ? Сашка, что такое у васъ? Здоровы ли братья?

Аполлинарія Матвѣевна *(переходя къ Алексѣю Петровичу и упадая къ нему на плечо)*. Убиты, батюшка, Алексѣй Петровичъ! Убиты наши съ тобой красавчики! Не увидимъ ихъ больше на этомъ свѣтѣ.

Александръ. Папенька, я не знаю... Здоровы, кажется... Что-жъ вѣдь...

Алексѣй Петровичъ *(совсѣмъ пораженный)*. А!.. Убиты?.. Ну, не думалъ я этого... Что-жъ вы отъ меня, какъ отъ малаго ребенка, скрывали да обманывали?... *(крестится)*. Царство небесное Петру и Николаю!.. Селифантьевъ! Поди, зови священника въ церковь... Вотъ, Макаръ Макарычъ, мы съ тобой сегодня поутру пѣсни пѣли, а теперь приходится панихиду служить... *(Всѣ плачутъ. Алексѣй Петровичъ, обведя всѣхъ глазами)*. Ну, что всѣ расхныкались? Старуха!.. *(обнимаетъ жену)*. Не нюнить; говорятъ не нюнить! За твои слезы и ропотъ Богъ насъ и наказалъ... *(стукнувъ палкой)*. Никто не смѣй у

— Бери, царь, послѣдняго. .

меня плакать, когда я не плачу... Сашка, поди сюда... (*Александръ подходитъ*). Братьевъ, братецъ, убили... Ну!

Александръ. Знаю, папенька!.. Что-жъ? Отъ смерти нигдѣ не уйдешь.

Аполлинарія Матвѣевна. Оставь ты мнѣ, батюшка, хоть этого-то на поглядочку; не отнимай ты послѣдней этой радости у меня!

Алексѣй Петровичъ. Стань, Александръ, передо мною на колѣни. (*Александръ становится*). Благословите, Поллинарія Матвѣевна, сына: онъ сегодня же поѣдетъ на убылое мѣсто... Ну, не выводить же меня въ конецъ изъ терпѣнія!..

Аполлинарія Матвѣевна (*заливаясь слезами*). Я, батюшка, ничего; дѣлай, какъ хочешь, не тревожься только; я за тебя то больше боялась... (*благословляетъ и обнимаетъ сына*).

Алексѣй Петровичъ (*поднимаетъ надъ нимъ руки*). Благослови тебя Господь! Возьми, царь, послѣдняго! У меня ужъ никого больше не осталось... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Макаръ Макаровичъ. Аминь!..

(*Занавѣсъ падаетъ*).

Bibliothek „ELITA“

Оглавление

Очерки жизни А. Ѳ. П. 5.

Питерщик 9.

Плотничья артель 46.

Старая барыня 137.

Гимназист и студент 199.

Русские ягуны 242.

Паша Вихров 269

Ветеран и новобранец 379

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Pisemskiĭ dlia dietei : sobran
891.73 P677PI
D90354574.